



ВЕСТНИК
ЕВРЕЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
В МОСКВЕ

№1(14)

МОСКВА ИЕРУСАЛИМ
1997 5757

**Издание журнала осуществляется
благодаря поддержке
Российского Еврейского Конгресса
Американского Распределительного Комитета
«Джойнт»
Корет Фаундейшн (Сан-Франциско)**

ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В МОСКВЕ

№ 1(14), 1997

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

История

- И. ЛЕВИНСКАЯ (С.-Петербург). Еврейская самоидентификация и налог на евреев (*Fiscus iudaicus*) 4
- В. НАХМАНОВИЧ. Прорыв за Черту (История принятия закона о праве повсеместного жительства евреев — кулцов 1-й гильдии) 16
- Р. ГАНЕЛИН (С.-Петербург). Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 году 41
- В. КЕЛЬНЕР (С.-Петербург). Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы первой мировой войны 66
- Л. СМИЛОВИЦКИЙ (Иерусалим). Советская еврейская школа в Белоруссии в 1920—1930-х годах 94

Этнология

- М. КАРАКЕТОВ. Хазарско-иудейское наследие в традиционной культуре карачаевцев 103

Культура

- А. ЖАМКОЧЯН (Ереван). Восточные источники «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина 111
- Р. ГЕНЗЕЛЕВА (Иерусалим). Повесть Израиля Меттера «Конец детства» и русско-еврейская литература 30-х годов 115
- Л. ШОЛОХОВА (Киев). По материалам первой этнографической экспедиции М. Береговского 143
- Р. КАПЛАНОВ. Антонио Нунес Рибейро Саншес — первый еврейский интеллигент в Российской империи 154
-

МОСКВА
1997



ИЕРУСАЛИМ
5757

АРХИВ

Публикации

- «Со страшной быстротой растут активные силы сионистов из недр еврейских масс...». Публикация В. Гусева 178

Воспоминания

- Р. ЛЕРТ. Еврейский погром в Киеве в 1919 году. Публикация И. Энгельгардта 193

РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

- А. ЛОКШИН. Рецензия на книгу: Гассеншмидт К. Еврейские либеральные политики царской России, 1900—1914: Модернизация русского еврейства. Оксфорд, 1955 204
- А. Л. Рецензия на книгу: Дубнова-Эрлих С. Хлеб и маца: Воспоминания и стихи разных лет. СПб., 1994 210
- Е. ЖУКОВСКИЙ. Рецензия на книгу: Розовский Г. Университет: Пособие для владельца. М., 1995 213
- Указатель содержания «Приложения к журналу “Гакармель”». Составитель А. Бржезовская. Продолжение 219

ХРОНИКА

- Б. ГРАНОВСКИЙ. Еврейская музыка: проблемы изучения и преподавания 248

Редакционная коллегия:

Р. КАПЛАНОВ — *председатель*
 М. КУПОВЕЦКИЙ — *главный редактор*
 М. ГРИНБЕРГ — *зам. главного редактора*
 А. ЛИБЕРМАН — *зав. редакцией*
 Г. КАЗОВСКИЙ
 В. КЕЛЬНЕР
 А. КОВЕЛЬМАН

А. ЛОКШИН
 А. МИЛИТАРЕВ
 В. ПЕТРУХИН
 В. СОБКИН
 М. ЧЛЕНОВ
 Ш. ШТАМПФЕР

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

И. Левинская (С.-Петербург)

ЕВРЕЙСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И НАЛОГ НА ЕВРЕЕВ (FISCUS IUDAICUS)

В последние годы проблема еврейской самоидентификации в I в. н. э. стала предметом оживленной дискуссии. Характерно, однако, что Деяния Апостолов, описывающие события I в. и созданные скорее всего не позднее 80-х гг. I в.¹, участниками дискуссии или не использовались вообще, или скептически отбрасывались. Причину этого сформулировал М. Гудмен: «Отношение к Деяниям как к сочинению теологическому, а не историческому — хорошо это или плохо — стало общепринятым среди новозаветных ученых»². В целом можно заметить определенную непоследовательность в использовании Деяний как источника информации о I в. С одной стороны, это сочинение широко привлекается для локализации еврейских общин I в. и такие топонимы, как, например, Иконий или Филиппы, появились на карте еврейской диаспоры I в. исключительно со страниц Деяний Апостолов. С другой стороны, надежность свидетельства Деяний о жизни евреев в диаспоре, и в особенности об их отношениях с окружающим языческим миром, постоянно оспаривается.

Отрицать, что теологические идеи Луки повлияли на его отбор материала и оценку этого материала, было бы по меньшей мере наивно. Любой историк, древний или современный, испытывает влияние той или иной идеологии, так что обещание Тацита писать *sine ira et studio* остается среди невыполнимых *desiderata*: если писать *sine ira* находится вполне в пределах человеческих возможностей, то *sine studio* явно за этими пределами. Ни один историк, пытающийся реконструировать события прошлого, а не просто составлять хронологические таблицы, не может избежать избирательности при работе с материалом, а также прямых или косвенных оценок. У Луки был свой взгляд на возникновение

христианского миссионерства и на эволюцию ранней церкви. В соответствии со своими теологическими воззрениями он и отбирал материал. Его историческая концепция тесно переплетена с теологической. Однако Лука как историк — это особая тема. Для нынешней же важно обозначить то, что историческая концепция и точность в изображении исторического фона — вещи принципиально различные. И. Г. Маршалл, доказывая, что Лука заслуживает самого серьезного отношения как историк, заметил, что «от писателя, который стремится к точности в изображении исторического фона, можно ожидать точности и в изложении событий»³. К сожалению, это не всегда совпадает. Историческая новелла может быть вполне правдоподобно костюмирована. А вот обратное невозможно. Ни одно заслуживающее серьезного внимания историческое сочинение не может игнорировать точности в изображении реалий описываемого времени. Палестинский материал Лука знал достаточно хорошо⁴. Посмотрим, как изображение им еврейской диаспоры выглядит на фоне других источников и — в случае совпадения общей картины — как данные Деяний могут быть использованы в дискуссии о еврейской самоидентификации в I в.

Один из наиболее значительных вкладов в эту дискуссию принадлежит М. Гудмену. В ряде статей и в недавно вышедшей книге⁵ он развивает концепцию, согласно которой вплоть до самого конца I в., а еще точнее — до 96 г., то есть до того момента, когда Нерва произвел реформу *fiscus iudaicus* (налога на евреев), у римлян не существовало полной ясности относительно статуса евреев и сами евреи не задавались вопросом, кого из симпатизирующих им язычников (часть которых практически приняла иудейское единобожие, но без совершения формальной процедуры перехода в иудаизм) следует считать евреями, а кого — дружески расположенными иноверцами. Нерва прекратил начавшееся при Домициане преследование уклонявшихся от налога и отметил это событие чеканкой монет с надписью: «*fisci iudaici calumnia sublata*» — «ложные обвинения, связанные с налогом на евреев, прекращены»⁶. С точки зрения Гудмена, основное содержание реформы Нервы заключалось в том, что отныне принадлежность к еврейству определялась римским государством не этнически, как до этого, а религиозно. В результате этого изменения, во-первых, римские власти познакомились с концепцией прозелитизма, поскольку римляне стали, отвергая традиционных богов, переходить в иудаизм, и, во-вторых, евреи наконец про-

яснили для себя отношение к дружески расположенным к ним язычникам⁷.

То, что римское государство не было знакомо с концепцией прозелитизма во времена Иудейской войны 66—70 гг., когда на стороне евреев сражались жители Адиабены, чья правящая династия приняла иудаизм в середине I в., представляется мне в высшей степени сомнительным. Существование квазипрозелитов, то есть приверженцев иудаизма, не сделавших последнего шага и не принявших иудаизм формально, было также небезызвестно римским властям. Об их обеспокоенности модой на иудаизм свидетельствуют, например, изгнания евреев из Рима⁸.

Точное содержание реформы Нервы неизвестно⁹. Оно реконструируется на основе, с одной стороны, свидетельства Светония о злоупотреблениях при сборе налога при Домициане, а с другой — сообщений Диона Кассия о казни нескольких представителей римского нобилитета по обвинению в иудейском атеизме¹⁰ и о том, что Нерва запретил выдвигать обвинения в иудейском образе жизни. Посмотрим поближе на эти свидетельства.

Согласно Светонию, при Домициане иудейский налог взимался с особым рвением (*acerbissime*) и «*ad quem deferebantur qui vel[ut] inprofessi iudaicam viverunt vitam vel dissimulata origine imposita genti tributa non rependissent*»¹¹ — «преследованиям подвергались те, которые, не признавая этого открыто, вели иудейский образ жизни, и те, кто, скрыв свое происхождение, не платил дань, наложенную на их народ». Далее Светоний вспоминает сцену, свидетелем которой он был сам, когда девяностолетнего старца заставили раздеться перед прокуратором в переполненном народом зале суда, чтобы проверить, не был ли он обрезан¹². Обычная интерпретация этого пассажа Светония состоит в том, что две различные группы людей не считали нужным платить налог и были за это подвергнуты наказанию при Домициане: приверженцы иудаизма, не являвшиеся этническими евреями¹³, и евреи, которые отказались от еврейского образа жизни и скрывали свое происхождение. Сбор налога с этих двух групп обычно рассматривается как нововведение Домициана¹⁴.

Свидетельство Диона Кассия звучит следующим образом:

«В том же году (в 95 г.— *И. Л.*) Домициан казнил наряду со многими другими консула Флавия Клемента, хотя тот был его двоюродным братом и был женат на Флавии Домицилле, также родственнице императора. И тот и другая были обвинены в атеизме, по каковому обвинению были осуждены многие, вос-

принявшие иудейский образ жизни (ἐς τὰ Ἰουδαίων ἤθη ἐξοκέλωντες). Некоторые из них были казнены, остальные приговорены к конфискации имущества»¹⁵.

«Нерва также освободил всех, кто был под судом по обвинению в *maiestas* (ἀσέβεια), и вернул осужденных по этим делам из ссылки... и никому более не было дозволено обвинять в *maiestas* или в иудейском образе жизни (Ἰουδαϊκὸς βίος)»¹⁶.

Сравнение текста Светония и первого пассажа из Диона Кассия привело М. Гудмена к заключению, что поскольку нельзя было тех римлян, которые увлеклись иудаизмом, за это одновременно и обложить налогом, и казнить, то у Светония речь идет о двух группах евреев, которые дистанцировались от иудаизма, скрывая или свою религиозную практику, или свою этническую принадлежность¹⁷. Таким образом, с точки зрения Гудмена, реформа Нервы касалась только злоупотреблений по отношению к евреям. Отметим сразу, что тогда прекращение этих злоупотреблений должно было рассматриваться государством как дело чрезвычайной важности, раз оно было отмечено чеканкой монет с особой надписью. Более того, как полагает Гудмен, государство не только их прекратило, но и выработало новый подход к «еврейскому вопросу».

Такая интерпретация не представляется мне убедительной. Иудаизм был *religio licita*¹⁸. Римские граждане не могли подвергаться преследованию за прибавление очередного экзотического божества к своему личному пантеону при условии, конечно, что они не начинали при этом пренебрегать своим гражданским долгом и подтверждали свою лояльность государству участием в государственных культах¹⁹, которые в этот период включали культ императора. Отказ от этого мог преследоваться как государственная измена (*maiestas*)²⁰. Термин «атеизм», который был употреблен Дионом, юридическим не является²¹. Какие же обвинения могли стоять за формулировкой Диона?²² Вряд ли это могло быть *crimen laesae religionis*, поскольку преступления против религии никогда не были частью римского уголовного законодательства²³ и только начиная с Северов отказ от почитания богов стал преследоваться как *crimen*.

Светоний, современник описываемых Дионом Кассием событий, также упомянул о смерти Флавия Клемента, не указав, однако, что тот был обвинен в атеизме. Он отметил только, что Клемент, чьи сыновья официально считались наследниками Домициана, был неожиданно казнен по ничтожному подозрению:

repente ex tenuissima suspicione²⁴. Из светониевского описания тем не менее очевидно, что настоящей причиной казни Светоний считал опасения Домициана, что Флавий Клемент готовит против него заговор, чтобы расчистить путь к власти для своих сыновей. Также очевидно, что Светоний в такой заговор не верил — не случайно он характеризует Клемента как человека предельно безынициативного (*contemptissimae inertiae*)²⁵. Светоний ничего не сообщает об официальных обвинениях против Клемента. Однако принимая во внимание высокое положение последнего, серьезность наказания и то, что *lex maiestatis* активно применялся в последний период правления Домициана²⁶, предположение, что Клемент был обвинен в измене, почти неизбежно. Если информация Диона верна, что, учитывая его особый интерес к феномену прозелитизма²⁷, вполне вероятно, то обвинение в атеизме, ставшее основанием для возбуждения дела по *scimen maiestatis* и приведшее к казни Клемента, послужило предлогом, скрывающим истинную причину — страх Домициана перед заговором. Во время террора конца правления Домициана это вполне могло произойти несмотря на то, что Клемент, который в 95 г. был *consul ordinarius*, как высший магистрат неизбежно принимал участие в официальных религиозных церемониях. Похоже, что для Диона Кассия было очевидно, что Домициан рассматривал *atheotes* в терминах измены. Именно поэтому он ставит рядом обвинения в *maiestas* и в иудейском образе жизни.

Трудно сказать, насколько основательны были эти обвинения. С одной стороны, учитывая претензии Домициана на божественный статус²⁸, любое сдержанное отношение к этим претензиям могло оказаться достаточным поводом для обвинения в отвержении государственных богов и, поскольку неучастие в отправлении государственных культов было характерно для евреев, в иудейском «атеизме». С другой стороны, среди высшего эшелона римского общества существовала своего рода мода на иудаизм²⁹. Вполне возможно, что Клемент в действительности был квази-прозелитом. Не подлежит определению также число действительных жертв домициановского террора, казненных по обвинению в иудейском «атеизме». Хотя Дион и говорит о многих жертвах, сколько их было помимо тех случаев, о которых он упоминает, неизвестно. Как заметил Меррилл, «ни Светоний, ни Дион, ни кто-либо из других античных авторов, писавших на эту тему, нигде не упоминают о том, что кровожадная зависть Домициана была направлена против кого-нибудь за пределом круга высшей

аристократии, которой у него, как он полагал, были основания опасаться, или что она выходила за узкие пределы двора и парламента. Нет намеков и на то, что она была распространена на провинции или на простой народ в Риме. А ведь если бы так было, то скорее всего эхо событий до нас бы дошло. Но источники хранят абсолютное молчание»³⁰.

Учитывая все сказанное, представляется вероятным, что при Домициане иудействующих римлян заставляли платить налог на евреев, но в особых случаях, когда это соответствовало интересам императора, их обвиняли в атеизме и судили в соответствии с *lex maiestatis*³¹. Вполне возможно, Домициан начал свою охоту на иудейских ведьм, движимый алчностью,— Светоний обсуждает этот сюжет в контексте его *cupiditas*. Не приходится удивляться тому, что в атмосфере, когда доносы были прибыльны, а доносчики поощрялись, число иудействующих, в том числе представителей нобилитета, должно было оказаться весьма значительным. Это могло натолкнуть Домициана на плодотворную мысль о том, что иудейский атеизм представляет собой удобное обвинение против политических противников. Именно значительность аристократических имен, оказавшихся втянутыми в дела, связанные в общественном мнении с доносами на уклонявшихся от иудейского налога, побудила Нерву отчеканить специальную монету в ознаменование конца домициановских *calumnia*.

При Нерве налог продолжали собирать. Наши источники не дают оснований для предположения о каких-либо изменениях³². Скорее всего Нерва просто восстановил тот порядок, который существовал до вмешательства Домициана, и налог платила та же категория людей, что и прежде. Но с кого римские власти взимали налог до Домициана?

Согласно Иосифу Флавию, Веспасиан «обложил налогом евреев, где бы они ни жили, и каждый должен был платить ежегодно две драхмы в храм Юпитера Капитолийского так же, как раньше они платили эту же сумму Иерусалимскому Храму»³³. Поскольку храмовый налог платили как этнические евреи, так и прозелиты³⁴, из сообщения Иосифа Флавия следует, что и *fiscus iudaicus* также платили обе эти категории.

Дион Кассий дополняет свидетельство Флавия: «Καὶ ἀπ' ἐκεῖνου δίδραχμον ἐτάχθη τοὺς τὰ πατρία αὐτῶν ἔθη περιστέλλοντας τῷ Καπιτωλίῳ διὰ κατ' ἔτος ἀποφέρειν»³⁵.— «С этого времени (со дня падения Иерусалима.— *И. Л.*) было установлено, чтобы ев-

реи, которые продолжают соблюдать отеческие обычаи, платили ежегодно две драхмы Юпитеру Капитолийскому». Этот текст подразумевает, что налогообложение было основано на религиозном принципе и ему подвергались только практикующие иудаизм. Формулировка Диона Кассия предполагает, что те, кто отказался от «отеческих обычаев», платить его переставали³⁶. Против них в том числе и были направлены инновации Домициана. Наиболее известным среди таких вероотступников был племянник Филона Тиберий Юлий Александр, сделавший выдающуюся карьеру и занимавший посты наместника Иудеи и префекта Египта³⁷.

Из сравнения сообщений Диона и Иосифа Флавия видно, что, поскольку римское государство определяло евреев по религиозному признаку с самого начала сбора налога и поскольку налог платили те, кто до этого платил храмовый налог, религиозная граница еврейских общин была установлена до разрушения Храма. Как отметил Коэн, добавление религиозного самоопределения евреев к их этническому самоопределению и установление двойной самоидентификации в Палестине датируются Маккавейским периодом: «...в третьем и втором веках до Р. Х. ...для нового определения *ioudaios* общая кровь сохраняла свою важность, общий язык потерял в значении, зато стал гораздо более важным общий способ Богопочитания и общий образ жизни»³⁸. Это наблюдение, как представляется, следует распространить также на евреев диаспоры I в. К этому времени евреи отдавали себе отчет как в собственной религиозной идентификации, так и в статусе дружески расположенных к ним язычников.

Остается, однако, вопрос, до какой степени можно полагаться на наблюдения Диона Кассия, известного своей привычкой расцветывать свой исторический труд собственными оценками и опытом и при описании событий прошлого не терять из вида современности³⁹. Не может ли оказаться, что его сообщение отражает скорее современную ему ситуацию?⁴⁰ Дать ответ на этот вопрос могут помочь Деяния.

У евреев I в., как их описал Лука в Деяниях, не было никаких сомнений по поводу того, кто был, а кто не был евреем. Между евреями и остальным миром пролегла твердая граница, и для мужчин это было обрезание⁴¹. Для Луки, как и для Павла, словосочетание *οἱ ἐκ περιτομῆς* (люди обрезания) является синонимом слову «еврей»⁴². Даже образцовый квазипрозелит Корнилий, несмотря на все свои заслуги: он вместе со своим домом

боялся Бога, был благодетелем еврейской общины, непрерывно молился Богу и заслужил хорошую репутацию среди всего еврейского народа, как отмечает Лука, — даже он в еврейских глазах остается не более чем язычником⁴³.

Деяния показывают также, что и языческий статус женщин-квазипрозелиток сомнения не вызывал. Почитающая иудейского Бога продавщица пурпура из Тиатире Лидия, после того как она вместе со всем своим домом приняла крещение, пригласила Павла и его спутника остановиться у нее. Даже апостол язычников Павел, который на этом этапе своей миссионерской деятельности должен был думать о негативной реакции евреев на факт его пребывания в одном доме с язычниками, не был готов с ходу принять ее приглашение. Лидии пришлось настаивать на своем приглашении (παρεβιάσατο — выразительный экспрессивный глагол, с корнем «сила»), пользуясь достаточно сильными аргументами, которые Лука счел нужным привести: «Если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите у меня»⁴⁴. Позднее, в Коринфе, когда Павел, встретившись с резкой оппозицией своей миссии в местной синагоге, приходит в дом квазипрозелита Юста, то он обставляет это как символический жест, наполненный глубоким смыслом: «Кровь ваша на главах ваших; я чист, отныне я иду к язычникам»⁴⁵.

Учитывая, что образцовый квазипрозелит Корнилий был жителем Кесарии, казалось, можно было бы предположить, что даже если граница между евреями и симпатизирующими им язычниками и была четко проведена в Палестине (что предопределило позицию Иерусалимской церкви по отношению к обрезанию), то евреи диаспоры, живущие среди язычников, должны были в силу обстоятельств быть гораздо менее строгими в этом отношении. Но эпизоды с Лидией и Юстом показывают, что ситуации были идентичными. Нет сомнения, что отношения между евреями диаспоры и язычниками были гораздо более тесными, чем отношения последних с евреями Палестины. С другой стороны, опасность раствориться в языческом мире делала проблему еврейской самоидентификации в диаспоре более насущной. Помимо религиозного самоопределения в диаспоре сохраняла свое значение общая кровь, то есть этническое самоопределение. И здесь Деяния Апостолов также могут снабдить нас полезной информацией. Но это уже другая тема.

¹ Диапазон датировок Деяний, которые можно встретить в научной литературе, очень велик: от периода, предшествующего падению Иерусалимского Храма (*Blass F. Evangelium secundam Lucam. Leipzig, 1897. S. LXXIX; Harnack A. von. The Date of Acts and the Synoptic Gospels. L.; N.Y., 1911. P. 92—93, 114; Hemer C. The Book of Acts in the Setting of Hellenistic History. Tübingen, 1989. P. 404; см. список в: Hemer C. Op. cit. P. 367—368*), до 20-х гг II в. (*O'Neill J. C. Theology of Acts. L., 1970. P. 1—58; см. список в: Hemer C. Op. cit. P. 370*). Дата 70—80-е гг. I в.), которую отстаивает Ф. Ф. Брюс в его третьем, дополненном издании комментариев к греческому тексту Деяний (*Bruce F. F. The Acts of the Apostles: Greek Text with Introduction and Commentary. Grand Rapids, 1990. P. 9—18*), с моей точки зрения, соответствует всем доступным на сегодняшний день данным.

² *Goodman M. Who was a Jew? Oxford, 1989. P. 10.*

³ *Marshall I. H. Luke: Historian and Theologian. Exeter, 1970. P. 69.*

⁴ *The Book of Acts in Its First Century Setting. Vol. 4. The Book of Acts in Its Palestinian Setting, ed. Bauckham R. Grand Rapids; Carlisle, 1995. P. 174—177 (S. Mason); P. 209 (R. Riesner); P. 355—356 (B. Capper); P. 263—265 (W. Reinhardt); P. 27, 77—78 (M. Hengel).*

⁵ *Goodman M. Herva, the Fiscus Iudaicus and Jewish Identity // Journal of Roman Studies. 1989. Vol. 79. P. 40—44; Id. Who was a Jew? P. 1—19; Id. Proselytising in Rabbinic Judaism // Journal of Jewish Studies. 1989. Vol. 38. P. 175—185; Id. Diaspora Reactions to the Destruction of the Temple // Jews and Christians: the Parting of the Ways AD 70 to 135. Tübingen, 1992. P. 27—38; Id. Mission and Conversion: Proselytizing in the Religious History of the Roman Empire. Oxford, 1994. P. 121—126.*

⁶ *Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol. 3. Nerva to Hadrian. L., 1936. № 88, 98, 105, 106; The Roman Imperial Coinage. L., 1926. Vol. 2. № 58, 72. 82.*

⁷ *Goodman M. Who was a Jew? P. 15f.*

⁸ Это не означает, разумеется, что у римских властей имелось четкое представление о разнице между обеими категориями. Но они имели возможность обратить внимание на то, что энтузиазм по части иудаизма, охвативший в том числе и некоторых представителей высшего эшелона римского общества (о чем чуть позже), может завести далеко. — династы Адиабены были этому тревожным подтверждением.

⁹ Что имеет в виду М. Сорди, когда она пишет, что Нерва «прекратил собирать еврейский налог, который не следует путать с *fiscus iudaicus*», находится за пределами моего разумения (*Sordi M. The Christians and the Roman Empire. L.; N.Y., 1994. P. 48*).

¹⁰ Стандартное обвинение евреев, вызванное отсутствием у них изображения Бога и их отказом признавать других богов; см.: *Schürer E. The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ. Vol. 3, 1. Edinburgh, 1986. P. 612f.*

¹¹ *Domitianus 12:2.*

¹² История о девяностолетнем старике, казалось бы, противоречит распространенному мнению, что в соответствии с документальным материалом из Египта верхний возрастной предел для налогообложения был 60 лет или 62 года. Но, с другой стороны, как отметил М. Стерн, это мнение основывается на общих соображениях и параллели с подушной податью (*laographia*) (*Stern M. Greek and*

Latin Authors on Jews and Judaism. Jerusalem, 1980. Vol. 2. P. 131). У нас имеются документальные свидетельства, хотя и не вполне однозначные, о том, что женщины этого возраста были освобождены от иудейского налога. Однако трудно сказать, распространялось ли подобное освобождение также и на мужчин (*Smallwood E. M.* The Jews under Roman Rule. Leiden, 1976. P. 373). В принципе нельзя также исключить и возможности того, что отмена верхнего возрастного предела была одним из злоупотреблений Домициана (*Bruce I.A.F.* Nerva and the Fiscus Iudaicus // Palestine Exploration Quarterly. 1964. Vol. 96. P. 40—41; *Hemer C. J.* The Edfu Ostraka and the Jewish Tax // Palestine Exploration Quarterly. 1972—1973. Vol. 104-105. P. 7, n. 10).

¹³ Относительно того, к какой категории следует отнести таких людей, высказывались самые разнообразные точки зрения, см. их перечисление у: *Williams M.* Domitian, the Jews and the 'Judaizers' — a Simple Matter of Cupiditas and Maiestas? // Historia. 1990. Vol. 34:2. P. 198, n. 9. См. также список литературы в: *Hemer C. J.* The Edfu Ostraka... P. 6, n. 3. И.А.Ф. Брюс высказал предположение, что инновации Домициана касались этнических евреев из Италии, которые до этого были освобождены от налога (*Bruce I.A.F.* Nerva... P. 34—45), но это противоречит свидетельству Иосифа Флавия в «Иудейской войне» 7.128 (*Williams M.*, loc. cit.). Концепция М. Сорди, опирающаяся на свидетельство Диона Кассия (см. ниже), согласно которой *improfecti* были обречены на смертную казнь, в то время как те, кто открыто признавал свой иудейский образ жизни, должны были платить налог и наслаждаться свободой исповедовать *religio licita* и поэтому упрямство римских аристократов, предпочитавших смертную казнь открытому признанию себя иудействующими, может быть понято только в случае, если на самом деле они были христианами, находится в противоречии с ясным утверждением Светония, что *improfecti* должны были платить налог (*Sordi M.* The Christians... P. 48f.).

¹⁴ См., впрочем: *Williams M.* Op. cit. P. 198f., где фискальные инновации Домициана отрицаются. При этом Вильямс ссылается на аналогичное мнение Леона (*Leon H. J.* The Jews of Ancient Rome. Philadelphia, 1960. P. 33). Следует отметить, однако, что Леон считал *improfecti* светониевского пассажа прозелитами, которые, хотя и должны были в соответствии с законом платить налог, не вносили свои имена в списки налогоплательщиков, в то время как Вильямс видит в них иудействующих язычников.

¹⁵ *Cassius Dio* 67.14, 1—3. Большая часть истории Диона Кассия, посвященная правлению Домициана, включая и этот пассаж, сохранилась только в сокращении Ксифилина (XI в.). Защищаемая многими традиция, в соответствии с которой Клемент и Домицилла были христианскими мучениками, имеет довольно позднее происхождение (IV в. для Домициллы и VIII в. для Клемента) и на этом основании должна быть отвергнута (см.: *Leon H. J.* Op. cit. P. 34f.; *Smallwood E. M.* Op. cit. P. 381f.).

¹⁶ *Cassius Dio* 68, 2 (apud Xiphilinus).

¹⁷ *Goodman M.* Nerva... P. 41. см. также: *Id.* Who was a Jew? P. 15.

¹⁸ Этот термин, широко употребляемый в современной научной литературе, строго говоря, юридическим не является и был заимствован из характеристики иудаизма, сделанной Тертуллианом (Apol. 21, 1): «...quasi sub umbraculo insignissimae religionis, certe licitae...».

¹⁹ О мерах, которые предпринимались в республиканский период для обеспечения почитания только истинно римских богов, см.: *Bauman R. A.* Tertullian

and the Crime of Sacrilegium // *The Journal of Religious History*. 1966—1967. Vol. 4. P. 181f. Баумен доказывает в своей статье, что все эти меры находились вне рамок уголовного законодательства.

²⁰ Римский закон об измене имел очень широкую сферу применения: «Государственный заговор рассматривался как *maiestas*, но проиграть битву тоже было *maiestas* ...равно как и незаконно претендовать на римское гражданство, или лицу государственному посетить публичный дом, или вести судебное заседание в нетрезвом виде, или надеть женское платье, или публиковать клеветнические памфлеты и вступить в связь с дочерью императора» (*Bauman R. A. The Crimen Maiestatis in the Roman Republic and Augustan Principate*. Jahannesburg, 1967. P. VII). Во время принципата закон, восходивший еще к республиканскому периоду и охранявший государственную безопасность, был расширен и помимо таких преступлений, как участие в мятеже, переход на сторону врага во время войны, должностные преступления и т. п., стал включать в себя оскорбление императора словами или действием. Оскорбление богов стало рассматриваться как измена. Через постановления о *Divus Augustus* категория *impietas* по отношению к обожественному императору была инкорпорирована в *lex maiestatis*. При Калигуле отказ совершать жертвоприношения императору воспринимался как оскорбление *divina maiestas* императора и начал трактоваться в терминах *crimen maiestatis* (*Bauman R. A. Impietas in Principem: A Study of Treason against Roman Emperor with Special Reference to the First Century A. D.* München, 1974. P. 1—24).

²¹ Обвинение евреев в атеизме было упомянуто Иосифом Флавием в его рассказе об антиеврейских нападках Аполлония Молона (с. Ap. 2.148). Помимо Диона Кассия это обвинение также упоминается Юлианом (с. Galilaeos 43B); ср. также: Ptolemaeus, *Apotelesmatica* 11,3,31; Porphyrius, *Adversus Christianos*, ар.: Eusebius, *Praeparatio Evangelica* 1.2, 3. В латинском языке слово фиксируется не раньше IV в., но не в юридическом языке (*Conzelmann H. Gentiles-Jews-Christians: Polemics and Apologetics in the Greco-Roman Era*. Minneapolis, 1992. P. 246).

²² Ср.: *Bauman R. A. Impietas...* P. 4f. о неспособности Диона и греческих авторов вообще точно и последовательно передавать римскую юридическую терминологию.

²³ Характерен в этой связи эпизод, рассказанный Тацитом в «Анналах» 1.73. 2—4. Некий Рубрий был обвинен в том, что он оскорбил *pumen* Августа клятвенным преступлением. Тиберий отказался его наказывать, заметив, что *deorum iniurias dis sigas* (оскорбление богов — забота самих богов). Когда Тацит сообщает в «Анналах» 3.24.2, что Август обвинил обеих Юлий и их любовников в (*crimen*) *laesarum religionum ac violatae maiestatis*, то очень важно, что святотатство не является единственным основанием для обвинения, а поставлено рядом с оскорблением величия (*Bauman R. A. Tertullian...* P. 180—182).

²⁴ *Domitianus* 15,1.

²⁵ Ср.: *Merrill E. T. Essays in Early Christian History*. L., 1924. P. 149. Автор предлагает следующие интерпретации для *inertia*: «lack of energy», «lack of activity», «want of reasonable ambition», «absence of interest in public affairs», «leading a retired life». Слово *inertia* рассматривается иногда как намек на выполнение Клементом религиозных предписаний иудаизма, таких, как соблюдение субботы, которое презрительно клеймилось римлянами как лень (*Williams M. Op. cit.* P. 208, n. 89), или на его христианство (см., например: *Sordi M. The Christians...* P. 52).

²⁶ *Bauman R. A. Impietas...* P. 159.

²⁷ Stern M. Greek and Latin Authors... Vol. 2. P. 348.

²⁸ Обожествление в Риме было всегда посмертным (см. подробно: *Bickerman E. Consecratio // Le culte des souverains dans l'Empire romain. Vandoeuvres; Genève, 1973. P. 9—25 (Entretiens sur l'Antiquité classique, XIX). Требование Домициана, чтобы его титуловали dominus et deus noster (Suet. Domit. 13,2), было в вопиющем противоречии с римскими нормами.*

²⁹ Иосиф Флавий сообщает, например, о симпатиях к иудаизму Поппеи Сабини, жены императора Нерона (AJ 20. 195). См. дискуссию о Поппее Сабине и ее отношении к иудаизму в: *Smallwood E. M. The Alleged Jewish Tendencies of Poppea Sabina // Journal of Theological Studies. 1959. Vol. 10. P. 325—335; Williams M. H. Θεοσεβής γάρ ἦν — The Jewish Tendencies of Poppea Sabina // Journal of Theological Studies. 1988. NS. Vol. 39. P. 97—111.*

³⁰ *Merrill E. T. Essays... P. 157f.* Ср. аналогичные наблюдения Вильямс, которая объясняет обвинения римских аристократов в иудейском образе жизни отвращением Домициана к иудаизму (*Williams M. Domitian... P. 208f.*).

³¹ Ср.: *Williams M. Domitian... P. 207ff.*

³² В Эдфу не сохранилось остраконов времен правления Нервы, но материалы времени Траяна очень близки по форме тем, что принадлежат домициановскому периоду (*Hemer C. J. The Edfu Ostraka... P. 9.*).

³³ BJ 7.218.

³⁴ *Bruce I.A.F. Nerva... P. 41; Smallwood E. M. The Jews under Roman Rule. P. 376; Thompson L. A. Domitian and the Jewish Tax // Historia. 1982. Vol. 31. P. 333.*

³⁵ *Cassius Dio 65.7,2 (apud Xiphilinus).*

³⁶ *Bruce I.A.F. Nerva... P. 36; Thompson L. A., loc. cit.*

³⁷ *Tacitus. Ann. 15.28.3.*

³⁸ *Cohen S.J.D. Religion, Ethnicity, and 'Hellenism' in the Emergence of Jewish Identity in Maccabean Palestine // Religion and Religious Practice in the Seleucid Kingdom. Aarhus University Press, 1990. P. 220; ср. также p. 204.*

³⁹ Stern M. Greek and Latin Authors... Vol. 2. P. 347.

⁴⁰ Так считает, например, М. Гудмен (*Goodman M. Mission and Conversion... P. 123.*).

⁴¹ Исчерпывающую критику теории МакЭлени, согласно которой прозелиты не обязательно должны были подвергаться обрезанию (*MacEleney N. J. Conversion, Circumcision and the Law // New Testament Studies. 1974. Vol. 20. P. 319—341*), см. в: *Nolland J. Uncircumcised Proselytes? // Journal of the Study of Judaism. 1981. Vol. 12:2. P. 173—194.*

⁴² Деян. 10:45; 11:2; Гал. 2:12; Кол. 4:11; Тит. 1:10.

⁴³ Деян. 10:2, 22, 45.

⁴⁴ Деян. 16:14—15.

⁴⁵ Деян. 18:6.



ПРОРЫВ ЗА ЧЕРТУ

*(История принятия закона о праве повсеместного
жительства евреев — купцов 1-й гильдии)*

Эпоха Александра II, эпоха Великих реформ, не обошла стороной и еврейский вопрос. Можно сказать, что те немногие общегражданские права,¹ которые евреи имели в дореволюционной России, они получили именно в этот период. Право государственной службы и уравнивание в отбывании воинской повинности, право на участие в общем городском и земском самоуправлении и в новых судах. И, наверное, основное место в этом ряду должно быть отдано праву повсеместного жительства, которое было в эти годы предоставлено купцам 1-й гильдии и ремесленникам, отставным нижним чинам и лицам с высшим образованием¹. Черта оседлости дала трещины, все шире расходившиеся с каждым годом².

А первым ударом, нанесенным по этому удивительному, не имевшему аналогов созданию российского административного гения, был закон 3 апреля 1859 г., разрешивший, хотя и со многими оговорками, водворяться повсеместно на территории Российской империи евреям — купцам 1-й гильдии. (Подчеркнем, впервые со времен Екатерины II³ целая категория евреев была допущена в великороссийские губернии.) Истории принятия этого закона, борьбе, которую вели вокруг него представители высшего русского чиновничества, и посвящен настоящий очерк.

26 марта 1856 г., при докладе о состоянии дел в Еврейском комитете⁴, председатель последнего, министр государственных имуществ гр. П. Д. Киселев, обратил внимание государя на то, что достижению указанной при основании Комитета цели «слияния евреев с общим населением» препятствуют «разные ограничения, временно постановленные, которые, в соединении с общими законами, содержат в себе многие противоречия и порождают недоумения». Александр II согласился с необходимостью «пересмотреть все существующие о евреях постановления,

для соглашения с общими видами слияния сего народа с коренными жителями, поколику нравственное состояние евреев может сие дозволить»⁵.

«Нравственное состояние евреев» вообще было камнем преткновения для русских государственных деятелей. Стоило заикнуться о предоставлении евреям каких-либо новых прав, как неизменно кто-то обязательно вспоминал о том, что евреи, мораль которых основана на зловещем (хотя и практически неизвестном) Талмуде, представляют огромную опасность для доверчивого и беззащитного православного населения. И большинство дискуссий шло не по поводу высокого или низкого морально-нравственного уровня евреев (здесь для большинства ответ был заранее ясен), а о том, что чему должно предшествовать: права и льготы нравственному усовершенствованию евреев или наоборот. И прогрессивность александровской эпохи заключалась в том, что теперь гораздо чаще стал побеждать первый подход, тогда как при Николае I полностью господствовал второй. Только усвоив этот один из основополагающих принципов русского законодательства о евреях, мы сможем правильно понять изложенные ниже факты.

В программе-мер, которую П. Д. Киселев представил на рассмотрение Еврейского комитета в заседании 31 марта, предлагалось, между прочим, пересмотреть ограничения евреев в правах торговли, «в том отношении: не препятствуют ли эти ограничения развитию между евреями правильной торговли и умножению гильдейских капиталов, укореня повсеместно мелочную промышленность, которой местные начальства приписывают недостаток в обороте денег и бедность края»⁶. 5 июня царь утвердил журнал (протокол заседания) Комитета, одобрявшего программу Киселева и поручившего министрам, каждому по своему ведомству, составить проекты соответствующих законов. Пересмотреть положения о торговых правах евреев предстояло Министерству финансов.

Здесь необходимо сделать отступление и проанализировать, какими правами пользовалось в России еврейское купечество.

Во-первых, в пределах черты оседлости им «дозволялось записываться в гильдии⁷ и производить торги и промыслы <...> наравне с прочими российскими подданными»⁸.

Во-вторых, евреи — купцы 1-й и 2-й гильдий могли приезжать в города, находящиеся вне Черты, для покупки товаров два

раза в год, лишь бы пребывание их в оба раза не превышало для купцов 1-й гильдии шести месяцев, а для купцов 2-й гильдии трех месяцев в году. Им разрешалось также присылать вместо себя по торговым делам, в счет определенного для каждой гильдии срока, своих приказчиков. Еврей-приказчик, бывший во внутренних губерниях по доверенности купца два раза за год, при переходе к другому купцу не мог от его имени совершить третью поездку в течение того же года⁹.

Евреи — купцы 1-й гильдии допускались к подрядам во внутренних губерниях, с тем, однако, чтобы они не привлекали к управлению или наблюдению за ними евреев¹⁰.

Евреи — купцы первых двух гильдий могли также производить в столицах и портах, через приказчиков из христиан или местных купцов, оптовую продажу всех произведений губерний черты оседлости. Но продажа товаров в столицах и портах и открытие там лавок не могли производиться самими евреями под угрозой немедленной высылки и конфискации товаров¹¹.

Им дозволялось приезжать на ярмарки: Нижегородскую, Ирбитскую, Коренную (в Курске), Харьковскую и Сумскую — как для закупки, так и для оптовой продажи товаров, но продавать на этих ярмарках иностранные товары они не могли. Срок пребывания их в местах проведения ярмарок ограничивался временем самой ярмарки¹².

Наконец, евреям — купцам 3-й гильдии дозволялось приезжать самим или присылать вместо себя приказчиков в столицы и другие города для покупки товаров один раз в год на два месяца¹³.

Сущность всех ограничительных постановлений о еврейской торговле можно свести к двум основным пунктам:

1) *покупка* русских товаров евреями вне черты оседлости не только не воспрещалась, но даже покровительствовалась;

2) *продажа* товаров купцами-евреями вне черты оседлости допускалась в виде исключения. Как правило, разрешалась только продажа товаров, произведенных в черте оседлости.

Цель всех этих правил ясна: устранить конкуренцию приезжих купцов из западной окраины империи местным купцам внутренних губерний¹⁴. Но кроме этого, мы отчетливо видим во всех этих постановлениях нескрываемый патологический страх перед появлением, пусть даже кратковременным, евреев в великороссий-

ских губерниях. Наиболее явно это проявлялось в прямо-таки гомеопатически дозированной количестве дозволенных приездов во внутреннюю Россию евреев-приказчиков. Тем более, что нашлся в свое время специалист в ведомстве николаевского министра финансов гр. Е. Ф. Канкрин, точно определивший, что еврей-приказчик, третий раз за год выехавший за черту оседлости, начинает представлять собой уже непосредственную угрозу существующему порядку вещей!

Но вернемся к нашему сюжету. В июле 1856 г. Киселев дополнительно сообщил министру финансов, что государь отверг предложение рижского почетного гражданина М. Брайнина о дозволении евреям права повсеместного жительства для слияния их с коренным населением, но «повелел сообразить о возможности предоставления такого права евреям — купцам 1 и 2 гильдий и почетным гражданам»¹⁵. А в октябре того же года новым председателем Еврейского комитета, главноуправляющим II Отделением с.е.и.в. канцелярии гр. Д. Н. Блудовым¹⁶, опять же по высочайшему повелению, было препровождено членам Комитета для соображения всеподданнейшее прошение 20-ти евреев — почетных граждан и купцов 1-й и 2-й гильдий во главе с Е. Г. Гинцбургом, в то время еще каменецким 1-й гильдии купцом. Впоследствии он переехал в Петербург и стал крупнейшим русско-еврейским финансовым и общественным деятелем, основателем знаменитой в России династии баронов Гинцбургов. Просители ходатайствовали, «чтобы милосердный Монарх пожалел нас и, отделяя пшеницу от плевел, благоволил, в виде поощрения к добру и похвальной деятельности, предоставить некоторые, умеренные впрочем, льготы достойнейшим, образованнейшим, полезнейшим из нас, а именно:

1. Евреям, снискавшим <...> звание почетных граждан, и купеческим семействам, которые, состоя, с платежом гильдейских пошлин, примерно десять лет в первой или 15 лет во второй гильдии, не впали, в течение сего времени, в несостоятельность, не были опорочены судебным приговором и представили о сем засвидетельствование начальника губернии <...> даровать одинаковые права с другими подданными <...>»¹⁷.

В январе 1857 г. Александр II обратил особое внимание на предложения киевского генерал-губернатора кн. И. И. Васильчикова, изложенные им в отчете об управлении Юго-Западным

краем за 1856 г. В нем, в числе прочих мер, направленных к «нравственному и гражданскому возрождению еврейского народа»¹⁸, предполагалось «открыть для полезной промышленной и торговой деятельности евреев — капиталистов и фабрикантов торговые рынки империи, устранив существующие в сем отношении ограничения»¹⁹. Государь велел кн. Васильчикову «представить немедля» свои подробные соображения по вопросам преобразования евреев²⁰. В записке, конфиденциально представленной Васильчиковым председателю Еврейского комитета и министру внутренних дел 9 сентября 1857 г., предлагалось «евреям-фабрикантам дозволить учреждать в торговых городах внутренней России оптовые магазины для продажи произведений их фабрик и жить бессрочно по плакатным паспортам. Евреям, имеющим право почетного гражданина, и купцам I гильдии дозволить, на том же основании, учреждать в городах внутренней России банкирские конторы, вступать в подряды, откупа и другие торговые предприятия»²¹. Предложения киевского генерал-губернатора рассматривались на заседании Еврейского комитета 26 сентября, и решено было передать их министрам для соображения при составлении законопроектов²².

Таким образом, к концу 1857 г. уже были в принципе определены направление и границы возможного расширения прав евреев-купцов.

10 февраля 1858 г. министр финансов П. Ф. Брок представил в Еврейский комитет обширную записку «О соглашении существующих о евреях постановлений с общими видами слияния сего народа с коренными жителями империи». Рассуждая «относительно пользы, своевременности и меры расширения промышленной и торговой деятельности евреев и ослабления тяготеющих над евреями ограничений в местах жительства»²³, статс-секретарь Брок отмечал, что «необходимо иметь в виду, что токмо с успехом гражданственности и торговли множится производительность и возрастает промышленная народная деятельность, благотворно действующая на улучшение частного быта и на возвышение общего благосостояния. Из сего очевидно, что разрешение означенного важного вопроса <...> значительно облегчится, если <...> будет признано возможным смягчить строгость тех мер <...> которые, резко отделяя евреев от прочих граждан и служа выражением крайнего недоверия к ним правительства <...> преграждают им <...> всякое непосредственное участие в движении и в

выгодах общей промышленной и торговой народной деятельности. Обстоятельство это тем более неблагоприятно на них действует, что они, при всей оригинальности нравов, обычаев и домашней жизни, основанной, впрочем, на религиозных преданиях и верованиях, не лишены от природы ни верного взгляда на источники народного благосостояния, ни способностей в делах торговых и промышленных, ни даже стремления к общему добру»²⁴. Петр Федорович Брок был действительно прогрессивным государственным деятелем. И это без всяких кавычек. Немного нашлось бы в то время в России людей, во всяком случае в высших эшелонах власти, уверенных в том, что евреи не лишены «стремления к общему добру».

Но дальше в силу вступает твердо установившийся принцип невмешательства в дела чужого ведомства. «<...> Как определение возможности или невозможности ослабления ограничений в отношении мест жительства евреев принадлежит преимущественно соображениям Министерства внутренних дел, то Министерство финансов, на непосредственной обязанности коего лежит забота о средствах к повсеместному развитию промышленности и торговли, считает долгом обратить внимание лишь на то, что дарование евреям-капиталистам некоторых больших прав не было бы в противоречии с государственными пользами, а, напротив, мерю, в основе справедливою, в сущности благотворною для евреев и соответствующей требованиям времени и общим коммерческим видам и побуждениям»²⁵.

Брок, конечно, понимал, что для значительной части его коллег по Комитету рассуждения об абстрактной справедливости или несправедливости по отношению к евреям значат мало. Тем более, что если «способностей в делах торговых и промышленных» за евреями не отрицал никто, то теория о верном их «взгляде на источники народного благосостояния», а тем более об их «стремлении к общему добру», была слишком смелой, чтобы вот так сразу разрушить привычные представления, в основе которых лежало убеждение в несомненной вредности евреев для страны и народа.

Что касается «требований времени», то в феврале 1858 г., всего лишь через три года после смерти Николая I, еще совершенно было неясно, в чем они, эти требования, заключаются. Характерный факт. В том же докладе Брок предлагал «отменить

разные ограничения, которые, стесняя промышленность и торговлю, препятствуют развитию общенародной деятельности, благоприятствуя монополии, отягчающей производителей и потребителей и вообще состоящей в противоречии с *прогрессом гражданственности* и общественного благосостояния <...>²⁶. Прочитав доклад, Александр II против подчеркнутых слов написал: «Что за прогресс!!!; прошу слова этого не употреблять в официальных бумагах»²⁷.

Оставалось обратиться к тому, что было понятно и доступно всем — к «общим коммерческим видам и побуждениям». И после такого вступления, звучавшего приблизительно как: «Я сказал, а вы сами решайте», — министр подчеркнуто апеллирует далее лишь к узкопрактическим интересам вверенной ему сферы управления.

«Виды, соединенные с устройством железных дорог, связывающих и сближающих южные и западные наши губернии с обеими столицами и с центрами внутренней нашей земледельческой и мануфактурной промышленности, заставляют желать привлечения сюда полезных деятелей-капиталистов и предоставления таковым из евреев права водворения и торговли в тех городах великороссийских губерний, чрез кои, или около коих, будут проходить сии дороги <...>»²⁸.

«По сим соображениям, — пишет он далее, — нельзя не признать пользу призвания евреев-капиталистов к торговой и промышленной деятельности в местах, бывших до сего им недоступными, равно как своевременность и необходимость в смягчении ограничений в местах их жительства»²⁹. Но, убоившись собственной смелости, он немедленно оговаривается, что, безусловно, «во всех направлениях общественной деятельности правительство должно соблюдать меры осторожности, постепенности и соразмерности, соображаясь с действительными нуждами, существенными потребностями и общественною пользою»³⁰. И чтобы уже ни у кого не возникло сомнений в его осторожности, Брок предлагает предоставить евреям-купцам следующую льготу:

«Евреям — почетным гражданам, потомственным и личным, производящим торговлю по званию купцов 1 или 2 гильдии, и купцам 1 и 2 гильдии, когда все они не опорочены судебным приговором, не замешаны в контрабандной торговле, не состоят

под надзором полиции и находятся не менее 10 лет в первой и 15 лет во второй гильдии, даровать право жительства, торговли, промышленности, подрядов, поставок и откупов в тех городах и местах, которые находятся между двумя линиями железных дорог, идущих с юга от Харькова, а с запада от Могилева до Орла или Курска <...> но без распространения льгот, где таковые существуют».

Этим евреям позволить «иметь необходимое число приказчиков, конторщиков и сидельцев из евреев же <...> Им дозволяется также иметь трех слуг, из евреев <...> Последние должны представить удостоверение: а) городских дум, магистратов и полиций, что они не состояли и не состоят под следствием и судом, не замешаны в делах о контрабанде и не состоят под надзором полиции; б) почетнейших местных жителей купеческого сословия: трех христиан и трех евреев, а также местных: еврейского раввина, городского головы и городничего, о нравственной и безукоризненной их жизни».

Евреи-купцы сохраняют право жительства и торговли в одном из городов великороссийских губерний, пока состоят в 1-й или 2-й гильдии. При выбытии из этого купеческого разряда они обязаны снова переселиться в южные или западные губернии: не имеющие недвижимой собственности — в течение года, а имеющие — в течение двух лет, «с тем, что если в сей срок недвижимая собственность не будет продана, то поступает в ведение Сиротского суда, для продажи мерами правительства, а сами они, по распоряжению полиции, высылаются в губернии черты оседлости, в те самые места, где они, отцы или родственники их были до того причислены»³¹.

Таким образом, министр финансов предложил расширить для евреев-купцов черту оседлости пределами Харьковской и частично еще нескольких губерний. Но и это право они должны были сохранять лишь постольку, поскольку содействовали «видам, соединенным с устройством железных дорог». Отметим также, что Брок не задумываясь готов разрешить еврейским купцам брать с собой приказчиков и слуг из евреев же. Что здесь странного? Казалось бы, ничего, тем более что закон положительно запрещал евреям иметь прислугу из христиан. Но мы увидим, как в дальнейшем вокруг этого, казалось бы второстепенного, вопроса будет сломано немало копий.

13 мая проект рассматривался в Еврейском комитете. Однако, «имея в виду, что в Министерстве финансов составляется новый проект Положения о торговых состояниях, по которому купечество разделяется на большее число гильдий и разрядов, с особыми для каждой правами, Комитет счел нужным, не входя в подробности предположений д.т.с. Брока, предоставить Министерству финансов сначала сообразить оные, по утверждению означенного проекта, с правами по торговле, предоставляемыми купечеству, и внести на заключение Еврейского комитета»³². Собственно говоря, ничего удивительного в этом решении нет, если учесть, что председатель Комитета гр. Блюдов вообще не придавал этому вопросу слишком большого значения. Докладывая в ноябре 1857 г. царю о положении дел в Еврейском комитете, он лишь четвертым пунктом в списке намеченных мер неясно обозначил «устранение возникших между ними (евреями.— *В. Н.*) затруднений <...> по торговле, по фабричной и ремесленной промышленности» и т. д. Гораздо важнее, с его точки зрения, было правильно «устроить религиозную часть евреев» и организовать управление ими на местах³³.

Но 25 мая, по случаю отъезда гр. Блюдова за границу, председательство в Комитете перешло к министру внутренних дел С. С. Ланскому³⁴, который решил воспользоваться этим случаем и вторично поднять вопрос о расширении права жительства евреев-купцов. Поводом к этому послужил возбужденный санкт-петербургским генерал-губернатором вопрос: можно ли распространять на французских евреев постановленную русско-французским договором 1857 г. свободу въезда и пребывания французских подданных в России³⁵. Министерство иностранных дел разрешило этот вопрос отрицательно, заметив, впрочем, «что в случае прибытия какого-либо из французских евреев, известных по своему общественному положению, от усмотрения высшего начальства зависит допустить в его пользу, в виде изъятия из общих правил, возможные облегчения; а потому о приезде таких лиц следует предоставить генерал-губернатору доводить до сведения Министерства внутренних дел»³⁶.

Ланской рассудил, что приезд подобных людей в Россию не может иметь другой цели, кроме торговых предприятий и банковских оборотов. По его мнению, было бы несправедливо предоставлять в этом отношении права или облегчения евреям

иностранным, не предоставляя таковых евреям — русским подданным³⁷.

В проекте, представленном на рассмотрение членов Еврейского комитета, он указывал, что его ведомство, «в ожидании общего проекта от Министерства финансов, признало необходимым разрешить евреям — купцам 1 гильдии постоянное пребывание и торговлю во внутренних губерниях. Эта мера, — продолжал он, — тем более возможна, что по числу евреев 1 гильдии (всего 108 капиталов) перечисление их в города великороссийских губерний будет самое ограниченное»³⁸.

Остановимся на этой цифре. 108 капиталов — это, считая по 10 человек на семейство, составляет чуть больше 1000 душ обоего пола. В России, без Царства Польского, согласно официальным данным, насчитывалось около 1,5 млн. евреев³⁹. Таким образом речь шла менее чем об 0,1% всего еврейского населения. Ясно, что для массы евреев это послабление носило весьма отвлеченный характер. В то же время купечество в Европейской России насчитывало менее 400 000 душ обоего пола⁴⁰, то есть менее 40 тыс. собственно купцов, из которых примерно 12,5 тыс. находились в черте оседлости⁴¹. Считая, что купцы 1-й гильдии составляли примерно 2% всего купечества, получаем, что во внутренних губерниях в это время числилось до 550 первогильдейских капиталов. Если предположить, что хотя бы половина первостатейных купцов из евреев воспользовалась предоставленным правом (а это вполне вероятно, так как многие поспешили бы объявить капитал по 1-й гильдии ввиду открывшихся возможностей), то уже это сразу бы увеличило на 10% количество крупнейших коммерсантов в Великороссии и, безусловно, оживило бы промышленность и торговлю. Забегая вперед, отметим, что через 20 лет после принятия закона 1859 г. во внутренних губерниях проживало 516 евреев — почетных граждан и купцов 1-й гильдии⁴², что составляло примерно 16—17% от их общего числа⁴³.

Тем не менее для предупреждения злоупотреблений Ланской предлагал «переход во внутренние губернии дозволить только тем евреям, которые, находясь в 1 гильдии 10 лет, не были замешаны в контрабанде и не оглашены несостоятельными».

Он подчеркивал, что евреям — купцам 1-й гильдии, перешедшим во внутренние губернии, должны присваиваться права коренного русского купечества, в том числе и по приобретению

недвижимой собственности. «Последнее необходимо, — указывал он, — чтобы подвижное население евреев сделать постоянным и привязать сих людей к месту и тем содействовать к совершенному слиянию их с местными жителями».

В заключение указывалось, что на таком основании «можно было бы предоставить и французским евреям, известным обширными торговыми оборотами и по своему общественному положению, производить торговлю и заниматься банкирскими делами на правах купцов I гильдии»⁴⁴.

6 июня Ланской в записке новому министру финансов А. М. Княжевичу изложил свои предложения⁴⁵. Последний отозвался, что не имеет возражений по существу проекта⁴⁶. После этого по указанию Ланского был подготовлен проект журнала Еврейского комитета, который был передан на заключение его членов. Если бы они по отдельности поддержали проект или ограничились лишь небольшими редакционными поправками, то Ланской мог бы надеяться избежать общего обсуждения, за исход которого, памятуя о результате заседания 13 мая, он имел все основания опасаться. По этой же причине проект был вначале отослан тому же Княжевичу, который, естественно, согласился с один раз уже одобренным им документом⁴⁷. С ним был солидарен и министр народного просвещения Е. П. Ковалевский⁴⁸. Заручившись поддержкой своих сторонников, Ланской передал проект журнала на заключение министра государственных имуществ. Расчет не оправдался. Министр М. Н. Муравьев, впоследствии знаменитый усмиритель польского восстания, получивший за это титул графа и прозвище «Вешатель», отозвался, что, «разделяя, в общих видах, мнение, изложенное в журнале <...> полагал бы бесполезным, для окончательного обсуждения этого вопроса в частностях, назначить заседание Комитета»⁴⁹. В приложенной записке он указывал на необходимость иметь в виду следующие соображения:

«1) Чтобы евреи — купцы I гильдии, водворившиеся <...> в России и прекратившие <...> торговать, обязаны были снова переселиться в продолжение года в те губернии (откуда прибыли), имение же и движимую собственность продать или передать в течение двух лет.

2) Не распространять на них льгот, предоставленных некоторым городам.

3) Не позволять им иметь приказчиков или прислугу из евреев <...>

4) Дозволение переселяться во внутренние губернии давать каждый раз с разрешения министров внутренних дел и финансов, по удостоверении начальства той губернии, из коей переселяются.

5) Французским евреям дозволить переселяться не иначе как по особенным уважениям и с разрешения всякий раз министров внутренних дел и финансов»⁵⁰.

Одним словом, Муравьев не только не забыл ни одно из ограничений, предусмотренных еще проектом Брока, но и ужесточил их до предела.

А на следующий день главный начальник III Отделения, шеф жандармов кн. В. А. Долгоруков, уведомил, «что соображения министра государственных имуществ он находит заслуживающими внимания и потому полагал бы заседание Комитета, для обсуждения вопроса в частностях, необходимым»⁵¹.

Последним представил свое заключение министр статс-секретарь Царства Польского О. И. Тымовский. Практически повторив все замечания Муравьева, он внес и одно здоровое предложение о распространении правил о евреях — французских подданных на евреев других государств⁵².

Записка Тымовского поступила 9 июля. Расклад сил перед заседанием, назначенным на 15-е, был ясен, и Ланскому оставалось лишь спасать то, что еще можно было спасти. «Проект журнала, — указывал он в записке, подготовленной к заседанию, — имел целью разрешить только главные основания для перехода евреев — купцов I гильдии во внутренние губернии, отнеся к изготавливаемому в Министерстве финансов общему проекту о евреях все подробности, которые требуют многих соображений и верно поведут к значительным изменениям и дополнениям первоначальных предположений бывшего министра финансов»⁵³. А дальше явная капитуляция:

«<...> По 2 ст. записки министра государственных имуществ <...> если членам будет угодно сделать в журнале дополнение: о нераспространении на евреев льготы, препятствий к этому быть не может.

По 4 ст. <...> если членам будет угодно, председатель готов также согласиться, хотя не убежден в необходимости сей затруднительной для двух министерств меры.

По 5 ст. <...> не находит препятствий к добавлению слов «по особым уважениям», так как все остальное уже есть в проекте <...>

По 3 ст. <...> как еврей-капиталисты, при переходе во внутренние губернии, не могут, на первый раз, вверить людям, для них неизвестным, заведывание кассами <...> то предполагалось дозволить евреям только на первые 5 лет иметь из своих единоверцев по два человека в должностях конторщика и приказчика <...> но если члены признают необходимым отменить означенное правило,— председатель не остановится согласиться с их мнением.

По 1 ст. <...> в журнале ничего не сказано с той целью, чтобы рассмотреть и обсудить это обстоятельство подробно при составлении общего проекта <...> Цель обратной высылки евреев может состоять в том, чтобы не оставлять в империи людей бесполезных и, с прекращением гильдейского права, могущих быть в тягость мещанским обществам по платежу податей и исполнению рекрутской повинности. Но так как высочайше соизволено на предоставление права жительства во внутренних губерниях евреям — купцам 1 и 2 гильдии и почетным гражданам (вспомним двухлетней давности резолюцию на записку Брайнина.— *В. Н.*), то нельзя высылать евреев, перешедших из 1 во 2 гильдию или имеющих права потомственного почетного гражданства, которые, быв изъяты от податей и рекрутской повинности, не могут быть в тягость своим обществам.

<...> Как виды правительства относительно евреев состоят в слиянии их с коренными жителями и в обращении к полезной деятельности, то едва ли будет сообразно с собственными началами правительства, поощряя их к оседлости и приобретению недвижимой собственности, в то же время высылать их во внутренние губернии и колебать право собственности обязательною продажей <...>⁵⁴.

Но не помогла даже ссылка на высочайшее соизволение. Да, это были уже не николаевские времена, когда министры лишь беспрекословно выполняли царскую волю. Либерализация показывала свою оборотную сторону. «Членам было угодно» все, что было угодно Муравьеву. И все же Ланской мог праздновать свою первую победу. Главное было сохранено. «Распространение места жительства для евреев вообще вне черты их нынешней оседлости

Комитет считал и теперь почитает невозможным, доколе не свершится нравственное их преобразование» — так решительно и беспепелляционно начиналось заключение по настоящему делу. «Но не должно смешивать с этой массой народа непросвещенного и непроизводительного то небольшое число евреев, которые, обладая значительными капиталами и производя обширную торговлю заграничную и внутреннюю, резко отделяются от своих единоверцев и средствами к жизни, и своим положением в обществе. Призывая евреев к полезной деятельности, правительство должно со своей стороны показывать пример внимания к полезным членам общества и открывать им пути ко внутренним в империи торговле и промыслам. Сия мера более всего может подействовать на массу евреев и привести их к убеждению, что только честным трудом и правильной торговлей они могут приобрести право на распространение торговой их деятельности вне черты нынешней оседлости <...>»⁵⁵

И после такой обнадеживающей преамбулы Комитет поручил министрам внутренних дел и финансов внести в Государственный совет совместный проект о предоставлении евреям — купцам 1-й гильдии и иностранным евреям права жительствова и торговли в России, исправленный с учетом всех замечаний Муравьева⁵⁶.

27 июля журнал Еврейского комитета был утвержден Александром II, а уже 8 августа законопроект был передан государственному секретарю. Ланской спешил. Зато никуда и никогда не спешил Государственный совет⁵⁷. Департамент государственной экономии под председательством гр. А. Д. Гурьева рассматривал проект в трех заседаниях, причем первое состоялось лишь 25 октября, второе 22 ноября, а третье 1 декабря. Однако продолжительность обсуждения явно пошла на пользу дела. Департамент, в котором активную роль играл Н. И. Бахтин, впоследствии активный участник судебной реформы, указал, «что при малочисленности таких евреев <...> и при той стеснительности условий, на коих предполагается дозволить им причисляться к городам внутренних губерний, настоящая мера осталась бы почти без последствий. Идя от того начала, что переход евреев во внутренние губернии должен быть облегчен по возможности, Департамент не усматривает надобности стеснять переход в сии губернии евреев — купцов 1 гильдии определением срока, который они должны оставаться записанными в этой гильдии до времени их перехода.

По мнению Департамента, удобнее было бы принять обратное правило, постановив, что еврей — купец 1 гильдии, перешедший во внутренние губернии, обязан после перечисления в оные пробыть в той гильдии не менее 10 лет и что, с выбытием из сей гильдии до этого срока, он теряет и право на торговлю, а сверх того должен переселиться с семейством в места постоянной оседлости евреев: не приобретший во внутренних городах недвижимой собственности — в течение 1 года, а приобретший — в течение 2 лет. Что же касается до права собственности и полного, на основании оной, распоряжения приобретенным внутри империи имуществом, то еврей-купец сохраняет сие право и тогда, когда он пробудет после перечисления в 1 гильдию по внутренним губерниям и менее 10 лет <...> Также нет уважительного повода вменять причисляющимся во внутренние губернии евреям иметь приказчиков, конторщиков и прислугу непременно из местных жителей, следовательно, из христиан, ибо такое постановление было бы еще более для них стеснительно, чем существующее ныне, по которому им дозволяется иметь служителей не иначе как из единоверцев»⁵⁸.

Однако в Общем собрании Государственного совета, состоявшемся 22 декабря, такое решение, практически отменяющее добрую половину из нагроможденных препятствий и ограничений, поддержки не встретило. Вероятно, не без активного участия вернувшегося к тому времени гр. Блудова, Общее собрание признало необходимым подвергнуть это дело новому рассмотрению. Председатель Государственного совета, бывший шеф жандармов кн. А. Ф. Орлов, приказал передать его в возглавляемый тем же Блудовым Департамент законов для последующего вынесения на совместное заседание Соединенных Департаментов законов и государственной экономии, «с приглашением тех членов Еврейского комитета, до коих оно касается, т. е. министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ, а также шефа жандармов»⁵⁹. Собственно говоря, двух последних дело касалось лишь постольку, поскольку они могли поддержать все стеснительные постановления, но именно это от них и требовалось. Лишен был свободы действий и Ланской, вынужденный отстаивать положения подписанного им законопроекта.

Впрочем, заседание 14 января 1859 г. началось довольно спокойно. «Усматривая, что все предложения сии клонятся, соответственно высочайшего указания, к смягчению строгости

тех правительственных мер, которые в прежнее время были постановлены относительно евреев», Соединенные Департаменты признали, что они «подлежат утверждению в главных основаниях»⁶⁰.

А затем начались вопросы. Во-первых, «можно ли позволять приписываться к городам внутренних губерний всем вообще евреям, состоящим в 1 гильдии, или же следует ограничиться разрешением такой приписки тем только евреям, которые состоят в 1 гильдии не менее 10 лет?»⁶¹

Шесть из семи членов Департамента государственной экономики (кроме бывшего министра финансов Брока) и бар. М. А. Корф, впоследствии преемник Блудова на постах главноуправляющего II Отделением и председателя Еврейского комитета, нашли, «что при малочисленности евреев, состоящих в 1 гильдии (108), дозволение переселения во внутренние губернии только тем из них, кои состоят в 1 гильдии 10 лет и которых число, следовательно, еще гораздо менее, осталось бы одним лишь дозволением мнимым. Если такое условие предлагается для ограничения внутренних губерний от переселения в оные людей вредных, то следует заметить, что пребывание в течение 10 лет в 1 гильдии, доказывающее только обладание известным капиталом, или необходимость, по оборотам, состоять в высшем торговом разряде, само по себе отнюдь еще не может служить ручательством в нравственных качествах переселенца». По их мнению, «гораздо надежнее будет постановить, чтобы к переселению <...> не были допускаемы те <...> которые состоят под следствием, судом или надзором полиции <...>»⁶².

Остальные восемь участников заседания, во главе с гр. Блудовым, то есть все члены Еврейского комитета (вот где пригодились Муравьев с Долгоруковым), члены Департамента законов (кроме Корфа) и Брок, выразили опасение, «что если не установить условием перечисления пребывание в течение более или менее длительного срока в 1 гильдии, то множество евреев-мещан тотчас запишется в 1 гильдию, чтобы приобрести право торговать во внутренних губерниях». Большинство напирало на то, что «при изменении всякого коренного постановления правительство должно действовать постепенно и с крайней осмотрительностью»⁶³.

Во-вторых, «можно ли позволять перечисляющимся евреям-купцам брать с собой прислугу из евреев, и если можно, то в каком числе и для каких именно должностей?»⁶⁴

По первой части вопроса, учитывая, что по существующему закону еврей-купцы во время пребывания за Чертой могут иметь при себе слуг из евреев, а кроме того, по еврейскому закону некоторые должности (например, резника) должны исполняться непременно евреями же, «Соединенные Департаменты признали, что следует дозволить евреям-купцам брать с собой прислугу из евреев»⁶⁵.

Зато вторая часть вопроса дала широкое поле для длительной дискуссии.

Наиболее простым выглядело предложение Бахтина. Он заметил, «что удобнее всего предоставить назначение числа прислуги усмотрению начальника губернии, в которую переселяется еврей-купец, обязав последнего указывать в прошении необходимое ему число служителей. При этом, какие должности исполнять евреям, а какие христианам, предоставить решать самому купцу»⁶⁶.

Однако такое решение никоим образом не могло удовлетворить нормотворческий зуд остальных участников заседания. Д. В. Кочубей, родственник покойного канцлера кн. В. П. Кочубея, «логично» предположил, «что губернатор может не знать действительного положения переселяющегося еврея-купца». Поэтому Кочубей полагал «установить определенное число, а именно шесть человек обоого пола на 1 семейство переселяющегося купца», считая, очевидно на основании детских воспоминаний (так как у самого Демьяна Васильевича семейства не было), «что такового будет достаточно даже и для большого семейства»⁶⁷.

Следует предположить, что жизненный опыт остальных государственных мужей был богаче, так как он позволил им единодушно определить, что «достаточно для прислуги брать с собой до 4 человек обоого пола на каждое семейство еврея-купца». И памятуя, вероятно, при этом о низких морально-нравственных качествах собственной прислуги, они решили позаботиться хотя бы о будущем евреев-купцов, предложив постановить в законодательном порядке, чтобы слуги, которых последние собираются взять с собой, «не были опорочены по суду и не состояли под судом, следствием и надзором полиции»⁶⁸.

Остановимся здесь и еще раз обратимся к статистике. О чем, собственно говоря, увлеченно спорили высшие государственные чины России? Предположим, что прошло бы предложение Ко-

чубея и каждый купец получил бы право взять с собой шесть слуг. Больше того, положим, для круглого счета, даже по 10 слуг в среднем на одно семейство. Если бы после этого все евреи — купцы 1-й гильдии разом переселились из черты оседлости, это значило бы, что на 32,5 млн. только православного населения внутренних губерний Европейской России⁶⁹ пришлось бы аж 2000 вновь прибывших евреев. Даже процент считать не имеет смысла. Но если мы предположим, что все эти евреи, привлеченные коммерческой выгодой, поселились бы исключительно в С.-Петербургской или, скажем, Московской губернии, то и тогда они составили бы по отношению к тамошнему православному населению соответственно 0,22% и 0,13%⁷⁰. Остается предположить, что участники заседания либо попросту были совершенно незнакомы с цифрами, что, кстати, вполне вероятно, либо, что тоже вероятно, чересчур переоценивали способности евреев в деле разложения «коренного населения».

Третий вопрос, вставший перед подуставшими законодателями, звучал так: «Как поступать с переселившимися во внутренние губернии евреями в случае выбытия из 1 гильдии?»⁷¹

Три члена — Муравьев, Долгоруков и Ланской, которому деваться, как выше отмечалось, было некуда, — прямо указали, «что так как право причисления к городам внутренних губерний и право приобретения недвижимой собственности предполагается предоставить только тем из евреев, которые состоят в 1 гильдии, то само собой разумеется, что с уничтожением этого неперемennого условия они должны лишиться и приобретенных ими под сим условием прав и вследствие того обязаны переселиться в места постоянной оседлости евреев и продать приобретенное ими во внутренних губерниях недвижимое имущество». Единственное, в чем Сергею Степановичу удалось убедить своих нестигаемых коллег по Еврейскому комитету, это: что так «как выбытие из 1 гильдии может иногда последовать без всякой вины еврея, по независящим от него обстоятельствам, то, дабы не стеснять их назначением очень кратких сроков», следует удвоить предложенные Комитетом, то есть назначить два года для не имеющих недвижимой собственности и четыре — для имеющих таковую⁷².

Вернуть обсуждение на более умеренные и здравые позиции попытался тот же Бахтин. «Необходимо, — указывал он, — сделать различие между евреями, переселившимися недавно, и теми, кои

долговременно, например в течение 10 лет, находятся в 1 гильдии, доказав постоянное свое стремление к полезной деятельности и приобретя тем некоторое право на большее к ним доверие и снисхождение». Относительно первых он соглашался с заключением Еврейского комитета о переселении. Относительно же последних признавал справедливым не запрещать им дальнейшего жительство во внутренних губерниях, даже если бы они и были потом из 1-й гильдии.

Что касается вопроса об имуществе еврея-купца, пробывшего в 1-й гильдии менее 10 лет, то тут Николай Иванович «не усматривал никакой необходимости обязывать их продавать такие имущества в какой бы то ни было срок, ибо такая срочная продажа всегда бывает убыточна для владельца, тогда как сохранение ему права на дальнейшее владение приобретенным имуществом решительно никому не может принести вреда»⁷³.

По-видимому, имущественный вопрос был также близок и понятен большинству собравшихся. Поэтому, согласившись с предложением Бахтина, они только «признали неизлишним дополнить оное правилом, что на постоянное водворение в городах внутренних губерний имеют право лишь те евреи и семейства их, которые, состоя в 1 гильдии не менее 10 лет, приобрели там, в течение сего времени, недвижимую собственность, ибо только такие евреи могут быть признаны прочно водворившимися»⁷⁴.

Последний вопрос: «Каким порядком должно быть даваемо разрешение евреям — иностранным подданным производить в империи торговлю?»⁷⁵ — был решен быстро и без разногласий. «Соединенные Департаменты, имея в виду, что дозволение <...> предполагается давать тем только евреям — иностранным подданным, кои известны по общественному своему положению и обширным торговым оборотам, признали необходимым, чтобы о таком дозволении <...> министры внутренних дел и финансов входили предварительно в сношение с министром иностранных дел, так как ему ближе всех могут быть известны общественное положение и торговые обороты иностранных евреев»⁷⁶. Да, времена уже были действительно либеральное. А то пришлось бы заграничным коммерсантам заручаться еще и рекомендацией шефа жандармов.

Заседание Общего собрания Государственного совета, на котором окончательно должен был рассматриваться законопроект, было назначено на 16 февраля. В это время с главноуправ-

ляющим путей сообщения К. В. Чевкиным случилась беда. Он заболел. 15 февраля обеспокоенный Константин Владимирович передает записку государственному секретарю.

«Не имея еще сил выехать из дома,— пишет он,— не буду иметь возможности присутствовать при обсуждении дела о допущении евреев вовнутрь империи.

Между тем, дело весьма важное и, при всей разнородности заявленных по оному мнений, много остается неразъясненным, что открывает обширное поприще перетолкований и нарушений косвенными путями прямой цели правительства.

Вот некоторые заметки мои, на которые Вы найдете, может, возможность обратить внимание кн. Алексея Федоровича»⁷⁷ (то есть председателя Государственного совета кн. Орлова). Что ж, большого чиновника беспокоили и впрямь серьезные вопросы.

«Причисляющиеся в города внутренних губерний евреи могут переходить туда *с членами своих семейств*. Но при неопределенности этого выражения явится целое колено израилево! Тут необходимо было бы разъяснить, что дозволение относится лишь к членам семейственного *капитала* <...> Иначе при *одном* капитале явится несколько семейств <...> И на каждое из этих семейств явится по 4 человека прислуги еврейской»⁷⁸. Да, есть от чего прийти в ужас!

Впрочем, далее Чевкин отмечает и впрямь важное упущение своих коллег из Соединенных Департаментов. Увлечшись обсуждением вопроса о прислуге и постановлением относительно нее обстоятельных правил, они вообще обошли молчанием конторщиков и приказчиков, «так что неизвестно, допускаются ли они или нет»⁷⁹.

Но не это больше всего тревожило Константина Владимировича. «Если будет нельзя избежать решения большинства (а лучше бы, конечно, избежать.— *В. Н.*) о предоставлении права постоянного водворения евреев за 10-летнее пребывание в 1 гильдии и приобретение в течение этого времени недвижимой собственности, то необходимо бы *смягчить* этот *приговор* хотя бы тем, чтобы определить ценность недвижимой собственности со-размерно капиталу 1 гильдии, например, не менее 25 т. руб., и разъяснить, что право водворения относится лишь к владельцу недвижимого имущества и к его семейству; в случае же прекращения владения прекращается и право водворения. Без этой предосто-

рожности открывается удобный и свободный путь постепенного водворения множества бездомных еврейских семейств с их еврейской же челядью!»⁸⁰

Князь Алексей Федорович обратил, по-видимому, внимание на записку Чевкина. Хотя и далеко не столь пристальное, как хотелось бы ее автору. Мы не знаем, к сожалению, как шла дискуссия в заседании 16 февраля, но результат ее перед нами. В заключении Общего собрания не приведено никаких новых аргументов в пользу того или иного решения, просто подбирались подходящие из приведенных выше.

В результате евреям — купцам 1-й гильдии было дозволено «приписываться <...> в купечество 1 гильдии ко всем городам Российской империи <...> с тем, чтобы правом сии пользовались: во-1-х, те евреи, кои, состоя до издания настоящего постановления в 1 гильдии, пробыли в ней не менее 2 лет, и, во-2-х, те евреи, кои, по записке в 1 гильдию после издания сего постановления, будут состоять в ней не менее 5 лет».

«Перечисляющиеся в означенные города евреи — купцы 1 гильдии могут переходить туда с членами своих семейств, в одном с ними капитале записанными». Спасибо Чевкину, упредил!

А вот и самый больной вопрос: «Евреям-купцам дозволяется брать с собой домашнюю прислугу и приказчиков из евреев в числе:

1. Переселяющиеся в обе столицы подают прошение генерал-губернатору с изъяснением, какое число приказчиков и прислуги им требуется и по какой причине». Разрешение дает генерал-губернатор.

2. Переселяющиеся в другие города могут брать по одному приказчику или конторщику и 4 человека обоего пола прислуги из евреев на каждое семейство».

И наконец, «в случае выбытия из 1 гильдии еврей должен возвратиться в черту оседлости; не приобретший недвижимой собственности в течение года, а приобретший оную в течение 2 лет; по прошествии этих сроков они высылаются по распоряжению полиции. Но те еврей-купцы, которые пробыли в 1 гильдии вне черты 10 лет, получают право постоянного жительства в тех городах на общем основании, даже если они потом и выбыли из 1 гильдии <...> Право собственности и распоряжения имуществом не отнимается у евреев и если они после переселения будут оставаться в 1 гильдии менее 10 лет».

Проще всего было, как всегда, иностранцам. «Дозволение евреям — иностранным подданным, известным по общественному своему положению и обширным торговым оборотам, производить в империи торговлю дается каждый раз по предварительному сношению министров внутренних дел, финансов и иностранных дел»⁸¹.

Мы видим, что в результате заключение Общего собрания носило некий компромисс между требованиями крайних консерваторов типа Муравьева и предложениями прогрессивных деятелей вроде Бахтина. При этом был замечен явный сдвиг в сторону последних. И это не случайно. На всем протяжении царствования Александра II Государственный совет являлся наиболее либеральной инстанцией, более других склонной поддержать проекты, направленные на расширение прав евреев. Анализ этого явления выходит за рамки настоящего исследования, но можно отметить, что в принципе это закономерно для учреждения, в котором общегосударственные соображения поднимаются над интересами различных ведомств и в особенности над пристрастиями и предрассудками отдельных чиновников.

Заключение Общего собрания было высочайше утверждено 16 марта и 3 апреля 1859 г. опубликовано Указом Правительствующего Сената⁸².

Оценивая закон 3 апреля 1859 г., можно сколько угодно критиковать его за половинчатость (почему только купцы 1-й гильдии?), стеснительность (испытательный срок до и после перечисления) и другие недостатки. Но при всем этом мы обязаны оценивать его в контексте времени. И тогда окажется, что основное значение этого закона носит скорее психологический характер. Он не просто разрешил определенной, очень небольшой, группе евреев (из приблизительно 150 тыс. семейств этим правом могли воспользоваться лишь 108) повсеместное жительство в империи. Он сломал черту оседлости в сознании высших государственных деятелей страны, привел их к мысли о принципиальной возможности разрешения той или иной категории евреев жить в великороссийских губерниях, а затем наглядно убедил их в том, что это не приводит ни к каким потрясениям. Слово, сказанное один раз, гораздо проще затем повторять. И действительно, впоследствии, при всей противоречивости, не-

последовательности и неполноте принимаемых законов, ни один из них не вызвал ни столь бурных дискуссий, ни столь напряженной борьбы. Та относительная легкость, с какой проходили через высшие государственные учреждения гораздо более обширные, по сфере своего воздействия, законы о праве повсеместного жительства евреев, имеющих ученые степени, и евреев-ремесленников, была обусловлена именно этим психологическим переломом, произошедшим в 1859 г. в сознании правящей элиты. В этом главное значение закона 3 апреля и заслуга тех, кто способствовал его принятию.

*¹ Несмотря на обширную историографию вопроса, начиная с исследования Ю. Гессена «Попытка эмансипации евреев в России» (Пережитое. СПб., 1908. Т. 1. С. 144—163), все перипетии этой проблемы так и не стали предметом пристального анализа всего комплекса документов Еврейского комитета.

² В черту еврейской оседлости в это время входили губернии: Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская, Волынская, Подольская, Киевская (кроме Киева), Полтавская, Черниговская, Екатеринославская (с таганрогским градоначальством), Херсонская (кроме Николаева), Таврическая (кроме Севастополя) и Бессарабская область, то есть территории нынешних Литвы, Беларуси, Молдовы, Центральной и Южной Украины и Ростовской области.

³ После первого раздела Польши евреи до 1791 г. пользовались правом приписки к московскому и смоленскому купечеству.

⁴ Комитет об устройстве евреев (Еврейский комитет) был создан в 1840 г. для координации действий различных ведомств в комплексном решении еврейского вопроса. Существовал до 1865 г. В него входили министры внутренних дел, финансов и народного просвещения, главноуправляющий II Отделением с.е.и.в. канцелярии, шеф жандармов (главный начальник III Отделения) и министр статс-секретарь Царства Польского.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1269, оп. 1, 1853, д. 2^г, лл. 78 и 78об.

⁶ Там же, лл. 82 и 82об.

⁷ В это время русское купечество разделялось на три гильдии. Они различались размером объявленного капитала и, соответственно, вносимой гильдейской пошлины. В зависимости от этого купцы получали различные права торговли.

⁸ Свод Законов Российской Империи. Изд. 1857. Т. XI. Ч. II. Устав Торговой. Ст. 128.

⁹ Там же. Ст. 130. П. 2.

¹⁰ Там же. П. 3.

¹¹ Там же. П. 4.

¹² Там же. П. 6.

¹³ Там же. Ст. 131.

¹⁴ *Вольтке Г. С.* Право торговли и промышленности в России в историческом развитии. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 15—16.

¹⁵ РГИА, ф. 1269, оп. 1, 1856, д. 60, лл. 1 и 1об.

¹⁶ Собственная Его Императорского Величества канцелярия состояла из отделений (количество их доходило до шести), из которых II занималось кодификацией законов, III — политическим сыском (его главный начальник был одновременно шефом жандармов).

¹⁷ РГИА, ф. 1269, оп. 1, 1856, д. 61, лл. 5 и 5об., 40.

¹⁸ Там же, ф. 1236, оп. 1, д. 2613, ст. 372, 1.V, 1858, л. 21об.

¹⁹ Там же, л. 22.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, ф. 1269, оп. 1, 1853, д. 2^Г, лл. 185 и 185об.

²² Там же. 1857. д. 136, лл. 283об.— 286об.

²³ Там же. 1858, д. 74, л. 38.

²⁴ Там же, лл. 40об.— 42об.

²⁵ Там же, лл. 42об.— 43.

²⁶ Там же, л. 54об.

²⁷ Там же, лл. 167 и 167об.

²⁸ Там же, лл. 44 и 44об.

²⁹ Там же, л. 45.

³⁰ Там же, лл 45 и 45об.

³¹ Там же, лл. 56—60об.

³² Там же, 1859, д. 137, лл. 33 и 33об.

³³ Там же, 1856, д. 57, л. 54об.

³⁴ Там же, л. 78.

³⁵ Там же, ф. 1149, оп. 5. 1859, д. 7, лл. 9об.— 10.

³⁶ Там же. лл. 10 и 10об.

³⁷ Там же, лл. 10об.— 11.

³⁸ Там же. л. 11об.

³⁹ Статистические таблицы Российской Империи. Вып. II. Наличное население Империи за 1858 г. СПб., 1863. С. 224—225.

⁴⁰ Там же, с. 270.

⁴¹ Там же.

⁴² РГИА, ф. 821, оп. 9. 1880, д. 122, лл. 117об.— 118, 119об.— 120.

⁴³ Сборник сведений по Европейской России за 1882 г. СПб., 1884. С. 180.

⁴⁴ РГИА, ф. 1149, оп. 5, 1859, д. 7, лл. 12—13.

⁴⁵ Там же, ф. 1269, оп. 1, 1856, д. 60, лл. 11—14.

⁴⁶ Там же, лл. 16 и 16об.

⁴⁷ Там же, л. 33.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, л. 34.

⁵⁰ Там же, л. 35 и 35об.

- ⁵¹ Там же, л. 36.
- ⁵² Там же, лл. 38—40об.
- ⁵³ Там же, л. 46.
- ⁵⁴ Там же, лл. 46об.— 51об.
- ⁵⁵ Там же, лл. 68 и 68об.
- ⁵⁶ Там же, лл. 73об.— 75об.
- ⁵⁷ Государственный совет являлся высшим законосовещательным органом империи. Члены его определялись высочайшим назначением. Совет разделялся на пять департаментов, каждый из которых состоял не менее чем из трех членов и председателя. В случае необходимости назначались заседания Соединенных Департаментов. Все члены Совета, в том числе и не присутствующие в департаментах, составляли Общее собрание. Решения Общего собрания принимали силу закона после утверждения их царем.
- ⁵⁸ РГИА, ф. 1149, оп. 5, 1859, д. 7, лл. 22об.— 23.
- ⁵⁹ Там же, лл. 24 и 24об.
- ⁶⁰ Там же, л. 25^боб.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же, лл. 25^боб.— 26.
- ⁶³ Там же, л. 26.
- ⁶⁴ Там же, л. 26об.
- ⁶⁵ Там же, лл. 26об.— 27.
- ⁶⁶ Там же, л. 27.
- ⁶⁷ Там же, лл. 27 и 27 об.
- ⁶⁸ Там же, л. 27об.
- ⁶⁹ Статистические таблицы Российской Империи. Вып. II. С. 214—215.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ РГИА, ф. 1149, оп. 5, 1859, д. 7, л. 28.
- ⁷² Там же, лл. 28 и 28 об.
- ⁷³ Там же, лл. 28об.— 29.
- ⁷⁴ Там же, лл. 29 и 29об.
- ⁷⁵ Там же, лл. 29об.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же, л. 30.
- ⁷⁸ Там же, л. 30об.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Там же, л. 31.
- ⁸¹ Там же, лл. 48—54об.
- ⁸² Полное Собрание Законов Российской Империи. 2-е собр. Т. XXXIV. № 34248.



Р. Ганелин (С.-Петербург)

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В 1915 ГОДУ

В августе 1915 г. Совет министров после обсуждения новых обстоятельств, которые возникли в положении евреев в результате войны, фактически отменил черту оседлости, а организаторы объединенной думской оппозиции — прогрессивного блока работали для включения в его программу формулу: «вступление на путь отмены ограничений в правах евреев».

Что касается прений в Совете министров 4 и 6 августа 1915 г., непосредственно предшествовавших решению о черте оседлости, то они отражены в опубликованных записях А. Н. Яхонтова, охватывающих заседания правительства в дни летнего политического кризиса 1915 г.¹ Однако, по должности присутствуя на всех заседаниях, он вел свои записи с 19 июля 1914 г. до 12 августа 1916-го, и выделенные из них и подготовленные к печати материалы вызвали замечание бывшего министра финансов П. Л. Барка, утверждавшего, что еврейский вопрос с самого начала войны был предметом обсуждения в высших правящих кругах, хотя самих заседаний Совета министров он в этой связи не упоминал. Приготовив к опубликованию свои записи, относящиеся к дням летнего политического кризиса, Яхонтов разослал их бывшим министрам, находившимся в эмиграции. Барк, к которому эти записи попали через бывшего министра земледелия А. А. Риттиха, уделил еврейской теме в них специальное внимание. «Пищу для революционных стремлений давали вопросы еврейский и аграрный, которые не были окончательно разрешены <...>— писал он Риттиху 9 сентября 1922 г.— В заключение я хочу еще отметить вопрос, касающийся изменения черты оседлости евреев и их прав. При чтении воспоминаний Яхонтова получается впечатление, что эти меры были приняты неожиданно под влиянием катастрофических событий. Однако надо принять во внимание, что с давних пор, почти с самого начала войны, обсуждалась необходимость изменить законы, касающиеся евре-

ев. По велению государя я сам обсуждал этот вопрос с вел. кн. Николаем Николаевичем и ген. Янушкевичем в Ставке. Разные мероприятия, принятые ген. Янушкевичем по отношению к евреям, были совершенно нетерпимы. Я упоминал об этом на моем докладе государю, и его величество меня вполне одобрил и уполномочил передать его решение вел. кн. Николаю Николаевичу. Израелитские делегации были неоднократно принимаемы разными министрами, поддерживавшими их сторону в высших инстанциях. Наконец, во время моих поездок во Францию и в Англию я беседовал по этому вопросу с министрами финансов, английским и французским, и еврейскими представителями в этих странах, как Ротшильд в Англии и Ротшильд во Франции. Следовательно, меры, принятые Советом министров летом 1915 года и одобренные государем, были только результатом подготовительных прений и рассуждений, происходивших до того»².

«Что же касается еврейского вопроса,— отозвался Яхонтов, ознакомившись с письмом Барка,— то (думаю, в этом случае память мне не изменяет) он со времен возникновения войны впервые стал ребром перед Советом министров только 6 августа 1915 г. в тех исключительных условиях, которые тогда переживались. Если ранее этого дня иногда в Совете говорилось о евреях, то в отношении отдельных случаев, главным образом в связи с несколько размахистыми действиями Министерства внутренних дел, руководимого Н. А. Маклаковым. Вообще же господствовала формула — избегать коренных изменений законодательства о евреях, дабы не возбуждать еврейского вопроса в Государственной думе. Кроме того, в Совете неоднократно повторялись слова государя императора о том, что он не возьмет на себя никакого почина в пересмотре законов о сей нации. Между прочим должен отметить, что это отношение государя послужило основанием для проведения столь принципиальной меры, как черта еврейской оседлости,— в порядке министерского циркуляра»³. Полемика, по-видимому, завершилась письмом Барка Яхонтову 11 декабря 1922 г. «Я согласен с Вами,— писал Барк,— что еврейский вопрос достиг крайней остроты, потребовавшей решения Совета министров, только 6 августа 1915 г. Но во всяком случае в моем письме я хотел отметить, что решение, принятое Советом министров, не было непредвиденным и Совет министров не принял его необдуманно, очутившись в безвыходном положении. Это решение

было результатом долгой подготовительной работы, происходившей в разных сферах под влиянием целой цепи событий с начала войны»⁴.

Активная роль Ставки верховного главнокомандования и начальника штаба верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича ген. Н. Н. Янушкевича в преследовании евреев была широко известна⁵. Ставке принадлежала высшая власть на театре военных действий, и по ее распоряжениям евреев, «вопреки неоднократным указаниям Совета министров, как отмечалось на его заседании 30 июля 1915 г., гонят нагайками из прифронтовой полосы, обвиняя их всех, без разбора, в шпионаже, сигнализации и иных способах пособничества врагу»⁶.

Высылки начались с занятых русскими войсками районов Галиции, из которых австрийских евреев депортировали во внутренние русские губернии. А затем стали очищать от евреев и попавшие в прифронтовую полосу районы черты оседлости.

До конца апреля 1915 г. военные власти производили выселение евреев только из отдельных местечек Царства Польского, 25 апреля этого года последовал приказ о выселении из района военных действий в Курляндской губернии, 5 мая — из ряда местностей Ковенской губернии.

Когда высылка прекратилась, условием возвращения было поставлено выделение заложников из числа наиболее видных представителей еврейского населения. В запросе председателю Совета министров и министру внутренних дел по поводу незаконных действий властей по отношению к еврейскому населению, проживающему в районе театра военных действий, внесенном в Думу 20 июля 1915 г., это было названо «возвращением к средневековью», поскольку речь шла о «содержании в тюрьмах, находящихся под контролем МВД и прокурорского надзора, лиц, к коим не только не предъявлено никакого обвинения, но и относительно коих известно, что потому именно они и арестованы, что они стоят вне всякого подозрения». Запрос этот, подписанный Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенским, А. И. Чхенкели, П. Н. Милюковым и другими — всего тридцать одна подпись (сюда входили социал-демократы-меньшевики, трудовики и кадеты), в частности, гласил: «Когда просматриваешь ту колоссальную литературу, которая создавалась за год войны из правительственных и военных распоряжений об евреях и из описаний результатов этой деятельности, то невозможно отделаться от

впечатления, что все те, которые присвоили себе право в России вершить судьбами страны и руководить многомиллионной русской армией, жили в это страшное для России время под тяжестью одной центральной заботы, заботы о том, чтобы превратить жизнь шестимиллионного еврейского народа, пославшего в ряды нашей армии около 350 тыс. своих сынов, в сплошную цепь физических и нравственных мучений и чтобы натравить на этот народ все остальное население Российской империи»⁷.

Дело было не только в политике военных властей. Неопубликованные записи Яхонтова дают возможность установить, в чем заключались те уже известные нам из его ответа Барку «несколько размашистые действия Министерства внутренних дел, руководимого Н. А. Маклаковым», по отношению к евреям, которые обсуждались в Совете министров до середины июля 1915 г., и только ли об этих «отдельных случаях» шла речь в Совете министров на протяжении первого года войны, как это представлялось самому Яхонтову.

Обсуждение положения евреев на августовских заседаниях правительства было двадцать пятым по счету его обращением к еврейскому вопросу, как это видно из неопубликованных записей Яхонтова. На первой же их странице отмечено, что на заседании 19 июля 1914 г. было разрешено остаться на месте жительства за пределами черты оседлости тем еврейским семьям, в которых взят на войну кормилец, и «не для опубликования» постановлено «на время войны приостановить вообще выселение евреев незаконнотельствующих»⁸. 30 июля 1914 г. возник вопрос о том, чтобы евреи, приехавшие в Петербург из-за границы ввиду войны, не высылались бы из города в течение двух месяцев для устройства дел⁹. 3 августа 1914 г. один из участников заседания (по-видимому, это был Маклаков) заявил, что он «завален прошениями — семьи уезжают из черты оседлости в СПб. на время войны». Далее запись гласила: «Прошу пока старых и с сыном (речь шла, очевидно, о семьях с сыном в армии. — Р. Г.) в СПб. разрешить, а прочим в черте оседлости. Новые поселения не допускать. Постановление до 2-х месяцев»¹⁰.

11 ноября 1914 г. обсуждалось препятствие к проживанию евреев вне Черты, и в частности в Петрограде, состоявшее в отсутствии в паспортах указания примет, требовавшихся ст. 70 паспортного устава. Министерство внутренних дел и петроградский градоначальник настаивали на высылке по этой причине.

Но председатель Совета министров И. Л. Горемыкин заявил: «Едва ли справедливо возлагать ответственность на евреев за неисполнение закона местною властью. Поэтому едва ли прав градоначальник»¹¹. «По существу верно, но почти всегда принимаются в уважение и многим даются», — откликнулся Маклаков, имея, очевидно, в виду предоставление временного права жительства, несмотря на отсутствие примет в паспортах. Но Горемыкин продолжал: «<...> высылать во всяком случае неправильно за чужую неисправность». Поддержанный государственным контролером П. А. Харитоновым («Не виноват человек, если полиция поступила неправильно»), глава правительства потребовал: «Надо отменить градоначальника распоряжение». «Наплыв евреев необычайный, — оправдывался за себя и за петроградского градоначальника Маклаков. — Обходят все грани и пределы. В общей массе возможны отдельные ошибки. Не повторятся, ибо сейчас отдан приказ. Можно сделать в порядке указаний градоначальнику, чтобы осторожнее с высылкой. Не выдворять, но проверять, давая временное право проживания. МВД сделать соответствующее распоряжение. Без письменного исполнения»¹².

Наряду с правом жительства обсуждался и вопрос о профессиональных правах и процентной норме при поступлении в учебные заведения. С началом войны учеба за границей стала невозможной. «Евреи осаждают, — заявил на заседании 12 августа 1914 г. министр народного просвещения Л. А. Кассо. — За границей нельзя учиться, и просят принять сверх нормы. Обсудить на следующем заседании»¹³. Однако в тот же день он назвал цифру учившихся за границей студентов — 8575 человек и заявил: «<...> до 80 процентов евреев. Иностранные доктора медицины 90 процентов евреев. Допустить к экзаменам (не поднимая вопрос о студенчестве) тех, которые могли бы держаться за границей, если бы обстоятельства не помешали (и могли бы быть в России). Проверка ценза трудна, доказательства за границей остались, но обеспечить проверку по экзамену, а не по документам. Испытания на общем основании, без установленных сокращений. Надо этим ограничиться, а кончивших курс зрелости не допускать и не нарушать процент нормы»¹⁴. Министр путей сообщения С. В. Рухлов поддержал это, а главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин предложил распространить эту льготу на студентов всех специальностей, а не только медиков.

На заседании 25 января 1915 г. новый министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев поднял вопрос о продлении этой льготы, установленной на 1914 г., и на следующий год и предложил освободить евреев при сдаче этих экзаменов от процентной нормы¹⁵.

Между тем состояние еврейского вопроса в России все ощутимее препятствовало развитию ее отношений с союзниками. 10 марта 1915 г. на заседании правительства прозвучало поданное как буквальное воспроизведение слов английского военного министра фельдмаршала лорда Г. Китченера предупреждение: «Не раздражайте жидов, многим рискуете»¹⁶. Первым откликнувшийся на это Барк, судя по записи, порицая еврейство, говорил о вынужденности уступок ему ввиду необходимости по финансовым соображениям считаться с заграничными откликами. «Это значение политическое, но и до конца войны. Всесветное еврейство — поддержка в России революционной волны, отклик за границей, затрудняет деньги и размен орда недовольных жидов. Подрезаем средства войны» — так записал Яхонтов его речь. В сущности, в словах Барка о деньгах и размене содержались те самые провокационные обвинения, которые в январе 1916 г. вошли в пресловутый циркуляр Департамента полиции, вызвавший политический скандал. «То предатели, а мы государство, христианское правительство», — возразил Барку министр иностранных дел С. Д. Сазонов. Когда гр. В. А. Бобринский сообщил о высылке 10 000 галицийских евреев в Полтавскую губернию, Горемыкин заявил: «Отчего ими заполнять Россию. Надо их гнать вперед». Сазонов продолжал стоять на своем. «Есть шпионы в учреждениях. Надо их уничтожить. (Сухомлинов краснеет.) Программа — лишение земли, но не лишение имущества в городах. Гвалт на весь мир» — так были записаны его слова. Поддержанный Кривошеиным («Нелепо загаживать Россию и кормить 10 000 ртов»), Горемыкин как бы распорядился: «Или за границу, или оставить, но в Россию не пускать. По закону иностранные евреи не допускаются». Но последнее слово осталось за Сазоновым: «Что скажет Англия, дающая Конст[антинополь] и проливы, Америка? (Отнош.) Письмо вел. князю — Варшава и Галиция».

Линия Сазонова одержала, по-видимому, верх и была одобрена всеми министрами, в том числе и теми, убеждениям которых

она противоречила¹⁷. Запись п. 2 заседания 8 мая 1915 г., сделанная самим управляющим делами Совета И. Н. Лодыженским, гласила: «Курляндия и Ковенская губ., надлежит выслать 300 000 чел. евреев. 1 мая верховный главноком[ан]д[ующий] велел приостановить поголовное выселение (об этом сведения от Курляндского губернатора). Выселять специальными поездами. Перевозка лишена топлива, продовольствия и проч., а тут еще жидов.

Маклак[ов]. Я не юдофил, но не могу одобрить. Опасность внутренняя — погромы и питание революции. Опасность международная, лучше — заложники.

Барк. Отразится в области финансов. Заем 1 миллиард на зарубежных рынках. Трудно будет осуществить. Китченер — обратите внимание на еврейский вопрос. Затруднит поставки антагонизм.

Маклак[ов]. Не антагонизм. (С Китченером можно не считаться.) Но здесь переселение народов, чреватое последствиями и внутри.

Предсе[датель Совета министров]. Вел. князь только повелел гнать евреев вперед, а внутри — в Томскую губ. — только подозреваемых в шпионстве. Вообще же заложники.

Кривош[еин]. Вредная для государства мера: революционные всплшки и средства на войну. Волна озлобления разольется. Хотим ли союзников? Нравственное чувство удручено. Средневековье. Не отдаем отчета в последствиях.

Сазон[ов]. Гнать вперед «нонсенс», идут дорогами, а между?

Макл[аков]. Сколько оставлено евреями товаров. Кто возместит? Какая огромная сумма.

Крив[ошеин]. Не такими способами выигрывают кампании.

Харитон[ов]. Наш долг доложить его импер[аторскому] вел[ичеству].

Сазон[ов]. Международные отношения потребуют после войны общих облегчений для евреев России.

Барк. Заложников неудобно, только от неприятельских поданных.

Сазон[ов]. Немецкий пример.

Доложить лично и приготовить журнал.

Телеграмма великому князю с просьбой приостановить впредь до окончательного разрешения вопроса. Опасения волне-

ний в местах водворения, усмирение которых для власти затруднительно»¹⁸.

Однако 12 июня 1915 г. кн. Н. Б. Щербатов, вступивший в управление Министерством внутренних дел, заявил: «Вопрос о евреях. Массовое выселение продолжается. Надо отрешиться от разницы русских и иностранных подданных. Надо подальше от черты по выбору МВД, а не указания командующего войсками. Потом легче вернуть обратно». Харитонов предложил поговорить со Ставкой. «Я говорил. Янушкевич непримирим», — откликнулся Горемыкин. «Просить Ставку согласовать распоряжения на местах. Обратить внимание Ставки о невозможности распоряжаться в тылу, указывать места водворения», — настаивал Харитонов. «Не только города, но и крупные местечки для водворения», — добавил министр юстиции И. Г. Щегловитов. Решено было уполномочить Щербатова «переговорить в Ставке»¹⁹.

Как видим, в течение первого года войны еврейский вопрос постоянно находился в поле зрения правительства, и Барк был в этом отношении ближе к истине, чем Яхонтов. Правда, сам министр финансов иногда повторял традиционные формулы антисемитской пропаганды. С другой стороны, в поведении Маклакова на заседаниях вовсе не отмечается той «размашистости действий» в еврейском вопросе, которую инкриминировал ему в своем письме Барку Яхонтов.

Но вернемся к Щербатову и данному ему поручению Совета министров согласовать со Ставкой судьбу евреев, перемещавшихся из прифронтовой полосы. Дело было не только в высылках. С многочисленными страданиями было связано и добровольное бегство. Вопрос о бедствиях беженцев независимо от их национальной принадлежности Щербатов поднял в заседании 26 июня 1915 г. Положение беженцев-евреев усугублялось тем, что из районов военных действий в черте оседлости они могли осесть лишь в других входивших в нее местностях. Эмиграция из России стала невозможной. Между тем, как подчеркивал Щербатов в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, среди бежавших от наступающих германских войск евреи составляли «огромное число» (это само по себе опровергало утверждение об их германофильстве) и они заполнили восточную часть черты еврейской оседлости — Черниговскую и Полтавскую губернии, где поднялись цены на продукты

и запахло погромами. Щербатов прибавил к черте оседлости Тамбовскую, Воронежскую и Пензенскую губернии²⁰. Но и там началась, по его словам, «на почве базарных столкновений» антисемитская агитация²¹. Он считал, что «черты еврейской оседлости фактически не существует». «Она давала только повод к злоупотреблениям полиции,— говорил он в своих показаниях.— Не предрешая вопроса, я находил нужным это изменить. Тогда это довольно легко прошло в Совете министров, никаких серьезных возражений не было. Последовало распоряжение Совета, но объявленное моим циркуляром»²². Царь, по словам Щербатова, легко с этим согласился, так как «решение вытекало в силу необходимости, из условий военной обстановки». На вопрос председательствовавшего, не совпало ли это решение со стремлением удовлетворить общественное мнение, давно стоявшее за отмену Черты, Щербатов ответил утвердительно, однако добавил: «<...> высказывалось опасение, что обсуждение этого вопроса в законодательных учреждениях может вызвать неприятные разговоры и обострить партийные отношения. Многие члены Государственной думы находили это нежелательным. Я тогда говорил с некоторыми видными евреями, и они были решительно против обсуждения в законодательных учреждениях»²³.

Записи А. Н. Яхонтова в их доработанной им самим и опубликованной части дают возможность существенно дополнить рассказ Щербатова. В заседаниях Совета министров 4 и 6 августа 1915 г. со всей яркостью проявилось, что еврейский вопрос был одним из предметов столкновений между правительством и Ставкой, эпизодом в борьбе за власть в области высшего государственного управления, достигшей такой остроты, что А. В. Кривошеин, главноуправляющий землеустройством и земледелием, воскликнул на заседании 16 июля 1915 г.: «Никакая страна, даже многотерпеливая Русь, не может существовать при наличии двух правительств»²⁴. В справке об этом своеобразном двоевластии, составленной управляющим делами Совета министров, в частности, говорилось: «Без предварительных сношений с Советом министров был осуществлен ряд мер в отношении выселения во внутренние губернии немцев-колонистов и евреев, а также возложена была на последних обязанность выдавать заложников. По еврейскому вопросу начальнику штаба верховного главнокомандующего сообщены были соображения Совета министров о

недопустимости подобных огульных мероприятий с точки зрения поддержания общественной безопасности внутри страны и ввиду неблагоприятного впечатления за границей, могущего иметь последствием затруднения для наших финансовых операций на иностранных рынках». В ответ Янушкевич распорядился сообщить, что он считает репрессии против евреев «весьма слабыми» и «не остановился бы перед усилением их в еще более значительной степени», если бы не единственное «существенное препятствие» — «практические затруднения, которые неминуемо должны возникнуть у гражданских властей по приведению в исполнение массовой высылки евреев из постоянных мест их проживания»²⁵.

«Наши усилия вразумить Ставку остаются тщетными... всеильный Янушкевич считает для него необязательными общегосударственные соображения. В его планы входит поддерживать в армии предубеждение против всех вообще евреев и выставлять их как виновников неудач на фронте», — говорил Щербатов в Совете министров 4 августа 1915 г., поднимая вопрос о расширении черты еврейской оседлости. Его поддержали министр торговли и промышленности кн. В. Н. Шаховской, еще раньше жаловавшийся на то, что военные власти «давят на рабочую массу террором», и Кривошеин, выступавший не только от своего имени, но и по поручению Барка, который просил сообщить его «соображения о настоятельной необходимости предпринять решительные шаги в еврейском вопросе и о желательности такого акта, который имел бы демонстративное значение не только в России, но и за границей»²⁶. За несколько дней до того у Барка были председатель правления Азовско-Донского банка Б. А. Каменка, барон А. Г. Гинцбург, возглавлявший Еврейский комитет помощи жертвам войны, и глава Петербургской еврейской общины М. А. Варшавский (в записях их инициалы и общественное положение не указаны), которые связывали дальнейшие финансовые операции за границей с изменениями политики в еврейском вопросе, подчеркивая, что они не возлагают на правительство вину за происходящее в прифронтовых районах. Кстати, и Щербатов ссылался на трудности на западных денежных рынках, в частности американском, и был в этом поддержан С. Д. Сазоновым. После заявления Горемыкина: «Приходится признаться, что уступки неизбежны. Вопрос в их объеме» — и его

предложения предоставить евреям право жительства в городах, но не в сельских местностях, дело казалось решенным. Но тут выступил Рухлов, заявивший: «Вся Россия страдает от тяжести войны, но первыми получают облегчение евреи. Мое чувство как-то не может этого переварить».

Горемыкин опросил всех членов Совета, и Рухлов оказался в одиночестве, хотя в области чувства с ним солидаризировались и другие. Кривошеин сослался на С. Ю. Витте, говорившего ему, что предоставление евреям права жительства в городах равносильно решению еврейского вопроса. А кончилось заседание выразительной шуткой государственного контролера П. А. Харитонова: «А вы, господа, не боитесь осложнений среди полиции?— спросил он.— Ведь она лишается хорошенького куска хлеба. Чего доброго, пристава и околоточные устроят забастовку протеста против насилий над ними правительства или же произведут погромчики для доказательства несоответствия принятой меры желаниям истинно русских людей»²⁷.

В заседании 6 августа²⁸ Горемыкин сообщил, что царь согласен на разрешение евреям селиться в городах. Кривошеин предсказывал, что «евреи встряхнут сонное царство и растревожат изленившееся на покровительственной системе русское купечество... быстро создадут конкуренцию там, где безраздельно господствует несколько фирм, заставят перейти от старозаветных приемов хозяйства к более совершенным». Но Рухлов заявил, что его чувство «еще сильнее протестует», что загнать евреев после войны обратно в пределы черты оседлости будет невозможно и т. д. «Разногласия я не вправе делать, но откровенно заявляю перед Советом министров, что душа не приемлет»,— закончил он. Ему возражал Барк. «Дилемма такова: или дадим льготы евреям и восстановим свой кредит для получения средств на продолжение войны, или... Третьего выхода я как министр финансов не вижу. Времена Минина и Пожарского, по-видимому, не повторяются»,— съязвил он по поводу пассивности русского делового мира в размещении государственных займов. И он, и Сазонов заверили, что Ротшильды будут принятым решением удовлетворены и полного равноправия для российских евреев не потребуют.

Горемыкин был тверд, и решено было провести принятую меру циркуляром министра внутренних дел, отвергнув законодательный порядок, чтобы избежать прений в Думе, возможных

расхождений между Думой и Государственным советом и, наконец, не лишать делаемые послабления характера царской и правительственной милости²⁹. Так что здесь мнение Совета министров, стремившегося избегать осложнений в Думе, совпало с позицией еврейских деятелей, о которой Щербатов говорил в 1917 г. Судя по первоначальной записи Яхонтова, сделанной в ходе заседания (см. сн. 28), сейчас же после него должно было состояться совещание Горемыкина, Щербатова и Барка для выработки условий, которые правительство собиралось предъявить «представителям евреев» до издания циркуляра. Первый, частный, разговор с ними Щербатов брал на себя. Условия эти сводились, по-видимому, к содействию России на зарубежных денежных рынках. «Сказать ему — старайся и помогай», — заявил Кривошеин, имея в виду Леопольда Ротшильда.

Как видим, члены правительства независимо от своих убеждений вынуждены были пойти на отмену ряда ограничений в правах евреев. Каково было отношение к этому в рядах общественности? Кроме «неумеренно правых» (этим термином называл черносотенцев начальник Петроградского охранного отделения ген. К. И. Глобачев), антисемитских крайностей никто не одобрял. Социал-демократы и трудовики были, разумеется, последовательными противниками национального неравенства. Представители интеллигентских кругов независимо от различий в политической ориентации в декабре 1914 г. стали готовить направленный против антисемитизма получивший широкую известность сборник статей «Щит», первое издание которого появилось в октябре 1915 г.³⁰. Он был частью широкой общественной кампании, отразившейся на страницах многих газет.

Наряду с этим для руководства различных партий и их думских фракций права и положение евреев были одним из вопросов большой политики. Существенная роль здесь принадлежала кадетской партии. (Как известно, еврейские депутаты входили в состав ее думской фракции.)

В первые месяцы после начала войны кадеты стояли на почве общероссийского согласия и на все призывы представителей еврейской общественности отвечали: «Мы правительству оппозиции не делаем ни в еврейском вопросе, ни в других вопросах»³¹.

В передовой статье в связи с открытием законодательных палат «Еврейская жизнь» писала 19 июля 1915 г.: «Кадеты поми-

рились временно с правыми, вернее — примкнули если не к крайне правым, то к октябристам, примкнули не по отдельным вопросам, а по существу, усвоили окончательно их принципиальную точку зрения до некоторого недоверия общественным силам включительно. Самая большая услуга, которую собиралась нам оказать «ответственная оппозиция», это не трогать еврейского вопроса, словом, старая правительственная и октябристская формула: "впредь до общего рассмотрения и т. д.". Однако в последние дни, отмечалось в передовой, настроение у некоторых левых кадетов переменилось и под их влиянием — и у тех еврейских деятелей, которые ждали улучшений в ближайшем будущем и потому были против постановки еврейского вопроса в Думе (читатель уже знаком с таким взглядом). «Как теперь решит кадетская партия этот вопрос, пока неизвестно», — заключал автор передовой статьи³². Дело выяснилось в тот же день при обсуждении формулы перехода, в которой в соответствии с думской речью Горемыкина говорилось о «благожелательном внимании власти к интересам всех верных России граждан без различия племени, языка и веры». Н. Е. Марков 2-й подчеркнул, что эти слова относятся не ко всем национальностям, а лишь к «верным сынам России». Милюков внес было поправку — «всех граждан России», чтобы избежать «скрытого подвоха» по отношению к некоторым народностям, которые этой фразой «как бы выделяются от других и признаются неверными сынами России». Однако вместе с националистами и октябристами кадеты проголосовали за формулу в ее первоначальном виде³³. Затем с развитием оппозиционного движения кадетская тактика изменялась, но в еврейском вопросе осталась прежней. «На евреях нельзя делать оппозицию» — так трансформировался теперь кадетский ответ на еврейские ходатайства³⁴. В программе созданного летом 1915 г. прогрессивного блока, в который вошли все фракции Думы (кроме крайних, как левых, так и правых), добивавшиеся создания «правительства общественного доверия», это вылилось в формулу о «вступлении на путь отмены ограничений в правах евреев». В кругах еврейской общественности в этой формуле усматривали подход к евреям, «хотя и в скрытой форме», как к «гражданам второго порядка, раскрепощение которых не есть требование гражданского порядка, а вопрос удобства, постепенного преодоления», подчеркивали общеполитический вред это-

го³⁵ и «чувство горькой обиды», охватившее еврейское население³⁶.

Между тем формула эта родилась в жаркой дискуссии при обсуждении программы блока на заседаниях его организаторов 14 и 15 августа 1915 г., через неделю с небольшим после заседаний Совета министров. В первоначальном наброске Милюкова ни о какой постепенности речи не было. В нем, в частности, говорилось: «в) Меры в области национальной политики: 1) В еврейском вопросе: отмена черты оседлости, отмена процентной нормы в учебных заведениях, восстановление еврейской печати»³⁷. Но в записи, которую вел Милюков, 14 августа появились слова: «Еврейский вопрос. Оставить заголовок, как есть, но в отдельный пункт в виде оговорки». Дело было в сопротивлении, оказанном на заседании еврейскому пункту его проекта. Представитель правых в Государственном совете Вл. И. Гурко заявил (в записи Милюкова, как и остальные выступления): «Теперь принять о черте — мера временная и исключительная. По совести не может принять ответственность за допущение в Петрограде (по военным соображениям). Шпионство питается этим элементом. Относительно деревень — безразлично». На иной позиции стоял представлявший центр Государственного совета А. Д. Оболенский. «Я хочу, чтобы цель правительства была — уничтожение 8 миллионов (так в тексте.— Р. Г.) париев и возможность управлять государством, население возбуждено. Почему не указана отмена ограничительных законов для евреев? — говорил он, но тут же добавлял: — Вопрос о процентной норме сразу разрешить нельзя. Нужно знать, что правительство идет в определенную сторону»³⁸. Его предложение звучало весьма умеренно: «Отмена по возможности неразумных ограничений».

Далее Милюков записал: «Гурко.— Глубочайшая наша ответственность — мы ставим правительство в невозможное положение. Все засилия — русская слабость. Но сейчас мы — в исключительном положении. Надо весьма подробно обсудить всякую отдельную меру. «Россия» говорит розно. Черта оседлости поневоле улетела к черту. О Москве согласен, но Петроград — вопрос обороны.

Савенко.— Для моих друзей это — центральный вопрос. В настоящее время черта переживает пароксизм антисемитизма, особенно в армии. Революция будет сопровождаться еврейскими

погромами. Надо стать на путь уступок в еврейском вопросе, нельзя иметь 8 миллионов врагов, надо искать примирения. Нынешнее правительство понимает это и сделало первый шаг. Опасается распространить на деревенскую Россию, боится *сразу*».

Как видим, позиция А. И. Савенко, члена думской фракции прогрессистов-националистов, была подобна позиции А. Д. Оболенского — решать еврейский вопрос надо, но постепенно. Из этого исходила предложенная А. Д. Олсуфьевым (центр Государственного совета) «общая формула: вступление на путь дарования общегражданских прав («постепенное уравнивание»)». Гурко говорил опять, в третий раз. Высказавшись «против восстановления еврейской печати», он объяснил это трудностями осуществления ее цензуры («"Жаргон" — вопрос особенный. Никто не понимает — цензора плохо понимают, из худших евреев»). Итоги обсуждения вопроса подвел в этот день Оболенский: «Надо указать вежи и верить правительству, которое скажет: я вступаю на путь отмены ограничений». На следующий день в проекте программы появился п. 5: «Вступление на путь отмены ограничительных законов для евреев, в частности дальнейшие шаги к отмене черты оседлости, процентной нормы в учебных заведениях и стеснений в выборе профессии. Восстановление еврейской печати»³⁹.

От имени думского центра В. Н. Львов заявил: «Надо потихоньку указывать правительству, а не открыто. Принимаем условно, может быть, согласимся». Однако входивший в ту же фракцию П. Н. Крупенский возразил: «Несвоевременно. Фракции не было». Прогрессист-националист В. А. Бобринский сказал: «Согласны, но не можем подписать». Входивший в ту же думскую фракцию В. В. Шульгин сообщил о разногласиях во фракции и о необходимости считаться с антисемитскими чувствами, особенно в армейской среде: «Черта снята, процентная норма допустима, но человек 12 нашей фракции не согласились. Тут не толпа; невозможно, когда люди умирают с чувством антисемитским. Ответим в целом, не связывайте сейчас».

Как и накануне, противился принятию решения Гурко («Не подводите правительство, говорите открыто, если верите в то, что говорите»), а отстаивал решение Оболенский. Он считал позицию в еврейском вопросе особенно важной для создававшегося блока и был в этом, несомненно, прав, хотя бы потому, что ни один другой пункт программы не подвергался такому оживленному

обсуждению. «В этом $\frac{3}{4}$ значения всей программы — это нужно для кредита, для значения России», — сказал он.

Думские земцы-октябристы И. И. Дмитрюков и С. И. Шидловский заявили о готовности фракции принять весь документ «как *minimum*» (Шидловский). «Фракция согласна. Замалчивать нельзя. Теперь этот вопрос неопасен. В стране отлично уживаются», — сказал Дмитрюков, опровергая ссылки на антисемитизм⁴⁰.

Препятствие к достижению соглашения заключалось в позиции прогрессистов-националистов. Для достижения соглашения Милюкову пришлось пригрозить расколом блока («Я. — После моего заявления: разойдемся», — записал он⁴¹). Бобринский стал искать выхода. «Если мы не согласимся, то не все пропало», — сказал он. — По этому пункту согласны такие-то фракции, которые составляют большинство. Мы не возражаем, и если правительство внесет, *vi coactus*⁴², мы стоим нейтрально, может быть, мы еще убедим фракцию». Но Гурко это отверг, требуя, чтобы все заняли определенные позиции. «Не согласен на частичное присоединение графа Бобринского. Это сгубит все дело. Молчание — *cum tacent clamant*⁴³. Их отказ в этом деле есть крушение всего», — заявил он. Входявшие в академическую фракцию Государственного совета Д. Д. Grimm и М. М. Ковалевский поддержали Милюкова. «Это *maximum* уступок и *conditio sine qua non*⁴⁴. Мы желаем вступления России на путь правового государства. Неупоминание — есть непризнание этого принципа», — сказал Grimm. Приехавший из Русско-Американской торговой палаты Ковалевский добавил: «Американцы ставят условием свободный приезд американских евреев⁴⁵ и ряд других вопросов».

В конце концов твердая позиция Милюкова (как и по польскому вопросу) одержала верх и в программе блока появилось пресловутое «вступление на путь». На встрече с министрами после ее опубликования Крупенский заявил: «Я — прирожденный антисемит, но пришел к заключению, что теперь необходимо для блага родины сделать уступки для евреев. Наше государство нуждается в настоящее время в поддержке союзников. Нельзя отрицать, что евреи — большая международная сила и что враждебная политика относительно евреев ослабляет кредит государства за границей. Теперь в особенности, когда Барк поехал за

границу для заключения займа, необходимо обеспечить успех его поездки. Наши отношения с Америкой также улучшатся с переменной политики относительно евреев. Таким образом, я сознательно старался отказаться от своих прежних взглядов и согласился с требованием к.-д., от которых они не могут отступиться». Ему отвечал Щербатов: «Собственно правительство уже вступило на почву отмены черты оседлости. Но на этом примере я вижу, как трудно для правительства идти дальше»⁴⁶.

Вряд ли можно согласиться с тем, что блок был «учреждением по отношению к общей политике реакционным, а по отношению к еврейской подавно»⁴⁷. Принятая и отстаивавшаяся блоком реформаторская программа не дает для этого никаких оснований. Черносотенцы недаром приписывали его образование «жидо-масонской интриге» и видели в нем «орудие международного заговора против России»⁴⁸. Но стремление сохранить в блоке вошедшую в него часть националистов и октябристов заставляло его руководство идти с ними на компромиссы «ниже допустимой линии», как выразилась Е. Д. Кускова⁴⁹. Не вошедшие в блок правые думцы постоянно преувеличивали степень его оппозиционности, а блокисты оправдывались перед ними, ссылаясь на свою умеренность во всех вопросах, включая еврейский. Однако различные деятели блока — П. Н. Милюков и В. А. Маклаков в их числе — во многих случаях поднимали свой голос против выступлений думских черносотенцев и всякой дискриминации на национальной почве, в том числе и дискриминации евреев. И это воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

При таких обстоятельствах в начале 1916 г. стали известны секретные циркуляры правительственных ведомств местным властям по еврейскому вопросу. Речь шла о двух таких циркулярах, вызвавших содержащимися в них наветами бурю возмущения⁵⁰. Если второй из них, так называемый «кафафовский», относится к январю 1916 г. и появился в изменившихся к тому времени обстоятельствах, то первый был разослан Департаментом окладных сборов Министерства финансов 23 июля 1915 г., за неделю до заседаний Совета министров 4 и 6 августа, на которых министр финансов Барк добивался либерализации политики в еврейском вопросе. Ему пришлось впоследствии пойти на официальную отмену этого циркуляра. Впрочем, и Щербатов, выступавший вместе с Барком, должен был знать, что товарищ министра его

ведомства В. Ф. Джунковский 2 июля разослал циркуляр, послуживший Департаменту окладных сборов протографом⁵¹.

«Хотя правительство всячески протестовало против действий Янушкевича, направленных против евреев, оно само, можно сказать, стало на его путь», — отметил в своих воспоминаниях Я. Г. Фрумкин⁵². Почему это случилось? Вероятно, следует принять во внимание политическую схватку между царем и его правительством, которая разворачивалась в эти дни. Царь намеревался взять верховное главнокомандование на себя, а Совет министров пытался этому противодействовать, хотя Горемыкин как его председатель стал на сторону царя. Министры могли сколько угодно порицать Янушкевича, но его уход мог последовать только вместе со смещением с поста верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, и это затрудняло министрам сопротивление сторонникам его линии, которые могли позволить себе подстрекательские акты за спиной высших сановников империи в знак протеста против намечавшихся Советом министров уступок в еврейском вопросе.

Впрочем, неопубликованные записи Яхонтова, как мы видели, показывают, что антисемитские акты могли и не встретить противодействия со стороны министров, включая Кривошеина и Барка, хотя они и отстаивали в Совете либеральный подход к еврейскому вопросу. Отметим в этой связи не получившие огласки другие антисемитские циркуляры. 13 мая 1915 г. Департамент полиции издал циркуляр (по 6-му делопроизводству, № 169297), в котором евреи военнообязанного возраста, застигнутые войной в Германии и вернувшиеся в Россию через Финляндию, чтобы идти на войну с Германией, рассматривались исключительно как возможные германские шпионы. А 8 августа, через два дня после заседаний Совета министров, на которых Щербатов так убежденно выступал против антисемитских действий Янушкевича, появился циркуляр Отдельного корпуса жандармов «О наблюдении за составами поездов в предупреждение пересылки с ними тайным путем евреями записок с целью шпионажа». В нем с полной серьезностью утверждалось, что евреи на железнодорожных станциях приклеивают к днищам вагонов записки с изложением военных тайн. «На конечных станциях эти записки снимаются заинтересованными лицами и затем передаются неприятелю», — говорилось в циркуляре⁵³.

Можно предположить, что кроме «кафафовского» существовал неизвестный нам циркуляр Департамента полиции о расторжении казенных контрактов с евреями. «Передо мной еще недавно здесь был циркуляр, самый последний, о расторжении всех сделок по контрактам с евреями, даже если это грозит убытками для казны», — говорил А. И. Шингарев в Думе 16 февраля 1916 г. Документ, который он имел при этом в виду, исходил из Департамента полиции, потому что, сказав об этом документе и переходя к известному нам циркуляру Департамента окладных сборов Министерства финансов, он заявил: «До сих пор я думал, что этим занимается только Департамент полиции, что он валит на евреев и мелкую монету, и дороговизну, и я не знаю что, но передо мною другая бумага, на этот раз из Министерства финансов...»⁵⁴

Таким образом, принятые с одобрения царя решения Совета министров объективно улучшали положение русского еврейства, хотя правительственные ведомства и пытались рассматривать это как временное, тактическое отступление.

¹ Тяжелые дни. Секретн. заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г. Составл. А. Н. Яхонтовым, б. помощником управляющего делами Совета министров на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам (Архив русской революции. [Т.] 18. Берлин, 1926). Это издание осуществлялось И. В. Гессеном, видным деятелем кадетской партии и редактором-издателем ее органа — газеты «Речь». И. В. Гессен был двоюродным братом известного историка еврейского народа Ю. И. Гессена (сообщение сына Ю. И. — В. Ю. Гессена). О тексте записей Яхонтова см.: *Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф.* А. Н. Яхонтов и его «Тяжелые дни». История текста и издания (Средневековая и новая Россия). СПб., 1996.

Рассмотрение еврейского вопроса в Совете министров упоминалось на основании яхонтовской публикации в статьях Я. Г. Фрумкина «Из истории русского еврейства (воспоминания, материалы, документы)» и А. А. Гольденвейзера «Правовое положение евреев в России» (сб.: Книга о русском еврействе, Нью-Йорк, 1960).

² Бумаги А. Н. Яхонтова в Бахметевском архиве Колумбийского ун-та в Нью-Йорке. Копии корреспонденции, лл. 8, 11.

³ Там же, л. 19.

⁴ Там же, л. 14. Ср. оценку Яхонтовым значения еврейского вопроса накануне летнего политического кризиса: «Надвинулись беженцы, еврейский вопрос, финансовый кризис и полная внутренняя неразбериха в связи с углублением театра военных действий в глубь страны и переходом власти нормальных местных властей в руки тыловых военачальников» (Яхонтов — В. И. Гурко, 19

декабря 1925 г., там же, л. 33). В своем историческом труде «Первый год войны», появившемся в 1936 г., А. Н. Яхонтов характеризовал еврейский вопрос как «сложнейший и болезненный», «который за последние десятилетия принял поистине роковое значение в развитии событий во внутренней жизни России» (Возрождение. Париж. 1936. 1 авг.).

⁵ См.: Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Берлин, 1928. [Т.] 19. С. 245—284.

⁶ Тяжелые дни. С. 32.

⁷ Из недавнего прошлого. Речи еврейских депутатов в Гос. думе за годы войны. Пг., 1917. С. 93—99.

⁸ Бумаги А. Н. Яхонтова в Бахметевском архиве Колумбийского ун-та в Нью-Йорке. Копии записей заседаний Совета министров. С. 1. Ср. выписку из перлюстрированного письма «Давида» 30 июля 1914 г. Из Харькова А. З. Ротштейну в Сморгонь: «Пуришкевич целуется с евреями: какое это знамение времени, какой удивительный парадокс <...> а евреи стоят на границе, готовые защищать честь и достоинство своей, далеко не всегда с ними нежной родины ценою своей жизни. И ничего пока не дали евреям, ограничились только тем, что констатировали солидарность инородцев с русскими, да постановили не выселять семейств запасных евреев вне черты оседлости. И нужно думать, что больше ничего не дадут. Обойдется и так, по их мнению» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102, оп. 265, ед. хр. 976, л. 40).

⁹ Бумаги А. Н. Яхонтова в Бахметевском архиве Колумбийского ун-та в Нью-Йорке. Копии записей заседаний Совета министров. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ Там же. С. 64.

¹² Там же. С. 64—65.

¹³ Там же. С. 24.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 89. Последовательный противник ограничения в правах евреев П. Н. Игнатьев 24 июля 1915 г. заявил о недостаточности приема евреев — героев войны в учебные заведения в первую очередь в пределах нормы, сославшись на то, что во время русско-японской войны ее участников принимали сверх нормы. В Петрограде, по его словам, было всего восемь прошений. На это откликнулся управлявший Министерством внутренних дел кн. Н. Б. Щербатов. Запись его слов гласила: «Дети военных врачей, дети нижних чинов — немного раненных — сейчас. В будущем подрастет масса. Надо только на один год. На время военных действий. Вопрос о праве жительства евреев — участников войны. Одобрить (Николаевские солдаты). Дети штатских евреев, служащих в Министерстве торговли и промышленности: принять вне нормы. Одобрить» (там же. С. 175).

¹⁶ Там же. С. 115.

¹⁷ Вообще, выдвигая против евреев все возможные и невероятные обвинения, даже наиболее убежденные антисемиты среди министров иногда обнаруживали истинное понимание дела. Так, когда в связи с приближением еврейской пасхи Барк заявил, что Министерство финансов согласно выдать евреям, несмотря на сухой закон, легкое вино в ритуальных целях, а Департамент духовных дел находит, что надо дать виноградный сок, Рузлов откликнулся на это слова-

ми: «Если евреи напьются — какая беда. Но не давайте нигде в руки русских интендантов» (там же. С. 105).

¹⁸ Там же. С. 132. 19 мая был составлен журнал Совета министров «О выдаче вспомоществования евреям, высланным с театра военных действий». Утвержденный царем 3 июня, он предусматривал выдачу 500 тыс. рублей (Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1276, оп. 20, д. 89, лл. 128—130).

¹⁹ Там же. С. 150. Позиция самого Щербатова иллюстрируется его выступлением на заседании 10 июля 1915 г. об «угнетении евреев на северных дорогах в местных работах по Олонецкой губернии (подрядчики, бухгалтеры и проч.)». Речь шла о строительстве дороги на Мурман. Участие этих лиц имело, по его словам, «важное значение для скорости работ», на этом настаивало и Военное министерство. «Странно, что нельзя без евреев обойтись в Олонецкой губернии». — недоумевал Щербатов. Но тут же заявил: «Дорога строится 2 года — и евреи пущены туда. Неудобно гнать» (там же. С. 170).

²⁰ Там же. С. 161. Еще на заседании 6 февраля 1915 г. прозвучали сведения о положении военнопленных, а также высланных немцев-колонистов и евреев. «Что делать с военнопленными, колонистами? Переполнение внутренних губерний. Блезни, голодный тиф. Ненависть и злоба — целое море — против России и власти», — сказал Маклаков. «Военная власть 40 тыс. евреев выселила из Полоцкой губернии в Варшаву. Там деть их некуда, ибо не было принято мер. Перевозка без организации. Положение этих евреев ужасно. На соломе дети, старики и пр.», — откликнулся Сазонов. «Скопились десятки тысяч беженцев — жидов из приграничных с Пруссией местностей», — добавил Рухлов (там же. С. 95).

²¹ Еврейские депутаты Думы отмечали помощь и сочувствие еврейским беженцам со стороны населения тех местностей, куда они прибывали.

²² Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 228.

²³ Там же. С. 229. Кн. Пав. Д. Долгоруков, горячий сторонник еврейской эмансипации, писал: «Полная отмена национальных ограничений должна пройти через законодательные учреждения. Но смягчение их в течение военного времени во всяком случае было бы возможно теперь же» (*Долгорукий П.* Война и положение евреев // Щит: Лит.-худож. сб. / Под ред. Л. Андреева, М. Горького, Ф. Сологуба. М., 1915. С. 83). Не исключено, что он был согласен с собеседниками Щербатова. С другой стороны, лидер академической группы Государственного совета известный правовед проф. Д. Д. Grimm в речи о «самых прискорбных и опасных колебаниях» правительства в области национального вопроса говорил: «...принимаются никого не удовлетворяющие полумеры, как в еврейском вопросе, меры, обремененные к тому же в более чем сомнительную с точки зрения легальности форму, причем не заботятся о закреплении их в законодательном порядке, гарантирующем от неожиданного отказа от этих мер в будущем, по миновании, с точки зрения надлежащих административных властей, надобности в них» (Еврейская жизнь. 1916. 28 февр. Стлб. 34).

²⁴ Тяжелые дни. С. 18.

²⁵ Там же. С. 11—12.

²⁶ Там же. С. 43—44, 20.

²⁷ Там же. С. 46.

²⁸ Первоначальная сделанная на самом заседании запись Яхонтова в отличие от записи 4 августа, которая, как и некоторые другие, отсутствует в его бумагах, сохранилась. Приводим ее первый пункт.

«1. Еврейский вопрос.— Гос[ударь] император не против городов при условии соглашения с представителями евреев для облегчения миссии ми[н]ист[ра] финансов.

Кривош[ейн]. Элементарный интерес русского государства и зажившего великорусского центра, перенос туда еврейских предприятий, дабы развить промышленность и обеспечить подъем русской жизни. Нельзя одно земледелие.

Шаховс[кой В.Н., министр торговли и промышленности]. Промышленные предприятия вне городов.

Щербат[ов]. Против.

Все. Городские поселения, посадки и города.

Рухлов. Захватно уничтожается черта оседлости, никак не выгонишь обратно.

Предс[едатель]. Ограничиться городами, а потом в зависимости от случаев.

Щербат[ов]. Казачество обозлять нельзя и не допускать в казачьи области. (Ростов-на-Дону — градоначальство можно.)

Поручить М[инистерству] вн[утренних] д[ел] разработать циркуляр и внести в Сов[ет] ми[н]истров, а сейчас совещание предс[едателя] Сов[ета] ми[н]истров, м[ин]ист[ра] вн[утренних] д[ел] и м[ин]ист[ра] ф[инансов] для условий представителей евреев.

Щербат[ов]. Первый разговор частно м[ин]ист[ра] вн[утренних] д[ел], ибо ми[н]ист[ра] финан[сов] — евреи почитают под своим давлением.

Хвостов [А.А., министр юстиции]. Закон не дает прав м[ин]истру вн[утренних] д[ел].

Харитон[ов]. Есть статья 158 — на время войны. «Форс мажор» — военная власть шлет сотни тысяч евреев.

Щербат[ов]. Вопрос о фабриках и заводах. Какие гарантии, что после войны не погонят. Создает неустойчивость промышленной деятельности.

Предс[едатель]. Нравственная гарантия и закон. Жиды это поймут.

Кривош[ейн]. Вопрос обывателей на время войны, а предприятия в порядке разрешительном навсегда. О бедноте — держать их под страхом. Нельзя сразу вести войну с Германией и евреями. Надо разделить эти войны.

Харитон[ов]. Вопрос не о существе, а необходимости.

Кривош[ейн]. Верно, но надо придать вид дара.

Щербат[ов]. В Думе вызовет негодование. Член Думы Маклаков (?) в его словах чувствуется: если равноправие евреев, то колья неизбежны. Наша мера — первая ступень, в Думе не пройдет, а потому можно пугать евреев.

Харитон[ов]. Надо предписание местной власти категорически, ибо иначе масса рассуждений и поборов.

Щербат[ов]. В селах и иных областях (мотив) оградить не можем.

Кривошеин. И не желаем.

Шаховс[кой]. Право аренды и приобретения недвижимого имущества еврейскими предприятиями в городах.

Предс[едатель]. Невозможно приобретать, но только в аренду.

Хвостов. Министр внутренних дел по 158 статье может, временная мера, а предприятия постоянно.

Кривош[ейн]. Кн. Туманов [Н.Е., начальник Петроградского военного ок-

руга] разрешает, а Екатеринославский (?) губернатор выгоняет. Надо это покончить.

Председатель]. Предприятия по 87 статье.

Щербат[ов]. Медлить нельзя. Двигается масса евреев.

Лодыженский. Нет закона, воспреещающего приобретение недвижимого имущества в городах.

Разрешить право жительства, но это не ограничивает приобретение. Короткий, но решительный циркуляр (все города, кроме столиц и казачьих областей) — дозволить Ростов-на-Дону — градоначальство. Быть может, местности в ведении Военного министр[ерства] исключить.

Сазонов. Леопольд Ротшильд дальше не идет.

Кривош[еин]. Сказать ему — старайся и помогай.

Рухл[ов]. Берем на себя всю тяготу евреев, которые уходят из Польши из боязни автономии.

Барк. Для финансов огромное значение. Ротшильд далек от равноправия. Его Дом не воспользовался мораториумом во Франции и платил по текущим счетам Государ[ственного] казначейства. Влияние его огромно. Китченер: «важно смягчить евреев для успеха войны». Неудача одномиллиардного военного внутреннего займа. 479 мил[лионов] не размещены — влияние мер против евреев, необходимо что-нибудь сделать для облегчения займа за границей» (Бумаги А. Н. Яхонтова в Бахметевском архиве Колумбийского ун-та в Нью-Йорке. Копии записей заседаний Совета министров. С. 179—181).

Сопоставив приведенную запись с опубликованным в «Тяжелых днях» обработанным ее вариантом, читатель сам может определить масштаб и характер реконструкции говорившегося на заседаниях, произведенной Яхонтовым в 20-х гг. Отметим лишь, что несмотря на более подробный и пространный характер реконструкции, в нее не вошли наиболее оидозные фразы, записанные на заседании. Так, отсутствуют слова Кривошеина: «Нельзя сразу вести войну с Германией и евреями. Надо разделить эти войны». Они могли звучать как намерение сначала расправиться с Германией, а затем — с евреями. Опушены и слова Кривошеина о том, чтобы держать под страхом еврейскую бедноту, и Щербатова о том, чтобы пугать евреев позицией Думы. Наконец, опущена ремарка Кривошеина после слов Щербатова о трудностях предотвращения выступлений против евреев. «И не желаем», — вставил Кривошеин, давая явный повод обвинить правительство в попустительстве погромов.

²⁹ Тяжелые дни. С. 48—50. В Черту были включены все города, за исключением столиц и царских резиденций. Евреи не допускались в казачьи области (Кубанскую, Терскую и Войска Донского). 10 августа 1915 г. был установлен льготный прием во все учебные заведения участников войны и их детей без различия национальностей и вероисповедания (*Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX вв. М., 1991. С. 289. Ср.: *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности воен. министра и его помощника. М., 1924. Т. 1. С. 208—209).

³⁰ Не останавливаясь на содержании этого сборника как получившего широкую известность, отметим выраженную в нем разными авторами мысль о связи решения еврейского вопроса с русским освободительным движением. Так, Д. Мережковский в статье «Еврейский вопрос как русский» писал: «пусть не забывают народы угнетенные, что свободу может им дать только свободный русский народ» (Щит. С. 138). В статье П. Н. Милюкова «Еврейский вопрос в России», содержащей предупреждение против переговоров национальных сил с

бюрократией, говорилось: «Еврей должен в особенности помнить, что его судьба тесно и неразрывно связана с судьбой общего русского освободительного движения» (там же. С. 147).

³¹ Давидсон А. (псевд. А. Идельсона). Съезд кадетской партии // Еврейская жизнь. 1916. 6 марта. Стлб. 2—3.

³² Еврейская жизнь. 1915. 19 июля. Стлб. 3.

³³ См.: Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 47—49, 115.

³⁴ Давидсон А. Указ. соч. Стлб. 2—3.

³⁵ Там же. Стлб. 2, 4.

³⁶ Ю.Б. [Ю. Д. Бруцкус]. Еврейские депутаты и думский блок // Еврейская жизнь. 1916. 13 марта. Стлб. 4. «К заявлениям о постепенной отмене мы уже привыкли,— писал Ю. Д. Бруцкус,— об этом говорил бывший министр внутренних дел Дурново, мотивируя свою осторожность опасностью погромов со стороны полиции, привыкшей основывать свой бюджет на евреях; о постепенности говорил и Плеве, считавший евреев самым талантливым народом, а великороссов беспомощными, не способными ни к самоуправлению, ни к самостоятельности, ни к конкуренции с евреями... Но никто из них не дошел еще до такой осторожной дозировки в деле устранения несправедливости, как “вступление на путь постепенности”» (там же). А. Н. Трайнин еще раньше писал о «вступлении на путь отмены»: «Это политическое милосердие претит нашему национальному достоинству и находится в противоречии с подлинными интересами России» (Новый путь. 1916. 21 янв. Стлб. 2).

³⁷ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. / Подг. Н. Лапин // Красный архив. 1932. Т. 1-2 (50-51). С. 158.

³⁸ Там же. С. 129.

³⁹ Там же. С. 135.

⁴⁰ Там же. С. 136.

⁴¹ Впоследствии видный депутат центра рассказал корреспонденту еженедельника «Новый путь», подписывавшемуся инициалами А.П.Б., что правые и даже прогрессисты были против включения еврейского пункта в программу блока и включен он был только под давлением кадетов, поставивших это непременным условием своего участия в блоке. Коль скоро русские массы не имеют прав, нельзя возбуждать вопрос о еврейском равноправии,— считали противники включения этого вопроса в программу блока (Новый путь. 1916. 4 марта. Стлб. 4—5). А. Н. Яхонтов не без сарказма отмечал позже, что «даже» созданный с такой грандиозной целью, как «изменение государственного строя», прогрессивный блок «не ощутил в себе достаточно храбрости для требования коренной реформы» в еврейском вопросе (Возрождение. 1936. 1 авг.).

⁴² Силой принуждения (*лат.*).

⁴³ Тем, что они молчат, они кричат (*лат.*; ставшая крылатой фраза Цицерона из его первой речи против Катилины).

⁴⁴ Необходимое условие (*лат.*).

⁴⁵ В 1912 г. США разорвали русско-американский торговый договор 1832 г. из-за непризнания русской стороной американских паспортов эмигрировавших из России евреев, когда они приезжали на родину.

⁴⁶ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. С. 149. Щербатов мог иметь в виду как политическое противодействие курсу на отмену ограничений, так и трудно-

сти в осуществлении своего циркуляра. О них см.: *Брамсон Л.* Применение щербатовского циркуляра о расширении черты // *Новый путь.* 1916. 21 янв. Стлб. 4—9.

⁴⁷ *Давидсон А.* «Реальная политика» // *Еврейская старина.* 1916. 27 марта. Стлб. 1.

⁴⁸ Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1929. С. 345—349.

⁴⁹ *Кускова Ек.* Евреи и русская интеллигенция // *Новый путь.* 1916. 26 февр. Стлб. 11.

⁵⁰ См.: *Ганелин Р. Ш.* Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915—1916 гг. // *Вест. Евр. ун-та в Москве.* 1995. № 3(10). С. 4—37.

⁵¹ Центральный государственный архив Республики Татарии, ф. 1, оп. 6, д. 968, л. 256. Благодарю за помощь проф. А. Л. Лигвина.

⁵² *Фрумкин Я. Г.* Из истории русского еврейства. С. 103.

⁵³ Циркуляры Отдельного корпуса жандармов. Б. м. и г. (в библиотеке РГИА).

⁵⁴ Гос. Дума. 4-й созыв. Стенограф. отчеты. 1916 г. Сессия 4-я. Стлб. 1205—3502. Заседания 17—37 (с 9 февраля по 15 марта 1916 г.). Пг., 1916. Стлб. 1797—1798.



В. Кельнер (С.-Петербург)

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС И РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Усиление антисемитизма, погромы, массовая депортация, бегство еврейского населения из прифронтовой полосы в глубь России и связанные с этим людские бедствия нашли живой отклик у значительной части интеллигенции. В мае 1915 г. М. Горький писал литератору С. Мальшеву: «Вы не можете представить, что теперь делают с еврейским населением Польши! Уже выслано до полумиллиона, выслали по 15, 20 тысяч — все еврейское население города — в 24 часа <...> Говорят, что массовое обвинение евреев в измене, предательстве вызвано желанием объяснить наши военные неудачи и затушевать действительное предательство Мясоедовых и К^о. Я думаю — иначе: антисемитизм пропагандируется, как я уже писал Вам, — в целях разбить оппозицию на еврейском вопросе. Пропаганда ведется успешно. Жить — стыдно»¹. Для одних это было выражением юдофильских настроений, другие таким образом выражали свой протест против войны. Поражения русской армии, отступление со значительных территорий, нарастающий экономический кризис вызвали резкое усиление антимонархических, антиправительственных тенденций. Антисемитизм отождествлялся именно с теми кругами, которые ввергли страну в пучину новых страданий, поставили ее на грань национальной катастрофы. Поэтому сопротивление антисемитизму, как части официальной идеологии и политики, вновь вовлекло в его ряды самых различных и идейно разношерстных представителей российской общественности. Основные усилия в этом направлении сосредоточились в «Обществе для изучения еврейской жизни».

По-видимому, создание подобного объединения инициировалось одновременно несколькими известными литераторами и общественно значимыми деятелями. В декабре 1914 г. М. Горький писал Е. Пешковой: «...ты, вероятно, скоро будешь удивлена,

увидев мою подпись рядом с именами людей, очень чуждых мне: Андреева и Сологуба! Каково? Мы задумываем анкету по вопросу об антисемитизме, — а? Не веришь? Может быть, даже и более того затеем»². Начало было положено в октябре 1914 г., когда под впечатлением от известий о первых еврейских погромах в прифронтовой полосе и сведений об антисемитских правительственных и военных мероприятиях писатель Л. Андреев связался с еврейским общественным деятелем, литератором и издателем С. Познером³. В начале декабря произошла встреча М. Горького и Л. Андреева, после которой Горький сообщал Е. Пешковой: «Был у меня Леонид Андреев. Долго говорили, часов шесть кряду...»⁴ Возможно, именно на этой встрече и обсуждались основные усилия по созданию Общества. Судя по всему, решено было начать с некой литературной акции. С. Познер вспоминал, что «после первого свидания с Л. Н. Андреевым — непродолжительного — я посетил его еще раза два, и во время этих свиданий Л. Н. говорил мне о своем намерении выступить в печати со статьей по еврейскому вопросу и говорил также о желательности устройства собрания писателей по тому же вопросу»⁵.

Последующие собрания проходили на квартирах юриста и литератора С. Кальмановича и М. Винавера. В первых встречах принимали участие, кроме Горького, Андреева, С. Познера, историк П. Щеголев, издатель З. Гржебин, историк и общественный деятель М. Тривус. Вскоре к ним присоединились Ф. Сологуб и его жена А. Чеботаревская. Сообщая об одном из подобных собраний, Горький писал находящемуся в больнице Л. Андрееву: «21-го [декабря 1914 г.] назначили у Винавера собрание по вопросу об организации русской лиги филосемитов [русского общества изучения жизни евреев]»⁶. К концу декабря закончился организационный период, и 23 декабря было создано Бюро нового объединения в составе Горького, Андреева и Ф. Сологуба. Первоочередные задачи Общества, видимо, были сформулированы Горьким. В них вошли три пункта: «Устройство анкеты среди представителей науки, литературы, искусства и практической жизни России по еврейскому вопросу, устройство анкеты о последствиях мировой войны среди выдающихся ученых и писателей-евреев на Западе и устройство лиги борьбы с антисемитизмом»⁷. Составить анкету для российской общественности было поручено всем присутствовавшим, с тем чтобы затем выбрать

наиболее удачную. На следующее заседание свои варианты анкеты представили М. Горький, П. Щеголев, М. Тривус и С. Познер. Оценивать их была призвана специальная комиссия в составе Д. Овсяннико-Куликовского и М. Винавера. Окончательную редакцию текста поручили С. Познеру. На этом собрании впервые прозвучало предложение совместить в одном сборнике публикацию ответов на анкету с собственно статьями по еврейскому вопросу. Следующее собрание проходило на квартире известного петербургского врача Н. Кетчера под председательством А. Шингарева. На нем М. Горький и Андреев выступали с предложением обратиться к русскому обществу со специальным воззванием по еврейскому вопросу. Проект его было поручено составить трем авторам: Горькому, Андрееву, Сологубу. Они же образовали Бюро, призванное руководить практической деятельностью создаваемого Общества. Секретарем его предложили стать С. Познеру⁸.

К этому моменту сначала журнал «Отечество», вышедший под редакцией одного из создателей Общества — З. Гржебина, а затем и многие газеты страны опубликовали текст анкеты об отношении к евреям и еврейскому вопросу в русском обществе. Текст подписали трое: М. Горький, Л. Андреев, Ф. Сологуб.

«Милостивый государь!

Вам известно трагическое положение евреев в России, Вы знаете, что, несмотря на свое бесправие в стране, евреи всегда принимали энергичное участие в культурной жизни русского общества, в его борьбе за свободу, право, за лучшее будущее.

Вам известно также, что в тяжелые для нашей страны дни еврей рука об руку с русскими, не щадя своей жизни, защищают Русь от врага.

Это бескорыстное участие в обороне России должно бы задержать постыдное развитие идей и настроений антисемитизма на Руси; мы не говорим — уничтожить, но хотя бы задержать.

Однако рост зоологической вражды к евреям не прекращается, напротив — мы со стыдом должны признать, что кошмар мировой бойни, возбуждая в людях звериные чувства, явно способствует вящему развитию антисемитизма в русском народе.

Это постыдно, невыносимо постыдно; мы хотим в меру сил наших бороться с этим явлением, угнетающим нашу совесть.

Мы обращаемся ко всем честным и разумным русским людям с просьбой дать откровенные ответы на вопросы, поставленные нами.

Собрав эти ответы воедино, мы издадим их книгой, которая, быть может, окажется способной помочь русским людям, еще не думавшим об этих вопросах, разобраться в них и поискать возможностей для активной защиты евреев в их борьбе за равноправие вместе с нами, гражданами той страны, культуре и свободе которой евреи служили и служат так же честно, так же энергично, как служили и служат ей лучшие русские люди.

1. Думаете ли Вы, что антисемитизм, как общественное явление, возник у нас и распространился под влиянием западноевропейского антисемитизма.

2. Какое влияние может иметь рост антисемитизма на культурное развитие русского народа.

3. Какое влияние антисемитизма на хозяйственный рост России.

4. Какое влияние имеет на рост антисемитизма у нас самый факт еврейского бесправия.

5. Не кажется ли Вам, что антисемитизм, дающий, ввиду разноплеменности России, благодарную почву для развития расовых и националистических предрассудков, имеет для России особо пагубное значение.

6. Какова, по Вашему мнению, роль евреев в искусстве, науке и общественно-культурной жизни Западной Европы и России.

7. Не можете ли Вы сообщить Ваши личные наблюдения и воспоминания, относящиеся к деятельности евреев в различных областях духовной и практической жизни в России или на Западе.

8. Какие Вам представляются возможные меры для активного противодействия распространению в России расовой и национальной вражды⁹.

Основные хлопоты по организации Общества пришлось на январь—февраль 1915 г. Побывавший в январе в Петербурге, перед отъездом в армию, М. Пришвин оставил в дневнике следующую запись: «Оставшиеся впечатления: обсуждение еврейского вопроса у Сологуба, встреча с Андреевым и Горьким. Блок у Сологуба. Нападение жидов»¹⁰. Упоминание А. Блока в этом ряду не случайно. Его юдофобия не была широко известна. В конце

концов ведь подписал же он известное обращение интеллигенции в защиту Бейлиса. Известно, что его агитировали за присоединение и к «Русскому обществу для изучения жизни евреев». Он отклонил эти приглашения. В марте месяце в его дневнике появилась следующая запись: «Тоска, хоть вешайся. Опять либеральный сыск.— Жида, жиды, жиды»¹¹.

Дело основания Общества оказалось более трудным и хлопотным, чем казалось первоначально. Во-первых, в конце 1914 — начале 1915 г. в стране еще не выветрился патриотический порыв и не исчезли надежды на скорую победу. Поэтому новая волна официального антисемитизма казалась быстро проходящей. Во-вторых, общей основы в виде неприятия антисемитизма было еще недостаточно для объединения людей столь различных по своим эстетическим и политическим воззрениям. Только такой наивный человек, как Л. Андреев, мог думать, что общие благородные идеи, положенные в основание этого объединения, могут обеспечить ему бесконфликтное существование. Но в начале 1915 г. он еще верил в это и писал литератору А. Кипену: «...возник у нас некоторый писательский кружок (Горький и Сологуб и я — во главе) с целью противодействия антисемитизму; составляем книгу, проводим устав Общества «для изучения еврейства», ибо хотим легализоваться, устраиваем коллоквиум с именитыми писателями и общественными деятелями и пр. и проч. Дела много»¹². Действительно, для того чтобы легализовать Общество, в первую очередь требовалось провести его устав сквозь бюрократические преграды. Во-первых, название Общества должно было приобрести некоторое академическое звучание. И речи не могло быть о наличии в нем термина «антисемитизм», да еще в контексте «борьбы с ним». Поэтому было принято название, звучавшее сколь возможно нейтрально,— «Русское общество для изучения еврейской жизни». Во-вторых, во главе его, в качестве председателя, то есть главного юридического лица, уговорили встать Ивана Ивановича Толстого. Бывший министр просвещения, он был известен своим неприятием антисемитизма¹³. Товарищем председателя в официальных документах был назван М. Горький. К этому времени было окончательно отредактировано и принято написанное Л. Андреевым и Ф. Сологубом «Воззвание к русскому обществу»:

«С великим напряжением всех своих духовных и материаль-

ных сил ведет Россия войну. В этой борьбе одинаково принимают участие все населяющие Россию народы. Мы верим, что кровь сражающихся проливается не напрасно и что приносимые российскими племенами жертвы не тщетны. Мы верим, что, претерпев ужасы войны, народы с усиленной энергией обратятся к устройению лучшего светлого будущего. В это мы верим и деятельно хотим, чтобы в будущем отношения между российскими народами строились на незыблемых основаниях разума и совести.

Но в этот великий в истории нашей год мы с глубоким прискорбием и смущением видим, что к страданиям одного из населяющих Россию племен прибавляются новые и новые муки: ограничение права на образование особенно больно чувствуется ныне еврейским юношеством, потому что западная граница закрыта, а в русских учебных заведениях сохранена процентная норма для евреев: евреи из разоренных местностей не имеют права проникнуть за черту оседлости, что ведет часто к разлучению членов семьи, к невозможности жен и детей посетить раненого солдата и к другим жестоким страданиям. Многострадальное еврейское племя, давшее миру так много высоких откровений в области религии, философии и поэзии, всегда деятельно участвовавшее во всех трудах и тягостях общерусской жизни, так часто подвергавшееся лживым наветам и неоднократно доказывавшее свою любовь к России, ныне вновь подвергается испытаниям и оскорбляется несправедливыми обвинениями.

Русские евреи, которые работают вместе с нами во всех отраслях труда, куда они имеют доступ, дали так много доказательств своего искреннего желания быть с нами, служить общегосударственным и общенародным целям, что ограничение их в правах является не только вопиющей несправедливостью, но и делом вредным для государства. Только в единении населяющих Россию племен государство может и должно черпать свои силы, и только совершенное уравнение всех граждан в правах сделает эти силы несокрушимыми.

Русские люди, вспомните, что у русского еврея нет иного отечества, кроме России, и вспомните, что нет для человека ничего милее той земли, где он родился. Поймите, что благо и могущество России, счастье и свобода русского племени неразрывно связаны со счастьем и свободой всех племен, входящих в состав великого русского государства. Поймем это, обратимся к

нашему разуму и к нашей совести и одним из условий государственного строительства нашего поставим для себя прекращение гонений на евреев и полное уравнивание их в правах с нами»¹⁴.

Этот текст мог удовлетворить как «патриотов-оборонцев», так и многочисленных пацифистов и даже пораженцев. Видимо, поэтому под воззванием поставили свои подписи люди разной политической ориентации: К. Арсеньев, И. Толстой, П. Виноградов, И. Лучицкий, Н. Кареев, А. Карташев, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов, Г. Чулков, Е. Чириков, И. Бунин, А. Серафимович, П. Струве, А. Кизеветтер, Д. Шаховской, Ф. Батюшков, Г. Лопатин, Н. Чайковский, С. Мельгунов, В. Мякотин, А. Пешехонов, Н. Морозов, Н. Бердяев, А. Римский-Корсаков, Е. Кускова, С. Прокопович, Игорь Северянин, В. Немирович-Данченко и другие политики, ученые, писатели, деятели искусства.

Примерно те же люди подписали и другой пространный документ, озаглавленный: «Цели и задачи Общества». В нем декларировалось:

«Жизнеспособно и культурно только то общество, которое построено на идеях права и справедливости; ибо лишь эти идеи помогают людям побеждать зоологические начала эгоизма, только они способны внести в хаос темных чувств человека облагораживающий его свет разумной воли.

Справедливость — это та песнь песней, которую должны неутомимо петь все разумные люди мира, все, кто уважает себя, требует уважения к себе.

Признай за всеми те права, которых жаждешь сам, и все признают за тобою твое право быть тем, кем ты в сила быть, — это единственно прямая, честная тропа, которая приводит человека к свободе.

Русь, как это всем известно, особенно нуждается в развитии и защите идей политической и социальной справедливости, — что иное, кроме этих идей, может объединить все живые силы нашей страны, разноплеменной и неустроенной.

Русскую землю населяют свыше ста разноязычных, разноверных народностей; людей державного, великорусского племени только пятьдесят пять миллионов из ста семидесяти, — не ясно ли, что нашим культурным лозунгом должен быть лозунг: свобода и единство.

Ни одно из государств мира не имеет пред собою столь

грандиозной организаторской работы, ни одно из европейских обществ не обязано так энергично и чутко заботиться о внутреннем свободном слиянии всех своих творческих воль и умов, как это выпало на долю русского общества.

И нет ни одного общества, которое относится так пассивно и невнимательно к интересам и культуре инородных племен, как пассивно относимся мы, русские, к жизни племен и народностей, входящих в состав нашей Империи.

Может быть, пессимисты скажут, что люди, неспособные бороться за свои права, тем более неспособны действенно защищать права иноплеменного народа, но ведь сказать так — это значит признать русское общество, русский народ духовно мертвым.

Мы непоколебимо верим в молодые, еще скрытые силы русского народа, мы верим в разум страны, в ее волю к доброй, справедливой жизни»¹⁵.

Уже по этой преамбуле к уставу Общества можно составить представление о том колоссальном разрыве, который существовал тогда между значительной частью интеллигенции, исповедовавшей либеральные и демократические идеи, и властями предержавными, опиравшимися в лучшем случае на идеи 80—90-х гг. XIX в. и все еще пытающимися сохранить незыблемость государственного механизма.

В документе анализировалось тогдашнее положение еврейского вопроса в стране и правительственная политика по отношению к евреям. Авторы писали: «...государство и общество берут у евреев все, что они могут дать,— ум, энергию, жизнь,—и не дают им необходимейшего — возможности жить, учиться, свободно развивать свои богатые способности. Есть люди, которые жалуются, которые будто бы боятся, что евреи способны поглотить всю Россию.

Никто не эксплуатирует человека столь безжалостно и нагло, как его собственная глупость. Смешно говорить о том, что пять миллионов евреев способны чем-то и как-то помешать правильному ходу жизни государства с населением в сто шестьдесят миллионов.

Еврейский вопрос в России — это первый по его общественной важности наш русский вопрос о благоустройстве России; этот вопрос о том, как освободить наших граждан иудейского

вероисповедания от гнета бесправия. Этот гнет постыдно и социально вредно для нас убивает энергию народа, живая и свободная энергия коего необходима росту культуры нашей в не меньшей степени, в какой необходима для России творческая энергия коренных русских людей.

Из всех племен, входящих в состав Империи, евреи — племя самое близкое нам, ибо они вложили и влагают в дело благоустройства Руси наибольшее количество своего труда, они наиболее энергично служили и служат трудному и великому делу европеизации нашей полуазиатской страны. Нет области, где бы еврей не работал рядом с русским и не менее успешно, чем русский, — это неоспоримо.

Именно евреи наиболее стойко несли и несут те великие обязанности, за которые их вместе с лучшими русскими людьми награждают ссылкой, тюрьмой, каторгой, и эта стойкость, может быть, косвенно влияет на развитие антисемитизма и погромного дела в России.

Наиболее трудоспособные люди, евреи наименее обеспечены в своих человеческих правах, — с этой несправедливостью мы, русские, не должны мириться, это — пятно позора на совести каждого из нас.

Помните, речь идет не о каких-либо особенных, исключительных правах для евреев, а только об уравнивании их в бесправии с нашими, русскими.

Яростная мировая война привлекла в ряды нашей армии свыше 200 000 евреев; десятки их получают ордена за храбрость, тысячи погибают на полях битв. И солдату-еврею, который защищает Русь, приходится видеть, как русские люди, рядом с которыми и для блага которых он проливает свою кровь, эти люди разоряют города и деревни его единоверцев черты оседлости, насилуют женщин и девушек, убивают и вешают стариков, подростков, заподозренных в шпионстве.

Подумайте, что чувствует еврей-солдат, отдающий мужественно свою жизнь для блага нашего, что чувствует этот человек, защищая страну, откуда его гонят, где ему не дают свободно дышать, где так часты еврейские погромы и возможны такие преступления против духа справедливости, против культуры, каковым был процесс Бейлиса и попытка создать подобный же процесс в Фастове.

Мы обращаемся к совести и разуму русских людей — подумайте о трагедии еврейства. То, что происходит сейчас, чревато последствиями еще более тяжелыми для еврейского народа, еще более позорными для нас.

Распространяются слухи о шпионстве и предательстве со стороны еврейского населения польских губерний. Письма солдат, рассказы раненых разливают эти слухи по всем глухим углам русской земли, создают в ней настроение, способное вызвать новые погромы, создать повод для новых ограничений еврейства в его праве на жизнь и труд, необходимый нам...

Может быть, слухи, позорящие еврейство, создаются именно теми людьми, которые заинтересованы в гонении на евреев, в дальнейшем развитии и политической и социальной реакции...

Мы, разумеется, ни в чем не обвиняем солдат и армию, солдаты — не судят, они не творят слухов, а только повторяют их. Мы знаем также, что нет народа, который весь состоял бы из праведников и святых людей, мы не отрицаем отдельных случаев предательства и шпионства со стороны евреев, измученных и разоренных войною.

Обезумевший от горя человек, у которого сожгли дом, изнасиловали жену или дочь, убили сына или отца, может быть предателем из чувства мести, но разве он мстит как еврей. Он мстит как оскорбленный человек, так же точно может мстить поляк и русин, эльзасец, хорват, босняк, — это месть оскорбленного и разоренного...» Таким образом, авторы стремились хоть какими-то разумными аргументами объяснить тиражируемые официальной и правой прессой сведения о якобы массовом содействии противнику со стороны еврейского населения прифронтовых губерний.

В этом документе еще раз задается сакраментальный вопрос тех дней: «А что защищает неправый русский еврей? Он отдает нам свою жизнь, мы награждаем его за это именем предателя, только потому, что и среди евреев есть дурные люди... Многими из нас принято думать, что русский народ обладает в высшей степени развитым чувством совести, что ему свойственна особенная сердечность, выдвигающая его из среды всех народов на первое место.

Обращаясь к сердцу и уму русских людей, мы протестуем против огульного обвинения целого народа в предательстве, в

отсутствии чувства чести и любви к России, хотя она и мачеха этому народу.

Мы протестуем против всех ограничений еврейства в его праве на свободный труд, на гражданство русское... Бессмысленно, стыдно, вредно для нас угнетать народ, который дал миру величайших пророков правды и справедливости и который по сей день озаряет мир людьми великого таланта и ума.

Пора нам выступить на защиту евреев со всей силой, какую мы способны развить, пора оказать им полную и всемерную справедливость.

Да будет слово — делом»¹⁶.

Естественно, что подобную декларацию могли подписать и подписали только русские. Хотя в создании Общества евреи приняли самое активное участие.

Формально «Русское общество для изучения еврейской жизни» было зарегистрировано 28 апреля 1915 г., хотя фактически его деятельность началась в декабре 1914 г. В феврале 1915 г. в «Биржевых ведомостях» опубликовали текст «Анкеты о евреях»¹⁷. 1 марта 1915 г. в помещении С.-Петербургской городской думы состоялся литературно-музыкальный вечер, сбор от которого был направлен в помощь еврейскому населению, пострадавшему от военных действий. В нем принял участие весь актив Общества: И. Толстой, М. Горький, Ф. Сологуб, А. Чеботаревская, Ф. Батюшков, Д. Философов и другие, в том числе некоторые депутаты Государственной думы. В печати была инспирирована серия статей по еврейскому вопросу. Первой из них была статья Е. Кусковой «Гордиев узел»¹⁸. Особенно активно использовались членами Общества страницы газет «Биржевые ведомости», «Русские ведомости», «Утро России», журнала «Отечество». Во главе этих органов печати стояли люди, тесно связанные с кадетской фракцией в Думе, с прогрессивным блоком. Издатель «Отечества» З. Гржебин сам активно участвовал в создании Общества, а фактический редактор газеты «Утро России» А. Алексеевский был женат на сестре Леонида Андреева. Среди авторов, кроме Горького, наибольшую активность проявили Ф. Сологуб, Д. Мережковский, Д. Овсянко-Куликовский. Руководители Общества в наибольшей степени были заинтересованы в том, чтобы распространенная ими анкета имела как можно более широкое звучание. Первыми на нее откликнулись сами составители. Их ответы были

опубликованы уже в марте 1915 г.¹⁹. Инициаторы анкетирования по несколько раз напоминали наиболее значимым общественным фигурам о необходимости ответить на их вопросы. Так, 25 февраля 1915 г. в письме Е. Чирикову за подписью Горького, Андреева и Сологуба подчеркивалось: «...в интересах дела было бы весьма желательно получить отзывы от всех видных представителей литературы, искусства, науки и практической жизни, к числу коих Вы несомненно принадлежите...»²⁰. Подобные письма-напоминания были посланы многим деятелям русской культуры. Собранные в течение 1915 г. анкеты были обработаны и обобщены М. Горьким в докладе, состоявшемся 12 декабря 1915 г. на собрании Общества. Вскоре этот доклад был опубликован в журнале «Летопись»²¹.

Главным делом Общества стало издание книг. В первую очередь сборника «Щит». Первоначально рассчитывали включить в него лишь наиболее значимые ответы на анкету. Но вскоре было решено собрать полновесный сборник, состоящий из публицистических статей и художественных произведений. Планировалось, что на его страницах люди разных политических воззрений, но объединенные неприятием антисемитизма, выскажутся по этому вопросу. М. Горький предложил редактировать его И. Бунину. Но тот ответил: «...в сборнике приму участие с удовольствием, если, конечно, напишу что-нибудь подходящее, но редактировать его не берусь, и прежде всего потому, что не вижу причин для Вашего отказа от редактирования»²². Идея сборника вызвала неоднозначную реакцию. Так, философ С. Булгаков, приглашенный к участию в нем, обуреваемый сомнениями, писал одному из своих корреспондентов: «В Петрограде замышляется сборник по еврейскому вопросу, я уклонился от статьи в нем, потому что при данном составе... суждение по существу (а только так и можно писать о нем) невозможно и, кроме того, крайне несвоевременно, между тем как еврейские издатели находят как раз наоборот»²³. Однако в дальнейшем он все же принял участие в этом сборнике, опубликовав в нем статью «Сион». Инициаторы, — а все письма первоначально неизменно подписывались триумvirатом: Горький, Андреев, Сологуб, — хорошо знали, к кому обращаться за содействием. Прямых отказов почти не было. Телеграмму о «горячем сочувствии Вашему начинанию»²⁴ прислал А. Куприн. Н. Бердяев отвечал Ф. Сологубу:

«...я охотно приму участие в проектируемом сборнике. Я собирался писать о еврейском вопросе. Статья моя будет о религиозном значении еврейства (роль евреев в философии лишь косвенно)»²⁵.

В феврале 1915 г. С. Познер послал Сологубу примерный состав сборника. Это были как уже готовые произведения, так и условные темы, по которым работали те или иные авторы. На начало 1915 г. в портфеле редакции уже была статья Л. Андреева «Первая ступень», ранее публиковавшаяся в газете «Утро России». Он же брался за тему «процентная норма». М. Горький обещал написать о влиянии антисемитизма на культурное развитие русского народа. Сам Ф. Сологуб хотел осветить тему о «праве жительства», Н. Бердяев и С. Булгаков — о роли евреев в религии и философии. Алексей Веселовский писал о евреях и мировой литературе, искусстве и антисемитизме. В. Водовозов и А. Кизеветтер — о влиянии западноевропейского антисемитизма на отечественный. П. Милоков и В. Мякотин брались за тему сходную с той, что обещал Горький, — «влияние антисемитизма на российскую культуру». Известный экономист Н. Озеров анализировал роль евреев в хозяйственной жизни страны, а В. Набоков — правовое положение евреев²⁶.

В этом перечне пока еще отсутствовали художественные произведения. Первые рассказы и стихотворения собрала для сборника А. Чеботаревская. Она передала С. Познеру, который в качестве секретаря Общества координировал его издательскую деятельность, не пропущенные ранее в печать цензурой произведения ее мужа Ф. Сологуба «Вечный жид» и «Братьям», а также рассказ Л. Добронравова «Животворящие». Для сбора материала С. Познер поехал в Москву. Там он договорился о сотрудничестве с Вяч. Ивановым, И. Шмелевым, В. Вересаевым, А. Толстым и некоторыми другими авторами. Кроме А. Чеботаревской и С. Познера, поисками авторов активно занимались и другие члены Общества. Так, известная общественная деятельница и издатель А. Калмыкова передала в редакцию статью К. Арсеньева и стихи П. Соловьевой.

Летом 1915 г., в самый разгар редакторской и издательской работы над сборником, Л. Андреев и М. Горький выехали на отдых в Финляндию, а Ф. Сологуб совершил лекционное турне по стране. Основная работа легла на плечи секретаря Общества

С. Познера. Правда, Горький отдыхал не так далеко от Петрограда и сношения с ним были регулярными. С. Познер отсылал или привозил лично Горькому на просмотр многие поступавшие для сборника рукописи. Одновременно он активно переписывался и с Ф. Сологубом, подробно информируя его о делах Общества. 23 июня 1915 г. С. Познер сообщал Ф. Сологубу: «...наш сборник печатается. Выйдет большая книга страниц в двести. Кокошкин и Кускова дали большие и хорошие статьи. Кроме того, из ответов на анкету можно включить письма Бехтерева и графа И. Толстого, представляющие собою законченные статьи и обходящие вниманием вопросы, поставленные в анкете. Уже есть сорок различных статей и стихотворений, да от десяти, примерно, лиц еще ожидается материал... Выйдет сборник в начале июля, не позднее 10—15, т. е. как раз к созыву Государственной Думы»²⁷. Выпустить этот сборник к началу работы Государственной думы, где планировалось вновь поднять вопрос о положении евреев-беженцев, антисемитских, погромных действиях в армии, и требовать ликвидации черты оседлости — такова «сверхзадача» руководства Общества.

Сборник печатался в Москве по цензурным обстоятельствам. В конце августа С. Познер сообщил Сологубу: «Наш сборник готов и на днях уже выйдет в свет. Получилась большая книга в 13 печатных листов. Назначили мы цену в один рубль, чтобы сделать ее доступной среднему читателю. Печатали 5 тысяч экземпляров... Если хорошо пойдет, пустим второе издание. Чистый сбор с издания жертвуем в пользу Общества вспомоществования беднейшему еврейскому населению, пострадавшему от военных действий»²⁸.

В 1915—1916 гг. было выпущено в свет и успешно реализовано три издания сборника «Щит». Каждое из них дополнялось новыми материалами. Так, в третье, наиболее полное издание были вновь включены письма В. Короленко — В. Соловьёву, Л. Толстого — Ф. Гецу, статья А. Карташева «Избранные и помилованные», речь В. Соловьёва «О национализме», произведения И. Бунина, В. Брюсова, Х.-Н. Бялика. Наиболее значимыми, вызвавшими большой общественный резонанс стали работы П. Милюкова («Еврейский вопрос в России»), Д. Мережковского («Еврейский вопрос, как русский»), С. Булгакова («Сион»), Л. Андреева («Первая ступень»), П. Долгорукова («Война и положе-

ние евреев»²⁹. Проза и поэзия были представлены такими именами, как: И. Бунин, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, Тэффи, А. Толстой, Ф. Крюков, В. Брюсов, К. Бальмонт.

В большинстве публицистических работ по существу подчеркивалась одна и та же мысль, четко выраженная в заглавии статьи Д. Мережковского «Еврейский вопрос, как русский». И он, и П. Долгоруков, и П. Милюков подходили к проблеме с чисто прагматических позиций. Они подчеркивали, что решение еврейского вопроса, а главным образом имелось в виду его правовая сторона, необходимо в первую очередь самому русскому народу, как с моральной, так и с социально-экономической и политической точек зрения. Квинтэссенцией подобного подхода стала статья П. Милюкова «Еврейский вопрос в России». Кажется, что лидера российской демократии больше всего волновала перспектива потерять в лице значительной части еврейства союзников по борьбе с самодержавием. Он с беспокойством отмечает нарастание в еврейской среде национальных и националистических тенденций, стремление четко обозначить и даже отделить от общего освободительного движения свои особые национальные требования. П. Милюков дал анализ современного русского антисемитизма, который он считал «приобретением конституционной эпохи»³⁰.

Новый этап в развитии отечественного антисемитизма, связанный с обострением политической борьбы в стране в начале XX в., он обозначает появлением двух тенденций. Во-первых, это антисемитизм как «ответ на потребность в применении новых средств массового воздействия»³¹. Он сопровождается усиленным применением социальной демагогии. Во-вторых, это средство воздействия на власть. «Если массы нужно приобрести, то власть нужно запугать» — так обозначил он смысл новых тенденций в антисемитизме³². Именно этим Милюков объясняет «создание нового варианта антисемитской легенды: легенда о еврее — создателе русской революции»³³. Пути решения еврейского вопроса лидер партии кадетов видит только в русле общероссийской борьбы с самодержавием. Милюков менторски напоминает об этом: «Еврей должен в особенности помнить, что его судьба тесно и неразрывно связана с судьбой общего освободительного движения»³⁴.

По инициативе Общества в 1915—1916 гг. в Петербурге

прошло несколько публичных вечеров, посвященных еврейскому вопросу. Среди выступающих, как правило, были активисты Общества — П. Миллоков, А. Калмыкова, М. Бернацкий, А. Карташев, Д. Мережковский, А. Керенский, Д. Овсяннико-Куликовский³⁵. Эти вечера, собрания и другие мероприятия привлекали внимание достаточно узкого круга русской интеллигенции. Однако в данном случае дело было не в количестве участников, а в их «качестве». Среди тех, кто посещал эти собрания, были видные депутаты Государственной думы и общественные деятели, от которых в немалой степени зависело поддержание постоянного давления на правительство. Основной пафос всех выступлений был направлен против антисемитизма как общественного явления, пагубного для России.

На одном из таких собраний М. Горький обосновал новые тенденции, проявившиеся в работе этого Общества. «До сих пор, — заявил он, — русская интеллигенция относилась к трагедии судорожно, под влиянием толчков извне, главным образом погромов. Мы занимались еврейским вопросом, если можно так выразиться, от погрома к погрому, жаловались и протестовали, но на этом дело и кончалось. Мы должны были бы давно заняться еврейской трагедией, и тогда можно было бы избежать многих печальных последствий. Станем же теперь работать в этом направлении, когда антисемитизм нашел себе благоприятную почву»³⁶.

Одним сборником «Щит» Общество не ограничивало свою издательскую деятельность. В 1916 г. вышла в свет работа И. Толстого «Антисемитизм в России» с предисловием М. Горького. Для И. Толстого, бывшего формально председателем Общества, это было уже посмертным изданием. Большой интерес вызывает и публикация только что вышедших в свет в Англии мемуаров полковника Д. Г. Паттерсона «С еврейским легионом в Галлиполии». Это рассказ о боевых действиях в составе британской армии подразделения, созданного из числа добровольцев, в основном евреев, выходцев из России. Создатели этого легиона сионисты В. Жаботинский и И. Трумпельдор рассматривали данную акцию как шаг на пути к воссозданию еврейского государства. Книга предворялась вступительной статьей К. Чуковского. Старый друг В. Жаботинского, он не скрывал своей поддержки его интерпретации сионизма. В сентября 1916 г. М. Горький от

имени Общества обратился с просьбой к В. Короленко разрешить опубликовать отдельной брошюрой его очерк о так называемом «деле о Мариампольской измене». В нем разоблачалась очередная попытка военных властей приписать «еврейскому шпионству» одно из поражений русской армии. В своем обращении к В. Короленко Горький писал: «Мы предполагаем издать эту статью в нескольких десятках тысяч экземплярах, что должно иметь весьма важное значение в деле борьбы с новым наветом на евреев,— должно иметь и, мы уверены, будет иметь... Пожалуй-ста, Владимир Галактионович, разрешите! Статья написана так просто, так человечески убедительно, она принесет много пользы умам раздраженных и запуганных людей»³⁷.

Сам Горький написал для журнала «Новый колос» статью «Черносотенные погромщики и евреи». Она должна была появиться в одиннадцатом номере журнала за 1916 г. Однако цензура не пропустила ее в печать. Тогда писатель, присоединив к этой работе очерк В. Короленко «О Мариампольской измене», направил рукопись в Швейцарию, где они были изданы Бундом в виде брошюры под названием «О навете против евреев». К концу 1916 г. Обществом был осуществлен выпуск книги Х. Перского «Руфь» с предисловием известного русского религиозного философа А. Карташева. Это издание должно было открывать специальную серию. Стремясь привлечь к этому начинанию В. Брюсова, Горький писал ему в начале 1917 г.: «Об-во желало бы выпустить в свет ряд книжек на темы библейских романов и легенд. Точнее: нужно выпустить Эсфирь, Товия,— Руфь уже издана...— жизнеописание Моисея, пророчества Исаяи, Иеремии и прочее... Так вот, Валерий Яковлевич, не возьмете ли Вы на себя *организацию* этого дела? У Вас широкое знакомство с литературной молодежью,— раздайте им, по Вашему выбору, темы, проредактируйте их труды... Я Вас очень прошу взяться за это дело!»³⁸ Планировалось также издание книги по этнографии евреев в России. Ее к началу 1917 г. должен был представить С. Ан-ский³⁹.

М. Горький не оставлял идею и об отдельном издании ответов на анкету об антисемитизме, распространенную в 1915 г. Но он очень хотел опубликовать полностью ответы, имеющие общественную значимость,— ответы на вопросы и рассуждения об антисемитизме известных деятелей культуры и науки. Вновь, как это было ранее при создании сборника «Щит», планировалось

вести эту анкету в состав нового сборника «Евреи на Руси». Обсуждение концепции нового издания началось не позднее осени 1915 г. Именно тогда С. Ан-ский записал в своем дневнике после посещения Горького: «Говорили о сборнике. Он хотел бы, чтобы сборник был в одно и то же время и литературным и общественным. Особенно смутно он сам себе представляет содержание и характер вводной статьи. Я предложил, чтобы вместо вводной статьи в 3 печатных листа было 3 статьи, одна: еврейская литература, как отражение жизни, внутреннее развитие, вторая: литература и внешние условия еврейской жизни, третья: литература с художественной точки зрения. Предложил поручить написать эти статьи Эльшаеву, Нигеру и Цинбергу. Он согласился...»⁴⁰

Если «Щит» планировался как сборник «русский», то следующий — как «русско-еврейский». В него должны были войти работы по истории российского еврейства, его литературе, искусству, экономической роли, участию евреев в русском освободительном движении и так далее. В редакцию сборника вошли Л. Андреев, М. Бернацкий, П. Виноградов, В. Каратыгин, Н. Кареев, В. Львов-Рогачевский. Свои статьи представили В. Семейский, Н. Никольский, Н. Кареев, П. Виноградов, Н. Коробка, С. Сватиков⁴¹.

Было вновь разработано «типовое» письмо и за подписью теперь уже одного М. Горького разослано многим известным литераторам. В нем говорилось: «Русское общество изучения жизни евреев, предполагая издать сборник исторических и литературных произведений под общим титулом «Евреи на Руси», почтительно предлагает Вам: не соблаговолите ли Вы принять участие Вашим трудом в беллетристическом отделе сборника? Желательно, чтобы Вы поделились с русским читателем результатами Ваших наблюдений над жизнью евреев в России...»⁴²

Подобные приглашения получили В. Брюсов, И. Бунин, В. Вересаев, В. Короленко, С. Сергеев-Ценский, А. Толстой, К. Тренев, И. Шмелев⁴³.

Но этому изданию не суждено было увидеть свет. Работа над ним затянулась по причинам не только организационным, но и творческим.

С осени 1915 г. деятельность «Общества для изучения еврейской жизни» на несколько месяцев была парализована острым внутренним конфликтом. Поводом для него послужил отказ

М. Горького и С. Познера печатать в сборнике «Щит» статью Н. Бердяева «Религиозная судьба еврейства».

В начале 1915 г. с просьбой написать статью по еврейскому вопросу к Н. Бердяеву обратился Ф. Сологуб. Поэтому, не обнаружив своей статьи, Бердяев в первую очередь апеллировал с разъяснениями именно к нему. Он писал: «Так как я получил от Вас приглашение написать статью по еврейскому вопросу и отправил статью Вам, то обращаюсь к Вам с просьбой объяснить мне, почему моя статья не была напечатана в сборнике и почему редакция сборника ничего мне не написала о судьбе моей статьи? Согласитесь, Федор Кузьмич, что образ действия редакции сборника относительно меня очень странный и недопустимый. Не могу придумать никакого объяснения, которое оправдывало бы такое отношение ко мне и моей статье. За всю мою литературную деятельность ничего подобного со мной не было. Я совершенно не допускаю мысли, чтобы заказанная мне статья могла быть не напечатана, и еще менее мог допустить, чтобы так было поступлено без всяких объяснений со мной. Если меня просят написать по еврейскому вопросу, то, значит, хотят услышать мое независимое мнение по этому вопросу. Мой образ мыслей известен, в частности, по еврейскому вопросу я несколько лет тому назад написал большую статью в «Русской мысли». И я полагал, что, приглашая меня, согласятся печатать **меня**, а не мою статью. Но какие бы ни были мотивы непечатанья моей статьи, редакция сборника обязана была написать мне. Это же элементарное требование»⁴⁴.

Ф. Сологуб немедленно потребовал объяснений от С. Познера. Поначалу тот, желая замять инцидент, ссылаясь на техническую, организационную сторону дела — на опоздание Бердяева с присылкой рукописи из Москвы, невозможность быстро установить с ним контакты при редакции статьи. Но Сологуб прекрасно понимал, что суть дела не в этом. Судьба произведения такого известного философа могла быть решена только лично М. Горьким. Поэтому Сологуб в конце концов вынудил С. Познера сообщить ему о подлинных причинах отклонения этой статьи. Ф. Сологуб вспоминал, что при личной встрече с Познером 24 сентября 1915 г. произошел следующий симптоматический разговор: «Вы, Федор Кузьмич, должно быть, не успели прочитать статью Бердяева. Я тоже прочел ее только в корректуре и был

ошеломлен, — она имеет резко-антисемитский характер. Я возражил, что статью читал, но антисемитских тенденций в ней не нашел. На это С. В. Познер сказал мне, что в рукописи он подчеркнул те места, в которых усматривается антисемитизм, и показал статью, таким образом, размеченную М. Горькому, что М. Горький с его истолкованием статьи согласился и что потому статья была С. В. Познером вынута из сборника»⁴⁵.

Далее Сологуб давал собственную интерпретацию случившемуся. Он писал о том, что лично ознакомился со статьей Бердяева, и, «прочитав внимательно и уже теперь отдельно от всего текста эти вменяемые в вину Бердяеву места, я не изменил своего мнения о статье: не обличая в авторе ревностного восхвалителя еврейства, и эти места в отдельности, как и вся статья в целом, произвели на меня впечатление высказывания свободной и просвещенной мысли, соединенной с несомненным для меня сочувствием к судьбе еврейства. По моему крайнему убеждению, такие высказывания для привлечения сочувствия к евреям со стороны широких, незаинтересованных кругов общества не менее полезны, чем самые пламенные восхваления»⁴⁶. Затем Ф. Сологуб переслал Н. Бердяеву и само письмо С. Познера, и рукопись статьи с отмеченными в ней «антисемитскими» пассажами. Реакция со стороны Н. Бердяева была однозначной — он категорически отверг все обвинения и направил Ф. Сологубу 8 октября 1915 г. следующее послание: «Письмо Ваше вполне меня удовлетворило в том смысле, что после Ваших разъяснений я не могу считать Вас виноватым в неприятной истории с моей статьей. Думается, и относительно Вас было поступлено не вполне корректно. Этого принципиально возмутительного случая я не придам гласности только потому, что это может произвести впечатление «еврейского засилья» и повредить делу улучшения положения евреев в России, которого я горячо желаю. Но я считаю совершенно недопустимым, что еврей Познер цензурирует русского писателя, которому предложено высказать независимое мнение по еврейскому вопросу, и требует от русского писателя определенной идеологии филосемитизма. Я хочу служить правде и справедливости, а не специально евреям. Статья моя представляет горячую практическую защиту еврейства и полна негодования против проявлений расового, политического и бытового антисемитизма. Я не филосемит по своему религиозному созна-

нию и по своим культурным идеалам, но, казалось бы, что особенно ценно, когда не филосемит практически защищает еврейство и восстает против антисемитизма. Исключение моей статьи было бы оправдано, если бы я проповедовал практический антисемитизм в политике, морали и в быту. Но я проповедовал как раз обратное»⁴⁷.

Если Н. Бердяев более не возбуждал этого дела, то Ф. Сологуб, наоборот, пошел на громкий общественный конфликт, придав этот инцидент огласке. И дело здесь не только, а точнее, не столько в нарушении издательской и редакторской этики со стороны С. Познера, не в подспудном соперничестве с М. Горьким в деле руководства Обществом. Суть происшедшего в разном понимании проблем, стоявших перед российским еврейством, в кардинальной несхожести отношения русского и еврейского общества к антисемитизму и перспективам еврейского народа в России.

Обменявшись с С. Познером рядом писем, Ф. Сологуб в январе 1916 г. потребовал третейского разбирательства, суда между ним и Познером и прекратил практическую деятельность в Обществе. О возникшей ситуации Сологуб сообщил в печати. В опубликованном газетой «День» письме он настаивал на своем понимании смысла борьбы с антисемитизмом в России. Сологуб подчеркивал: «...антисемитский уклон статьи Бердяева для меня вещь весьма спорная, и ее следовало бы обсудить или в устном совещании, или посредством письменных сношений, чтобы я мог привести мои аргументы за статью. Может быть, и я согласился бы с мнением С. В. Познера, а могло бы случиться и обратное»⁴⁸.

Мы не знаем, какие именно положения, высказанные Н. Бердяевым, С. Познер, а главное, М. Горький сочли антисемитскими. Возможно, это было его утверждение о том, что «и в вопросе еврейском больше судьбы евреев беспокоит меня судьба русских». Или это высказывание, так диссонировавшее со всем тоном сборника: «Еврейство, как сила отрицательная, и антисемитизм — явления одного порядка. Антисемиты в известном смысле сами духовно «евреи». Еврей почти всегда крайний тип — или очень хороший, или очень плохой... И если можно совершенно откровенно сказать, что в массе евреи скорее несимпатичны и неприятны, то еще более несимпатичны и неприятны антисемиты»⁴⁹.

В преддверии судебного разбирательства С. Познер и М. Горький выдвинули против Ф. Сологуба встречное обвинение — в «измене своим убеждениям». В вину ему была поставлена публикация стихов в шовинистическом и антисемитском журнале «Лукоморье», издававшемся сыном А. Суворина, Михаилом⁵⁰. 12 января 1916 г. Л. Андреев сообщал Сологубу о ходе заседания руководства Общества: «В большую вину ставилось вам участие в «Лукоморье», находили, что несовместно быть членом Комитета в Обществе, защищающем евреев, и в то же время работать в «суворинском» органе <...>»⁵¹

Ответ Ф. Сологуба не заставил себя ждать. В опубликованном газетой «Биржевые ведомости» письме говорилось: «Убедившись в полном и сознательном игнорировании моих притязаний на корректное отношение к сотрудникам, я сообщил г. Познеру, что впредь до ликвидации инцидента с Н. А. Бердяевым я не считаю для себя возможным посещать собрания общества... На это г. Познер, посоветовавшись, по его словам, с некоторыми лицами, вычеркнул мое имя из избирательного списка баллотирующихся в комитет общества и... заявил, что я «ушел» из общества, «вероятно, изменив свои убеждения». На это я должен возразить. Я слишком ценю свои убеждения, чтобы менять их в зависимости от случайных обстоятельств»⁵².

Столкновение между Ф. Сологубом и С. Познером горячо обсуждалось в печати и на заседаниях Общества. Л. Андреев, в это время почти постоянно находившийся в больнице и специально покинувший ее для участия в «сологубовском» заседании, состоявшемся в январе 1916 г., сообщал Сологубу: «На меня это заседание произвело крайне тяжелое и скверное впечатление. Мое заявление о совершенной по отношению к Вам несправедливости не вызвало сочувственного отношения ни в ком... Мое предложение каким-нибудь путем привлечь Вас в члены Комитета... было отвергнуто большинством четырех, против одного моего голоса (Горький, Семевский, Калмыкова, Коробка)». В итоге Л. Андреев решил выйти из членов руководства. «Значит, — продолжал он, — на ближайшем собрании я заявляю о своем выходе из членов Комитета — и Господь с ними, довольно! А Вам и Анастасии Николаевне (Чеботаревской.— В. К.) очень бы советовал войти в члены Общества, ибо только таким путем все мы приобретем возможность лояльно бороться против разных прелестей, которых немало будет, я уверен, и впредь»⁵³.

Л. Андреев сдержал слово и 13 февраля 1916 г. уведомил секретаря Общества С. Познера: «Несправедливость, которая была совершена по отношению к Ф. К. Сологубу и затем утверждена постановлением Комитета против моего голоса,— делает для меня несовместимым с совестью дальнейшее пребывание в Комитете»⁵⁴.

Известно лишь об одном заседании третейского суда по делу «Сологуб против Познера». Для большинства его участников было понятно, что речь идет совсем не о банальном нарушении редакторской этики, да и не в самом Познере дело. М. Горький, формально проходивший по делу в качестве свидетеля, писал Е. Пешковой: «Сегодня... свидетельствую в третейском суде по делу Сологуба с Познером — дело, в котором скрытым обвиняемым являюсь я, а обвинителями Андреев и Сологубчик»⁵⁵. 7 марта 1916 г. Л. Андреев нарисовал в письме своему брату довольно неприглядную картину прошедшего заседания: «... Вчерашний день почти весь провел на квартире проф. Кареева в качестве свидетеля по делу Сологуба и Познера (за каковым стоит Горький). Боже мой, что это было, чуть до мордобоя дело не дошло! Сологубы и Горький обменялись оскорбительными резкостями. Настя (А. Н. Чеботаревская.— В. К.) истерически кричала, кричали судьи и говорили разом, Кареев вел себя старым важным ослом и не давал говорить, я протестовал, он протестовал, все протестовали. Струве хотел уйти, русско-богатенские были откровенно несправедливы к Сологубу»⁵⁶.

Третейский суд так и не принял никакого решения. Он только обнажил глубокое расхождение в русском общественном мнении.

Филосемитская деятельность части русской интеллигенции вызвала неоднозначную реакцию и среди национально мыслящей еврейской общественности. Уже с появлением первых статей в защиту еврейского населения их тональность заставила насторожиться. После прочтения работы Д. Мережковского «Еврейский вопрос, как русский» А. Соболев на страницах журнала «Отечество» высказал свое несогласие с рядом выдвинутых им положений. Так, Мережковский считал, что сейчас, в период войны, не время ставить вопрос о национальных взаимоотношениях, и поэтому он выступал против «идеализма» русского общества, который «в вопросах национальных бессилён и потому безответственен». Напротив, А. Соболев требовал начать «открытый диалог», не сообразуясь с тем, уместен он в данный момент или нет⁵⁷.

Прекраснодушие, некая покровительственность, усматривавшаяся в деятельности филосемитов, раздражали многих представителей русско-еврейской интеллигенции, национально ориентированные круги и тем более сионистски настроенных деятелей общины. Известный литературный критик, специалист по идишистской литературе Баал-Махшовес (И. И. Эльяшев) следующим образом выразил свои мысли и ощущения, возникшие при известии о создании «Общества для изучения еврейской жизни»: «Невольная усмешка искривила мои губы. Я вспомнил старого Канта, доказывавшего бесплодность изучения целого ряда вещей, трансцендентальных для человеческого разума... Мне глубоко жаль великого Максима. В своем новом обществе он больших радостей не получит... Правда, для поступления еврея в общество процентная норма не установлена, но я могу его уверить, что лучшие люди еврейской мысли в его общество не пойдут. Хотя бы из-за одного того, что им там нечего делать и что им там будет порядочно скучно»⁵⁸.

Национальной гордости как русско-еврейской интеллигенции, так и традиционных евреев претила некая искусственность юдофилии. Оскорбительной была ситуация, когда, с одной стороны, в защиту «гонимого племени» выступали люди, для которых это было данью моде, временное поветрие, а с другой стороны, те общественные деятели, которые явно стремились на еврейском вопросе заработать дополнительный политический капитал. Ряд видных представителей еврейства предостерегали от опасности юдофильской истерии, говорили о ее преходящем характере и рассматривали это явление в качестве возможного стимула для нового взрыва антисемитизма.

«Да и как нас будут изучать? — не без сарказма замечал Баал-Махшовес. — Неужели нас, живых, будут изучать как историческую окаменелость? Или общество будет углубляться в изучение творчества еврейского гения, начиная с Библии и кончая философами Когеном и Бергсоном? Словом, изучение нас как народа Книги, давшего народам мира, — не только семитам, но и арийцам, — высокие образцы всяких жанров для наслаждения ума и сердца, от Мендельсона до Оффенбаха, от Гейне до Саши Черного, от Левитана и Антокольского до Бакста и Иды Рубинштейн?»⁵⁹

М. Горький был крайне обеспокоен подобной реакцией. От-

вет он направил в другой русско-еврейский орган — «Еврейскую неделю». «Мне понятна грустная ирония Ваших замечаний,— писал он Баал-Махшовесу.— Я понимаю — еврей имеет основания иронически не доверять русскому даже и тогда, когда последний идет к нему с чувством искренней дружбы, с открытым сердцем. Несомненно, что мы, русские, очень опоздали с разрешением вопроса о гражданском равноправии евреев, но это объясняется просто: мы и о себе самих всегда опаздываем позаботиться»⁶⁰.

Баал-Махшовес, понимая, что, возможно, был несколько излишне резок в своем негативном отклике, попытался «загладить» вину и вновь написал Горькому, разъясняя свою позицию: «Моя критическая заметка была напечатана в еврейском органе, рассчитанном на еврейского читателя, почти ничего общего не имеющего с «Русским Обществом для изучения еврейской жизни». Мой скептицизм никому, следовательно, не во вред. Цель моей заметки,— продолжал он,— была чисто воспитательная — я при случае хотел напомнить моему еврейскому читателю, склонному видеть во всяком «благожелательном» отношении к нам чуть ли не начало конца и вследствие этой дутой надежды ослабевающему в своей самодеятельности,— что для нас — евреев довольно безразлично учреждение подобных обществ»⁶¹. Но и в этом письме Баал-Махшовес не удержался от сарказма, заметив в конце: «Ах, как хорошо было бы, если бы нами занимались поменьше,— мы сами уже о себе позаботимся, как нация,— и поменьше опаздывали бы заботиться о себе»⁶².

Письмо предназначалось для публикации в журнале «Еврейская жизнь», но его редактор Л. Б. Яффе, знакомый с Горьким по совместному участию в различных издательских и литературных начинаниях, ознакомил его с этим текстом до его опубликования. Горький был крайне обеспокоен возможностью появления подобного мнения в печати. Он попросил Л. Яффе не оглашать его в журнале и привел следующие доводы: «Основная цель Об-ва — борьба против антисемитизма и антисемитов. «Изучение» — псевдоним, необходимый нам на первое время. Фраза «хорошо было бы, если бы нами занимались поменьше» — доставит огромное удовольствие антисемитам и может обидеть людей, не заслуживающих этого»⁶³. В этой полемике отразилась несхожесть понимания сути еврейского вопроса со стороны значительной части еврейской интеллигенции и русской общественности.

-
- ¹ Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 927.
- ² Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 9. С. 164.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 579, оп. 1, ед. хр. 2019. Записка С. В. Познера об организации Горьким, Андреевым и Сологубом писательского кружка борьбы с антисемитизмом и общества защиты евреев. 1915 г., л. 1.
- ⁴ Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 454.
- ⁵ ГАРФ, ф. 579, оп. 1, ед. хр. 2019, л. 1.
- ⁶ Литературное наследство. Т. 72. С. 354.
- ⁷ ГАРФ, ф. 579, оп. 1, ед. хр. 2019, л. 2.
- ⁸ Там же, л. 3. Соломон Владимирович Познер — выпускник юридического факультета Петербургского университета, с начала века активно участвовал в еврейской и российской общественной жизни. В 1905—1907 гг. по поручению еврейских общественных организаций находился во Франции, где вел большую работу по распространению информации об антисемитизме в России. Позднее возглавлял петербургское издательство «Разум». См. о нем подробнее: *Кельнер В. Е.* Соломон Познер и «Русский Дом» во Франции // Евреи в русской зарубежной культуре. Вып. 3. Иерусалим, 1994.
- ⁹ ГАРФ, ф. 579, оп. 1, ед. хр. 2020, лл. 1—2.
- ¹⁰ *Пришвин М. М.* Дневники: 1914—1917. М., 1991. С. 120.
- ¹¹ Цит. по: Наш современник, 1991. № 8. С. 183.
- ¹² Литературное наследство. Т. 72. С. 548. Юдофильская активность определенных кругов интеллигенции вызывала ответную реакцию. А. Блок писал в 1915 г. в своем дневнике: «Жида рыщут в штатской и военной форме. Их царство. Они униженные и обиженные — втайне торжествуют» (цит. по: Наш современник, 1991. № 8. С. 182). Тогда же даже Н. Бердяев писал жене из Москвы, где он жил в доме у А. Герцык: «На днях по случаю дня рождения Софи [Зелинской] устроили еврейский бал в салоне рококо... Я захоюсь в атмосфере еврейского неверия в Россию...» (цит. по: *Вадимов А.* Жизнь Бердяева: Россия. Беркли, 1993. С. 159).
- ¹³ *Ананьич Б. В., Толстая Л. И.* И. И. Толстой и «Кружок равноправия и братства» // Освободительное движение в России. Саратов, 1992. Вып. 15. С. 155—156.
- ¹⁴ ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 33, лл. 1—2.
- ¹⁵ Там же, лл. 2—3.
- ¹⁶ Там же, л. 4.
- ¹⁷ Биржевые ведомости. 1915. 3(16). 02. (Утр. вып.).
- ¹⁸ Биржевые ведомости. 1914.29.11.
- ¹⁹ Утро России. 1915.7.03.
- ²⁰ Цит. по: *Никитина М. А.* М. Горький и Ф. Сологуб (К истории отношений) // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 193.
- ²¹ *Горький М.* По поводу одной анкеты // Летопись. 1916. № 1.

²² Максим Горький: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 445.

²³ С. Булгаков — В. Хорошко // Новый мир. 1989. № 10. С. 241.

²⁴ ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 63, л. 4.

²⁵ Там же, ед. хр. 377, л. 6.

²⁶ Там же, ед. хр. 549, л. 3.

²⁷ Там же, лл. 4—4об.

²⁸ Там же, лл. 6—6об.

²⁹ Религиозный философ и общественный деятель С. Кабуков в своем дневнике отметил: «В сборнике «Щит», изданном в пользу евреев-выселенцев, замечательные статьи С. Н. Булгакова «Сион» и Вяч. Иванова «К идеологии еврейского вопроса». Оба подходят к еврейскому вопросу с единственно правильной точки зрения: религиозной. Булгаков думает, что наше время увидит возвращение евреев в Палестину, Вяч. Иванов справедливо считает, что, будучи в Церкви, христианин должен быть не только филосемитом, "но поистине семитом в духе"» (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки — ОР РНБ), ф. 322, ед. хр. 37, л. 369).

³⁰ Милюков П. Еврейский вопрос в России // Щит. М., 1915. С. 172.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 173.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 174.

³⁵ 22 марта 1916 г. А. Блок записал в дневнике: «Сегодня вечер в пользу **«изучения жидовской жизни»**, где Алчевский опять поет гнесинские выкрутасы на мои тексты» (Наш современник. 1991. № 8. С. 183). Видимо, речь идет о музыкально-литературном вечере, организованном 22 марта 1916 г. На нем исполнялись произведения П. Чайковского, М. Гнесина, А. Глазунова в исполнении оркестра под управлением С. Кусевицкого. И. Алчевский пел романсы на слова К. Бальмонта, А. Блока; скрипичные произведения Дебюсси и Сарасате исполнял Я. Хейфец. В литературной части вечера в авторском исполнении звучали рассказы М. Горького и А. Kupрина.

³⁶ ОР РНБ, ф. 781, ед. хр. 1241, л. 1.

³⁷ Горький и Короленко. Сб. ст. М., 1957. С. 73—74.

³⁸ Горький М. Собр. соч. В 30-ти тт. Т. 29. С. 379—380. Обращаясь к В. Брюсову, М. Горький, видимо, не знал, что тот исповедовал самый вульгарный бытовой антисемитизм (см.: Ходасевич В. Некрополь. М., 1991. С. 36).

³⁹ ИРЛИ, ф. 9, оп. 3, ед. хр. 39, л. 1.

⁴⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 2583, оп. 1, ед. хр. 6, л. 8.

⁴¹ Отметим, что С. Сватиковым был написан первый исторический очерк об участии евреев в российском революционном движении.

⁴² Максим Горький. Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос. Иерусалим, 1986. С. 218.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 63, лл. 13—14.

⁴⁵ Там же, оп. 2, ед. хр. 16, лл. 28—29.

- ⁴⁶ Там же, л. 29.
- ⁴⁷ Там же, оп. 3, ед. хр. 63, л. 16.
- ⁴⁸ День. 1916.18.04.
- ⁴⁹ *Бердяев Н.* Религиозная судьба еврейства // Христианская мысль. Киев, 1916. № 4. С. 84.
- ⁵⁰ *Никитина М. А.* М. Горький и Ф. Сологуб (К истории отношений). С. 193.
- ⁵¹ Литературное наследство. Т. 72. С. 553.
- ⁵² Биржевые ведомости. 1916. 18 апр.
- ⁵³ ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 20, л. 5.
- ⁵⁴ РГАЛИ, ф. 2535, оп. 1, ед. хр. 55, лл. 2—3.
- ⁵⁵ Архив М. Горького. Т. 9. С. 180.
- ⁵⁶ Литературное наследство. Т. 72. С. 554.
- ⁵⁷ Отечество. 1915. № 16. С. 2—3.
- ⁵⁸ Еврейская мысль. 1916. № 1. С. 8—10.
- ⁵⁹ Там же. С. 10.
- ⁶⁰ Еврейская неделя. 1916. № 6. С. 6—7.
- ⁶¹ Цит. по: Максим Горький. Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос. С. 235.
- ⁶² Там же. С. 238.
- ⁶³ Там же. С. 239.



Л. Смиловицкий (Иерусалим)

СОВЕТСКАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ШКОЛА БЕЛОРУССИИ В 1920—1930-х ГОДАХ

В первые годы становления власти большевиков существовала идея консолидировать нации и народности бывшей Российской империи через образование и культуру. Поэтому культурная революция в СССР задумывалась как путь такого духовного объединения в интерпретации коммунистической идеологии.

До октябрьских событий 1917 г. в Белоруссии существовали светские школы на иврите, на идише и традиционные хедеры. Из них одна только школа на идише получила поддержку советских властей. Органы советской власти, выполняя установки коммунистической партии, преследовали несогласных повсеместно, в том числе и в сфере народного образования. Светские школы, работавшие на иврите, были официально запрещены еще в 1919 г., а после окончания гражданской войны в 1921 г. — закрыты повсеместно. Причиной явилось отрицательное отношение большевиков к иудейской религии и сионизму. Кроме того, сказался нажим со стороны работников еврейских секций ВКП(б). Они принадлежали к идишистскому направлению и резко критиковали, а впоследствии и запрещали любое проявление культуры на иврите.

В 20-е гг. была сделана попытка организовать подпольное преподавание иврита в Белоруссии. Однако уже в начале 30-х гг. преследования со стороны властей усилились, и эта деятельность почти полностью прекратилась. Такая же судьба постигла и религиозное образование. В 1919 г. был принят специальный закон, запрещавший религиозное обучение детей до 18 лет. Так хедер был поставлен вне закона. Сразу же после окончания гражданской войны стали преследовать меламедов и закрывать хедеры. Тем не менее в 20-х гг. многие хедеры продолжали функционировать нелегально. За исключением единичных случаев к середине 30-х гг. все они были вынуждены закрыться. Подпольные иешивы продержались несколько дольше, но и они

в конце 30-х гг. были разгромлены властями. Только небольшие группы религиозных евреев, в основном последователи хасидского движения Хабад, продолжали тайно обучать детей религиозным предметам¹.

Единственным направлением еврейского образования, которому советская власть благоволила, было образование на идише. Еврейский характер таких школ проявлялся в том, что языком обучения оставался идиш, а также изучалась еврейская литература на языке идиш. В период гражданской войны и сразу после ее окончания эти учебные заведения столкнулись с большими трудностями. Не хватало квалифицированных кадров педагогов, помещений, учебников, учителям нечем было платить за их труд.

В феврале 1921 г. вторая сессия ЦИК Белорусской ССР поручила Наркомпросу республики принять меры по обеспечению национальностям, населявшим БССР, возможность получать образование и воспитание на родном языке. В советской историографии народного образования в Белоруссии эта дата считается точкой отсчета национальной школьной политики.

В 20-х гг. наряду с белорусами, которые составляли до 80% населения, в республике были расселены евреи — 8%, русские — 7%, поляки — 2% и другие национальности — латыши, литовцы, украинцы, немцы, татары, цыгане, эстонцы, которые вместе не превышали 1,5% от общей численности населения БССР².

Равноправие основных четырех национальностей закрепляла Конституция Белорусской Советской Социалистической Республики 1924 г. через государственные языки: белорусский, русский, еврейский и польский. До 1931 г. при ЦК КП(б)Б действовали четыре национальных бюро, соответствующие секции работали при СНК БССР, ЦИК и Народном комиссариате просвещения, других ведомствах. Делопроизводство в государственных учреждениях и общественных организациях велось на национальном языке.

Бурный рост еврейской общеобразовательной, средней специальной и высшей школы в Белоруссии, начавшись в 1924 г., продолжался до середины 30-х гг. Хронологически это совпадает с периодом политики так называемой «белорусизации», официально провозглашенной ЦК КП(б)Б и СНК БССР.

В погоне за намеченными показателями национального школьного строительства контингент учащихся школ Белорус-

ской ССР во второй половине 20-х — начале 30-х гг. власти формировали непосредственно по национальному признаку: белорусы — в белорусские школы, русские — в русские, поляки — в польские, а евреи — в еврейские. Делалось это в строго административном порядке и отступлений не допускалось. Понятно, что далеко не все родители учащихся были в восторге от такой практики. В свою очередь отделы народного образования на местах квалифицировали позицию такой части родителей как «непонимание ленинско-сталинской национальной политики» и даже как «проявление национальной ограниченности».

По свидетельству Якова Самуиловича Рубинчика, — 1927 г. рожд., уроженца г. Борисова, — когда ему исполнилось семь лет, родители попытались определить его в русскую школу. Разрешения они на это не получили. Тогда попытались зачислить в белорусскую школу — тоже отказ. Родители Я. С. Рубинчика, глубоко оскорбленные таким поворотом дела, вообще оставили мальчика дома, где он находился целых два года. Он брал уроки у своих старших братьев и сестер, которые делились с ним тем, что было у них на занятиях в школе. В конце концов родителям Я. С. Рубинчика уступили, он сдал экстерном экзамены за два года и был принят в 8-ю белорусскую школу г. Борисова³.

Более того, в целом ряде местечек не было белорусских школ-семилеток и школьники-белорусы обучались в еврейских школах. В этом отношении уместно привести свидетельство Евгения Марковича Ганкина, — 1918 г. рожд., ныне члена Союза художников Беларуси⁴. Ганкин родился и закончил семилетнюю еврейскую школу в местечке Щедрин Паричского района Минской области. В начале 30-х гг. в Щедрине не было белорусской семилетней школы, а работала только еврейская, поэтому детям из соседних белорусских деревень, которые закончили начальную школу, дальше идти учиться было некуда. Е. М. Ганкин рассказывает, что в его классе обучалось несколько девочек-белорусок. Все предметы в школе Щедрина преподавались только на идише. Впрочем, языкового барьера не существовало — ученицы-белоруски знали идиш.

Динамика роста численности еврейских школ, работавших на идише в БССР в 20-е гг., была весьма впечатляюща. Если в 1921 г. в них обучалось 10 476 учащихся, то в 1925 г. — 19 095 чел. В дополнение к этому в 28-ми еврейских детских домах воспитыва-

валось 1 671 человек. Всего к середине 20-х гг. в Белорусской ССР еврейских детей школьного возраста насчитывалось более 90 тыс. человек, из них посещали школу только около половины. 19 тыс. обучались на идише, а 26,6 тыс. их сверстников из еврейских семей — в русских школах⁵.

Наиболее массовой являлась еврейская школа-четырёхлетка (101 учебное заведение). Функционировали и 33 еврейских школы-семилетки. Большие трудности переживала система еврейского образования в связи со слабой учебно-материальной базой. Школы располагались в непригодных помещениях, не хватало инвентаря, пособий, канцелярских принадлежностей. Оставляла желать лучшего и профессиональная подготовка учителей. Так, из 347 педагогов еврейских школ системы народного образования Белорусской ССР в середине 20-х гг. только 14% имели специальную подготовку. 13% учителей не имели даже среднего образования⁶.

Отличительной особенностью школы 20-х гг. было отсутствие обязательного среднего образования. Тем не менее еврейская молодежь стремилась к образованию. Получить специальность квалифицированного рабочего, не говоря уже о том, чтобы выучиться на инженера, педагога, врача, было целью большинства. Работа еврейских учебных заведений широко освещалась в периодической печати Белоруссии. И не только в республиканских изданиях — «Октябре», молодежной «Юнгер арбайтер», пионерской «Юнгер ленинец», выходивших на идише, но и в «Советской Белоруссии», «Звезде», «Рабочем», печатавшихся на русском и белорусском языках.

К 1932 г. отмечается значительный количественный и качественный рост еврейских учебных заведений. В 319-ти еврейских школах Наркомпроса обучалось уже 32 909 учащихся, но в дополнение к ним действовало еще 224 еврейских фабрично-заводских семилетних школы (ФЗС) и школы крестьянской молодежи (ШКМ). Кадры учителей для них готовили еврейские педагогические техникумы в Минске и Витебске, на еврейском отделении педагогического факультета Белорусского государственного университета (БГУ) имени В. И. Ленина и в Минском педагогическом институте имени А. М. Горького, а также на еврейском отделении Могилевского техникума культурно-просветительной работы⁷. Удельный вес еврейской молодежи в учебных заведениях

довоенной Белоруссии, в том числе и на русском, белорусском отделениях, был высок. Достаточно сказать, что в техникумах он составлял 27,8% студенческих коллективов, в вузах — 27,6%, а в профессионально-технических школах — 38,4%⁸.

Исключительным направлением советской еврейской школы Белоруссии, как и во всей стране, была «идеологическая закалка» подрастающего поколения. Так называемая подготовка «нового человека», энтузиастов «социалистического выбора», беззаветно преданных делу коммунистической партии, стала содержанием всей воспитательной работы школы. Директивные органы требовали этого и от учителей и от учащихся. Так, в резолюции ЦК компартии Белоруссии «О работе среди учительства», принятой в январе 1931 г.⁹, указывалось на слабую связь учительства с рабочими и батрачеством, отсутствие ударничества и участия в «настоящем» социалистическом соревновании. Учительские политические чистки не поставлены на «принципиальную политическую высоту»¹⁰.

ЦК КП(б)Б объяснял пассивность учителей в общественной работе по-своему. Главным недостатком было «нэпманское окружение», а также идеализация героев, отважившихся на борьбу с ВКП(б). В отношении еврейской части учительства партийные инстанции отмечали ее активность в общественной работе, с одной стороны, с другой — «убеждение в том, что советская власть не все делает для развития национальной еврейской культуры и жизни»¹¹.

Своеобразным протестом еврейских учителей против диктата коммунистической партии оставалось их по возможности нейтральное отношение к иудаизму и соблюдение еврейских национальных традиций. Например, в Бобруйском округе в 1929 г. учителя проявляли откровенное равнодушие к атеистической работе. В Рогачевском районе учитель Исаак Гиндин оставил школу и «ушел в священнослужители». Учительница Сарра Хайкина водила своих учащихся в синагогу слушать кантора. В 1930—1932 гг. учителя Орши, Мстиславля и Дубровно участвовали «в отправлении еврейских религиозных обрядов, пекли мацу и так далее». В 1933 г. в Свислочском районе учитель селибской средней школы Абрам Генерсон противился браку своей дочери-учительницы с белорусским учителем¹².

Быстрый упадок еврейской школы начинается в 1933—1935 гг. Вместе с запретами, наложенными на политику белорусиза-

ции, националистическими были объявлены почти все проявления еврейской культурной жизни. Началось откровенное насаждение русскоязычных школ, что подавалось как образец пролетарского интернационализма.

В 1936—1939 гг. в Белоруссии были репрессированы многие видные деятели еврейской культуры и искусства, бывшие работники еврейских секций при КП(б)Б и ВКП(б), хотя сами секции были распущены еще в 30-м г. Не стало исключением и учительство. В одном из документов Наркомпроса БССР этой поры находим характеристику учительства республики: «Группировки еврейской интеллигенции соответствуют разделению белорусской, но национал-демократизм у них отливается в форму сионизма. Это усиливается тяжелым положением местечка в социально-экономическом отношении. Отмечается своеобразная тоска по еврейской государственности»¹³.

Далее в документе говорилось, что в Наркомпросе Белоруссии не была развернута большевистская критика и самокритика, не оказались вскрыты «враждебные гнезда и действия врагов».

Учителя и учащиеся еврейских школ разделили печальную участь своих коллег и соучеников из белорусских и русских школ. Приведем некоторые примеры из справки специального отдела Наркомпроса республики, озаглавленной «О троцкистско-зиновьевских контрреволюционных вылазках среди учителей и учащихся в 1935—1936 гг.»¹⁴.

Студент Витебского педагогического института Исаак Минович защищал «контрреволюционных подонков», говоря, что Лев Троцкий и Григорий Зиновьев были лучшими друзьями В. И. Ленина. Арон Кацнельсон, студент третьего курса Белорусского государственного университета, разносил «поклепнические сплетни» о причинах смерти Надежды Аллилуевой, супруги И. В. Сталина. Григория Мезита, работавшего директором кармовичской неполной средней школы в Лиозненском районе Витебской области, сняли с работы за то, что он осмелился выступать против изъятия из библиотеки запрещенной литературы и несколько раз использовал в учительской комнате школы «троцкистские пластинки» (к патефону)...

Пострадали руководители целого ряда техникумов Белоруссии, готовивших учителей для начальной и средней школы: Менделевич — директор полоцкого педтехникума, Эскин — директор педтехникума в г. Слуцке, Печатников (г. Могилев), а

также заведующие районными и городскими отделами народного образования: Нодельман (г. Пуховичи), Лемец (г. Сенно), Савик (г. Ветрено) и др.¹⁵.

Наступил 1938 г., роковой для существования еврейской школы в Белоруссии. В газетах появились сообщения о том, что родители перестали отдавать детей в национальные школы и те, мол, поэтому не способны работать в дальнейшем. Центральный комитет компартии республики 3 июля 1938 г. принял постановление, продублированное приказом по Народному комиссариату просвещения БССР¹⁶. Под предлогом того, что больше нет недостатка в учителях еврейских школ, были слиты еврейские педагогические училища в Минске и Витебске. Через несколько месяцев и минское еврейское педучилище было расформировано, закрылись национальные отделения в учительских и педагогических институтах БССР, Белгосуниверситете. Так прекратило свое существование около 500 еврейских учебных заведений Белорусской ССР¹⁷.

Архивные документы, свидетельства современников показывают, что еврейские школы в своем большинстве действительно ощущали недостаток учащихся. Однако для нас важно установить, каковы были подлинные причины этого явления. Безусловно, часть родителей, настроенная прагматично, считала необходимым отдавать детей в русские школы для углубления знания русского языка, для того чтобы затем продолжить образование в вузах, возможно, за пределами БССР. Гонение на иудаизм, фактический запрет придерживаться традиционного еврейского уклада жизни, наряду с тем, что советская школа на идише уже с конца 20-х гг. фактически перестала носить характер национальной школы, — все это привело к тому, что еврейские классы опустели...

Закрытие учебных заведений национальных меньшинств в Белоруссии, не только еврейских, но и всех других (польских, немецких, литовских, латышских, татарских и др.), было только началом форсирования национального вопроса. Партия руководила строительством в СССР социализма, а каким языком при этом пользоваться, это уже «детали».

Процесс ликвидации еврейской школы был неожиданно приостановлен осенью 1939 г. в связи с началом второй мировой войны, разделом Польского государства и присоединением к

Советскому Союзу западных районов Белоруссии. Политическая конъюнктура потребовала от сталинистов осуществлять «культурное строительство» на вновь приобретенных территориях.

В декабре 1939 г. Центральный комитет компартии республики принимает постановление «О мероприятиях по организации народного образования в западных областях БССР»¹⁸. Немедленно были созданы и проведены уездные и окружные учительские конференции, приняты заранее подготовленные решения о реорганизации школ по советскому образцу. Народный комиссариат просвещения направил на работу в районы Бреста, Барановичей, Пинска, Лиды, Несвижа, Гродно и Белостока 697 человек. Вскоре парадные отчеты Наркомпроса БССР отмечали, что была проделана «большая работа по определению языка преподавания в школах с учетом пожеланий родителей и учащихся»¹⁹. О том, как это было на деле, свидетельствует Яков Абрамович Марголин, учитель с сорокалетним стажем²⁰. В 1939 г. Я. А. Марголин был направлен на педагогическую работу в г. Лиду, только что «освобожденную» от «буржуазно-помещичьей» Польши. Его задачей было осуществить перевод местных школ на советские учебные программы и планы. Первое время все советские мероприятия встречали настоящий бойкот. В еврейских школах Лиды преподавание велось на иврите, а не на идише. Большое место в них уделялось истории еврейского народа и национальной традиции. Марголин вспоминает, что советские чиновники от народного образования особенно в средствах не стеснялись. Распоряжение ходить в субботу в школу было исполнено, хотя писать на уроках учащиеся и учителя отказались наотрез. Иврит был объявлен «контрреволюционным языком» и запрещен, а обвинения в сионистской деятельности было достаточно для депортации.

Вместе с тем большевики не могли сразу «переварить» национальные школы в «освобожденных районах» Белоруссии, как это было сделано в БССР в 1938 г. В 1940 г. в Западной Белоруссии насчитывалось 4 192 белорусских школы, польских — 987, русских — 172, а еврейских — 169. Кроме того, работало 63 литовских школы и 49 украинских²¹. Для того чтобы обеспечить их учительскими кадрами из местного населения, даже были открыты 6 педагогических училищ (в Бресте, Белостоке, Гродно, Молодечно, Новогрудке и Пинске), 2 дошкольных педагогических училища в Лиде и Волковыске. В дополнение к ним в Белостоке

приступил к работе новый в Белоруссии педагогический институт²².

К сожалению, в архиве Наркомпроса республики отсутствуют данные, которые пролили бы свет на подлинную историю национальной школы в Белоруссии в 1939—1941 гг. Нет там, к примеру, статистики сопротивления учительства насильственной советизации школы, статистики арестов учителей по «политическим мотивам» и т. д.

Еврейская советская школа прекратила свое существование с началом советско-германской войны. После разгрома нацизма еврейские школы в Белоруссии открыты не были, несмотря на просьбы части еврейского населения республики.

¹ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1992. Т. 6. С. 19—20.

² *Платун А. М.* Итоги культурного строительства в БССР за десять лет. Минск, 1931. С. 41.

³ Архив автора. Запись беседы с Я. С. Рубинчиком 22 сентября 1990 г. в Минске.

⁴ Там же. Запись беседы с Е. М. Ганкиным 25 декабря 1990 г. в Минске.

⁵ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 4, оп. 7, д. 14, л. 164.

⁶ Там же, л. 166.

⁷ Там же, оп. 14, д. 29, лл. 222—226; д. 4, л. 45.

⁸ *Платун А. М.* Указ. соч. С. 42.

⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 14, д. 113, л. 371.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 372.

¹² Там же, д. 64, л. 340.

¹³ Там же, ф. 4, оп. 17, д. 16, лл. 5—6.

¹⁴ Там же, д. 9, лл. 1—13.

¹⁵ Там же, л. 15.

¹⁶ Там же, оп. 3, д. 407, л. 299^a.

¹⁷ Там же, оп. 17, д. 19, л. 30; Чырвоная змена. 1937. 18 верасня.

¹⁸ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 850, л. 80.

¹⁹ Там же, л. 81.

²⁰ Архив автора. Запись беседы с Я. А. Марголиным 18 августа 1990 г. в Минске.

²¹ Савецкая школа. 1940. № 1-2. С. 25.

²² Там же.

ЭТНОЛОГИЯ

М. Каракетов

ХАЗАРСКО-ИУДЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КАРАЧАЕВЦЕВ

Карачаевцы (самоназвание к̄арачайлы; аланлы; к̄абарлы; делесчи или делечиле; черкесли или кара-черкеслиле; бассинак̄; нарт-к̄арачайлыла; чегемчиле; басханчыла; бызынгычыла; таулу-к̄арачайлыла; басхан-к̄арачайлыла). Кроме первых трех этнонимов остальные несут в себе географический, легендарный и социальный мотивы.

Карачаевцы компактно проживают на территориях Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик, а также в Ставропольском крае. За пределами Российской Федерации они расселены в Киргизии, Казахстане, Узбекистане, Турции, Сирии, Иордании, США и в других странах. Общая численность в мире составляет около 250-ти тыс. человек.

По вероисповеданию карачаевцы относятся к мусульманам-суннитам ханифитского мазхаба (толка). В то же время в традиционной обрядово-культурной, ритуальной жизни народа сохраняются древнетюркские, иудейские и христианские мировоззренческие позиции.

В этой статье вкратце будут проанализированы хазарско-иудейские элементы традиционной культуры карачаевцев. В первую очередь это касается нартского эпоса у карачаевцев. Соответствие нартских персонажей и имен родоначальников фратрий, кланов карачаевского народа отражает исторические события VI—X вв., приведшие к сложению древнекарачаевской народности на территориях современных Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Ставропольского края.

Нартский эпос выступает, с одной стороны, религиозным и этическим дериватом в поведении людей и в их мировоззрен-

ческой схеме, с другой — указывает на исторические события этногенетического плана.

Этногонические аспекты эпоса карачаевцев делают его историческим источником, в котором, при сопоставлении с фиксированными литературными данными, сохранились почти все названия племен, родов этнообразующих элементов народа, известные нам по греческим (византийским), арабским, персидским, армянским, грузинским и в меньшей степени древнерусским памятникам¹.

К наиболее древнему пласту эпоса относятся сюжеты, отражившие эфталитско-хазарский период. К нему относятся религиозные термины, исторические, мифологизированные персоналии, обозначения служителей культа, социальные понятия, географические названия и этнонимы племен и родов.

Это прежде всего:

Къара-Шауай и Генджеке-Шауай (каварско-савартские роды, племена Кара или Кари и Генах), Мехерей-Къула или Мехерей (племя, военачальник белых гуннов и сохранившийся у их потомков каваров Михира-Кула или Мегери, по Константину Багрянородному), Хабар-Карачайльла или Къабар-Къарачайльла-Кабарские карачаевцы (эфталитское, белых гуннов племя на Северном Кавказе, причисленных источником к хазарскому роду Кавары или Кабары), Тюйюрман и Туруан (имя военачальника, а затем название рода у белых гуннов и каваров — Тораман или Тариан), Ырач-Тырхан, Рачыкау или Ёречи-Къау (хазарский военачальник в пограничной с Абхазией земле, на современной территории Карачая — Раж-Тархан), чигирей Чула (букв. владетель Чула, имя одного из последних владетелей Хазарского каганата, также Чула). Карачаевский социальный термин «чигирей» является хазаризмом и происходит из булгарско-хазарского понятия «ичиргу» — владетель. Заметим, что родственные отношения между карачаевскими нартовскими персонажами абсолютно идентичны таким же отношениям эфталитских или гуннских племен, родов и персоналий². Последний аспект делает исторически правдивыми данные литературных источников раннего средневековья.

От хазарской социальной терминологии карачаевцы сохранили понятия, применяющиеся в социальной жизни народа, типа: Джабакку (взыматель дани, герой социализированного шуточного игрища «Джабакку-Оюн», ненавистный народом владетель-

ный человек, и хазарско-древнетюркское обозначение царского титула или правителя страны Джабгу или Джабугу, Джабагу), Болушчу или Таучу-Болушчу (наместник, помощник и хазарское обозначение наместника Бул-ш-чи), Тырхан или Тархан (то же самое, что у хазарско-древнетюркских народов тархан — владетель), Сарайма или Сарайым-Ёзден (служилое при князе сословие узденей и хазарское обозначение чиновников при кагане — сарим), Бек (владелец, уважаемый в социальной иерархии человек и хазарское обозначение владетельных лиц — пех), Шати-Бек, Шат или Джоджу-Шат (великий, высокий, покровитель жизненного начала и хазарское обозначение владетельного, каганского сословия Шат или Шат-Пех), Хар-Джур (патриархальные рабы и хазарское обозначение черни кара-джур), Алчю-Ачын, Ашым-Тай или Ашин-Пурше (название царя в игрище в альчики — «Ашыкъ-Оюн», наименование покровителя волков, дух волков и хазарский царствующий род Ашина, происходивший, по древнетюркским преданиям, от волка)³.

Из религиозной терминологии гуннов и их потомков аваров и хазар карачаевцы сохранили в своей мифологии и ритуальных обрядах те обозначения божеств, особенно служителей культа, из которых не все известны другим тюркоязычным народам мира, а именно:

Тейри-Хан или Тейри (хазарское обозначение верховного бога Тенгри-Хан), Къауар-Хан (покровитель урагана, редко — молнии, и гуннско-хазарское божество громовержец Куар)⁴, Газанчы, гаухамчы (карачаевское — мудрецы, иврит, — хазаним (канторы в синагогах), хахамим (мудрецы, раввины)⁵.

Кроме этого, в фольклоре народа и топонимике сохранились понятия, свойственные хазарам, типа: Дер (Дейир), Джар — место, земля, населенный пункт и хазарское обозначение крепости, города — Дер, Дар, Джар, например, Семен-Дер, Балан-Джар⁶. Хазарский пласт в этнической истории карачаевцев представлен и сохранением в их традиционной культуре рудиментов иудаизма. Карачаевцы вплоть до начала XX в. проводили обряды встречи первого весеннего дождя праздником Лийсан (Нисан — название одного из весенних месяцев еврейского религиозного календаря). Особо отличавшихся, ведущих праведную жизнь людей называли Шонай-Адам (Синайский человек). Эти люди получали свое призвание и назначение блюсти туру-джашау

(истинную, честную жизнь) только после того, как пребывали в Шонай-Тала в течение шести дней в месяц Тюшвор-Ай (тюркизм). Очистившихся, святых людей, кроме того, называли по-тюркски эбзе-адам⁷. По сей день в народе почитается суббота (по-карачаевски — шабат-кюн)⁸. В этот день карачаевцам нельзя работать, что характерно для иудаизма. Кстати, наиболее близкое сходство с карачаевскими названиями дней недели обнаруживают карайские. Что, возможно, является еще одним из элементов их общего хазарского наследия. К рудиментам иудаизма можно отнести и клятву карачаевцев «тейри-адамы» («именем божьего Адама» или «ей-богу»)⁹. Наряду с этими религиозными формулами существует выражение, характеризующее отношение карачаевцев к евреям (чуут, редко — ибирли): «Эрменлиде ашада чууглуда кьал» («У армянина отведай пищу, а у еврея останься ночевать»), то есть еврей готов за ближнего, гостя жизнь свою отдать)¹⁰. В социальном отношении карачаевцам известна форма подушной подати — челек в пользу феодалов, которая сохранилась с хазарского периода. У хазар эта форма дани называлась шелег (от иврит. шекель — серебряная монета)¹¹ и др.

Но наиболее существенным в мировоззрении карачаевцев является определение царя Давида (карач. Дебет, Деуэт) как отца всех нартов, эпических предков карачаевцев¹².

О последнем аспекте в мировоззрении народа речь пойдет ниже. Здесь же следует отметить, что сохранение в карачаевском ритуале, обрядово-культурной жизни народа столь большого пласта иудейских позиций было обусловлено принятием иудаизма не только верхушкой хазарско-аланского общества в конце VIII в., но и значительной частью населения Хазарского каганата и входившей в его состав Аланской государственности. Возможность в течение небольшого времени распространить иудаизм среди населения Хазарии, без сомнения, была связана с наличием в ней развитых властных институтов.

По преданиям карачаевцев, родоначальником народа выступает Бёке-Улу Къарачай из селения Хом-Къала, по другим версиям — Гёзтай-Къала¹³. В третьей версии он был нартовским исполином-богатырем и звали его Бёкюрлю Къарачай из селения Байхыз-Къала¹⁴. В урупской земле, где проживал Къарачай, к нему прибыли Шати-бек, Къайтым-хан и Къула-бий, по другим версиям — Къуал-бий. Жили они независимой жизнью, отчего

свою страну называли Къабар-Къарачай (независимый Карачай). Но, однако, у них случился великий мор в год бойлан (волка — эвфемизм). В этот же год на их народ обрушились войска эмегена (циклопа) Зинзибул-Киши (или Зинзиур-Къарт, который был отцом 19 дочерей-эмегенш)¹⁵. У них не было возможности охранять свою страну, и Къарачай сказал своим друзьям, чтобы те позвали из соседней страны трех великих мудрецов Ашымтая, Деуэта и Ораз-бека. После того как в Карачай прибыли три мудреца, в этой стране появился закон (ашымтайлыкъ), оружие (ораз-керек) и вера в бога (деуэтлик). Деуэт обратился к народу с призывом увеличить население за счет двоеженства. При этом, учитывая, что после мора и нашествия эмегенов во главе с Зинзибул-Киши фактически женщин в Карачае не осталось, Деуэт наказал карачаевцам привести жен из других народов. Къайтым взял жену из хачыпсы (абхазов), из рода Запиш или Заупиш, Къулабий женился на кызылбековский княжне Лоукызы или Лий-кызы, а Шати-бек женился на красавице Джан-Гоша из маргалского (мегрельского) народа. Деуэт, после рождения у них сыновей, установил правило, по которому имена и фамилии этих родов стали называться по материнской линии. Хотя история каждого рода изобилует разными событиями, в то же время эти роды дали начало многочисленным карачаевским тукумам (патронимиям): Кипкеевы, Каракетовы, Каитовы, Гебенновы, Дотдуевы, Биджиевы, Кечеруковы, Хубиевы, Хачиоровы, Худбиевы или Хубтиевы, Дотдаевы, Багатыровы, Джатдоевы и Кубановы.

Что же касается Деуэта, то он женился на дочери Ашымтая Батчабай. От нее у него было 19 сыновей. Закон, установленный Деуэтом, называли къара-джорукъ. После того как в Карачае власть захватили Къулабийлары (или Липусхалары), они привели из селения Маяхыз-Къала Черкес-Хана и его сына Дадьянука. Он принял закон Деуэта, однако низложил Къулабия и установил свою власть. Весь же карачаевский народ после этого стали называть къара-черкеслиле (къара черкесы). А в народе был привит черкес-намыс (черкесский этикет), означавший неравенство, вместо существовавшего закона узденства (маштакъ-джорукъ, ёзденлик) — равенства. От Черкесхановского рода происходило много мудрецов (къаппейчи, газанчы и гаухамчы). Так как все эти мудрецы входили в къара-бабас, то и детей им

не полагалось иметь, за что их почитали и содержали за счет народа. Хоронить их полагалось в каменных стенах и в скалах, а надгробным памятником для них служили огромные камни в тех местах, где они проводили свою мудрую и святую жизнь. Говорят, что часть этих людей захватила власть среди кабардинцев и вместе с их биями (князьями) покорила селение бесеней, в котором проживали къара-джикле, от них происходят кабардинцы¹⁶.

Приведенная легенда подводит нас к необходимости обратиться к карачаевскому нартовскому эпосу, в котором отцом всех нартов выступает Деуэт, или Дебет. Дебет (Деуэт) по своим характеристическим данным напоминает библейского царя Давида, а по основной профессиональной принадлежности сближается с кораническим Даудом.

У него так же, как у Давида, пастушеское прошлое, он знает язык объектов природы, имеет 19 сыновей, и он же нарушает установленный порядок, обычай: женит своих сыновей, начиная с младшего, тем самым предоставляет ему право наследования, как и царь Давид; у него умирают все дети — сыновья, кроме старшего. Однако главою всех нартов становится самый младший внук. Карачаевский Деуэт и библейский Давид являются соблазнителями женщин. Последняя жена Давида и жена Деуэта имеют одно имя с небольшими фонологическими различиями — Батшеве и Батчабай, или Батчалыу. Показательно, что у караимов имя жены Давида звучит так же, как и у карачаевцев, Батчыва¹⁷. Однако Деуэт (Дебет) в карачаевском мировоззрении превратился в небесного кузнеца жизни и, по поверьям народа, жив по сей день. Кроме того, почитание Деуэта как основателя кузнечного дела и первого «металлурга» сближает его с представлениями мусульманских народов о кораническом Дауде как основателе кузнечного дела¹⁸.

Таким образом, белые гунны, переселившиеся в пределы Северного Кавказа и явившиеся реальными создателями нартовского эпоса, что подтверждается наличием у потомков тех же аваро-эфталитов шорцев и сагайцев нартовского эпоса, в котором главным персонажем выступает алан-кижи (аланский человек), а сами эпические сказания называются нарт-пак (нартовское сказание), образовали свою государственность в VIII—IX вв. под влиянием Хазарского каганата. Несмотря на попытки кабаров отстраниться от влияния хазар, им все-таки это не удалось. Эти

обстоятельства позволили хазарам распространить иудаизм на основную часть древнекарачаевского общества (хонских алао-кавар), что выразилось в устойчивости в мировоззрении современных караевцев и балкарцев библейских религиозных норм. Фактически нартовский эпос караевцев может быть назван Давидовым эпосом, в котором отразились этнический и религиозный аспекты древнекарачаевского общества. С полным основанием можно констатировать, что нартовский эпос караевцев сложился в основных своих сюжетобразующих элементах к концу X в., то есть в период существования Хазарского каганата, в котором в VIII—X вв. иудаизм утвердился как наиболее влиятельная религия.

¹ *Константин Багрянородный*. Об управлѣнии империей. М., 1991. С. 155—167; Продолжатель Феофана. Жизнь Византийских царей. СПб., 1992. С. 28, 56, 161—162; Тюркологический сборник. М., 1975. 102—129; *Гафуров Б. Г.* Таджики. Душанбе, 1989. Т. 1. С. 253.

² *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 163; *Гафуров Б. Г.* Указ. соч. С. 253; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. См. в именном указателе — Раж-Таржан // Нарты: Героический эпос балкарцев и караевцев. М., 1994. С. 506—525, 534 (о нартовских персонажах Еречи-Къау, Рачы-Къау и Турту. В Карае сохранился и топоним-название селения Раж-Као); *Каракетов М. Д.* Из традиционной обрядово-культурной жизни караевцев. М., 1995. С. 8; Караимы: Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1993. Вып. 14. Кн. 4. С. 10 (о последнем правителе хазар — Чула. В караевском ритуальном игрище «Адили-Оюн» его имя звучит как Чигирей-Чула, то есть владетель Чула, от болгарско-хазарского ичиргу — владетель. что свидетельствует об упадке и слабости Хазарского каганата и его правителя в конце X—XI вв.).

³ Исчезнувшие народы. М., 1988. С. 57 (о титулах шад и пех у хазар). Понятия хагуна и къагъан-акъ применяются караевцами соответственно к детям княжеского сословия и в целом к грудным детям. Данные обозначения детей или ребенка, сохранившиеся только у караевцев и балкарцев, отражают легенду о том, как у древних тюрков появился титул каган. См. об этом: *Каракетов М. Д.* Указ. соч. С. 74); *Гатцук В. А.* Кавказские сказки. М., 1904. Вып. 1—9. С. 34—37 (о назывании караевцами горы Эльбрус Шат-Тау); *Артомонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937. С. 99 (о социальном термине кара-джур — чернь у хазар); *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1993. С. 22, 24, 66, 81, 487 (о царствующем каганском роде Ашина в Тюркютском и Хазарском каганатах) и 210 (о титулах джабу или джабуу у западных древних тюрков); *Каракетов М. Д.* Указ. соч. С. 322 (об Ашин-Пурше, или Ашанин-Пуруш). С. 303 (о социальных терминах Таучу-Болушчу и Алчю-Ачын, при этом Алчю-Ачын называем Патчах-Царь, а Таучу-Болушчу его помощник, что было свойственно хазарам). С. 43 (о социальном термине у караевцев —

подсослови сарайма— ..., или сарайым-езден); Караимы: Материалы к серии «Народы и культуры», и 8—11 (о социальных терминах у хазар Бех/бек, тархан, бул-ш-чы — резидент, наместник и шад); Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 56 (о титуле тархан); *Кокковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 118 (о социальном термине у хазар — бул-ш-чи — наместник).

⁴ Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 500 (о древнетюркско-хазарских и савирских (савартских, по Константину Багрянородному) божествах Тенгри, Тенгри-Хан), 536—541 (о божествах Умай, Ульген, Чопан-Ата, Ер-Суб); *Каракетов М. Д.* Указ. соч. С. 96—97, 110, 121, 151, 158, 174, 231, 272, 301 (о божествах Уммай, или Джуммай, Елгенмай, или Елгенпай, Джер-Суумай, Кыауар-Хан, Чоппа и Тейри/Тейри-Хан и о шаманах Адыхам, Алшхам и Хамджау).

⁵ Информатор Шидакова Айшат Исмаиловна, 1910 г. рожд., аул Морх, слышала легенду от своего мужа Каракотова Джангафара Дадьяновича (1906—1988).

⁶ *Каракетов М. Д.* Указ. соч. С. 22—23.

⁷ *Джуртубаев М. Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991. С. 232 (лейсан-джаум или лейсан-джауун — первый весенний дождь с грозой). Информаторы: Шидакова А. И.; Казиев Гиная Чомаевич, 1903 г. рожд., аул Хурзук.

⁸ Основная часть информаторов — карачаевцы. *Каракетов М. Д.* Указ. соч. С. 145.

⁹ Данная клятва произносится всеми карачаевцами.

¹⁰ Шидакова А. И.

¹¹ Казиев Г. Ч., Джуккаев Добай Мужуевич, 1886 г. рожд., аул Учкулан; *Новосельцев А. П.* Указ. соч. (см. главу о социальном строе Хазарии).

¹² Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994. С. 8—66.

¹³ Карамурзина Г. Н., 1912 г. рожд., аул Карт-Джурт; Гебенова М. Э., 1906 г. рожд., аул Учкулан.

¹⁴ Аджиев И. А., 1909 г. рожд., аул Ак-Кала.

¹⁵ Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев. С. 401—403 (в тексте сказания указана женщина Зинзиуар); Шидакова А. И.

¹⁶ Шидакова А. И. слышала легенду от своего мужа Каракотова Д. Д.

¹⁷ Тот же источник (о жене Деузта Батчабай); Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев. С. 302—306, 361—363, 396—399, 643 (о матери Алаугана и жене Деузта-Дебета Батчалыу); Караимы: Материалы к серии «Народы и культуры». С. 127 (об имени Батчыва у караимов).

¹⁸ Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 354.



КУЛЬТУРА

А. Жамкочян (Ереван)

ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ «СКАЗКИ О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ» А. С. ПУШКИНА

Непосредственным источником «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина, как впервые показала А. А. Ахматова¹, явилась «Легенда об арабском звездочете» («Legend of the Arabian astrologer») В. Ирвинга (1783—1859)². Недавно арабист К. Бойко, специалист по средневековой египетской исторической литературе³, указал и ее непосредственный источник, которым пользовался Ирвинг. Это вышедший в Париже в 1666 г. перевод впоследствии утраченной рукописи из библиотеки знаменитого кардинала Мазарини (1602—1661)⁴. В заключение работы исследователь сделал вывод о египетском (коптском) происхождении данного сюжета.

Вместе с тем сюжет, положенный в основу сказки, обнаруживается и в других, менее известных памятниках на арабском языке, причем с деталями, более близкими к пушкинскому тексту, происходящих из азиатской части средневекового мусульманского Востока.

В очень сжатом виде легенду о бдительной птице передает арабский географ Ибн ал-Факих ал-Хамадани родом из области Хамадан в западном Иране (ум. 903 г.). В описании диковинок Месопотамии (ас-Савада) он пишет: «В пятом городе есть бронзовый гусь на столбе из меди, поставленный на ворота города, и если в него проник соглядатай, то гусь гогочет так [громко], что его слышат жители города, и они узнают, что в него проник соглядатай»⁵.

Этот же сюжет в литературе на арабском языке нам встретился по крайней мере дважды в произведениях арабо-самаритянских авторов, причем в данном месте явно восходящих к одному и тому же источнику. События легенды здесь связаны с известным самаритянским деятелем Бабой Раббой (IV—V в.)⁶. В наиболее пространным виде эту легенду можно прочесть в самаритянской хронике, получившей название «Книга Иисуса сына Навина»⁷. К основному тексту хроники она явно не относится и, вероятно, была добавлена

одним из переписчиков⁸. Ниже приводится текст легенды в переводе⁹.

«...И не давали ромеи никому из самаритян делать обрезание своему ребенку. Они назначили над домами самаритян доверенных из ромеев, которые воспрещали им обрезание. И в это время самаритяне, если рождался ребенок, клали его в корзину, покрывали его шерстью и шли с ним в пещеру, чтобы сделать ему обрезание под землей при свечах. Затем ромеи воспретили также самаритянам подниматься на гору Гаризим и сказали: «Каждый, кто поднимется на эту гору, будет убит». И сделали ромеи на вершине горы талисман — птицу из меди. Она поворачивалась вместе с солнцем, а если поднимался самаритянин — птица кричала: «Эбриус», и узнавали, что на горе самаритянин, выходили к нему и убивали его. И оставались сыны Израиля в этой беде, пока не появился Баба-Рабба. Был у него дух решимости и великая ревность. И собрал Баба-Рабба всю самаритянскую общину и сказал: «Доколе этот народ нечистый будет вам досаждать. Восстаньте, вызволим сынов Израиля из этой беды, возревнуем за Бога Всевышнего, как возревновал отец наш Финхас и осталась о нем добрая память до срока веков. А сейчас знайте, что я решил погубить ромеев и очистить от них гору Гаризим. И не достичь нам этого ничем, кроме гибели птицы, закрепленной на куполе, и не достичь нам этого, кроме как хитростью, которую мне внушил Бог. Знаете, что в это время — неверующие и у них много царей. И мнение мое — послать Леви, сына моего брата, в Кустунию Ромеев, чтобы он научился их речи и <...?> и понимал их толки, а затем пришел бы в одеянии монаха-священника, его бы никто не узнал, и не узнали бы и ромеи, кто он, пришел бы на гору Гаризим и вошел в храм и ухитрился бы сломать птицу. А когда ее у них не будет, ухитрится подняться на гору и попросит Бога помочь нам против врагов наших». И сказала вся община: «Господин наш, делай то, что покажется тебе хорошим». Сказал: «Дайте мне расписки в том, что после его прихода вы его признаете». Они так и сделали. Привел Баба-Рабба сына своего брата в Бейл-Иль в присутствии общины и сказал ему: «Смотри, как быть, постарайся все узнать и опасайся прекратить чтение Торы ночью и днем, и Бог поможет тебе во всех твоих делах». И послал Леви, сына своего брата, и отправился тот в Кустунию. И был Леви человеком проникательным, знающим, добродетельным, у него все достоинства, и прибыл он в Кустунию и стал прилежно учиться и обрел то, что искал. И продолжал учиться при своей проникательности два года, и не осталось среди всех ромеев никого, кто бы был более знающ. И возвысился знанием так, что ромеи стали ходить у него в услужении и ради его совершенства в знании сделали его Великим Епископом,

и возвысился до высокой степени у них так, что стали цари приходить к его двери и мог воцариться царь только по его приказу и надеть корону только по его приказу. По истечении тринадцати лет он сказал царям: «Захотел я посетить храм, который на горе Набулуса». И собрались все войска и двинулся царь и войска у него в услужении. И когда подошли к Набулусу, послал царь за всеми народами, которые в Набулусе, чтобы вышли встретить Великого Епископа. И когда услышали самаритяне об этом, испугались сильным страхом. Собрался весь народ и сказали: «Мы плохо думали о Леви. Отправили мы его, и нет от него вести. Он, несомненно, погиб. И этот епископ, который прибыл, как мы слышали,— глава общины ромеев, и говорят, будто он глубок в неверии, и зовут его ромеи <...>». На этом обрывается сохранившаяся часть рукописи.

Тот же сюжет содержится также в явно неполном виде в хронике Абу-л-Фатха. Абу-л-Фатх отмечает, что рассказ об этих событиях взят им не из «Книги Иисуса сына Навина», из которой был почерпнут предыдущий материал, а из другого источника. Примечательно, что у Абу-л-Фатха повествование начинается несколько раньше того места, на котором обрывается рукопись «Книги Иисуса сына Навина», и в общей части (объемом около страницы в русском переводе по указанному выше изданию) находятся многочисленные буквальные совпадения, позволяющие восстановить полный текст легенды. Ниже приводится перевод остальной части текста по хронике Абу-л-Фатха с незначительными стилистическими изменениями¹⁰.

«...Затем двинулся Либи, и царь был в услужении у него, пока они не пришли на гору Гаризим. Когда он оказался на вершине горы, закричала медная птица: «Эбриус»: Он спросил: «Что это такое?» Тот ответил: «Это талисман, ни один самаритянин не может подняться на гору: иначе эта птица закричит «Эбриус». И сказал им: «Вижу, кричит, посмотрите,— если окажется на горе самаритянин — убейте его». Обошли всю гору, но никого не встретили. Пришел Либи в собрание и сел, а перед ним все цари, а медная птица и не перестает кричать. Тогда Либи сказал: «Что с это птицей, нет на этой горе ни одного самаритянина, наверное, выжила из ума, и незачем оставлять ее морочить нам голову». Царь ответил: «Правду ты сказал, о господин мой, что хочешь, то и сделаем с ней». Либи велел сломать ее, и сломали, и бросили, и было это в ночь на начало седьмого месяца».

Таким образом, сюжет о говорящем талисмানে, предупреждающем о приходе врагов, оказывается достаточно распространенным в литературе на арабском языке по крайней мере еще двух регионов.

В приведенных отрывках из средневековых самаритянских арабоязычных сочинений речь идет только о говорящей птице, точно

так же, как и в сказке Пушкина. В легенде В. Ирвинга роль талисмана играют петух на баране и бронзовый всадник. Поскольку отмечалось, что французский переводчик имел перед собой рукопись совершенно особой редакции популярной в средневековые книги жанра «*mirabilia*», а в библиотеке Мазарини имелись и самаритянские рукописи¹¹, можно поставить вопрос: не имеем ли мы в данном случае дело с какой-то редакцией известной книги, созданной именно в самаритянской среде Египта и отражающей соответствующий легендарный материал.

¹ *Ахматова А. А.* Последняя сказка Пушкина // *Звезда*. 1933. № 1. С. 161—176.

² См., напр.: *Ирвинг В.* Альгамбра. М., 1979. С. 146—161. *Irving W.* The Alhambra. University Library Association Philadelphia, 1851. P. 203—228.

³ *Бойко К. А.* Арабская историческая литература в Испании (VIII — первая треть XI в.). М., 1977; *он же:* Арабская историческая литература в Египте VII—IX вв. М., 1983; *он же:* Арабская историческая литература в Египте, IX—X вв., М., 1991.

⁴ *Бойко К. А.* Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии*. 1976. Л., 1979. С. 113—119; *L'Egypte de Murtadifils de Yaphiphe*. Paris, 1666.

⁵ *Ибн-ал-Факих.* «Ахбар ал-булдан» («Известия о странах») / Введ., пер. с араб. изд. текста и коммент. А. С. Жамкочяна. Ереван, 1979. С. 58. (Издание содержит фрагменты текста, сохранившиеся только в знаменитой Мешхедской рукописи, соответственно не включенные в классическое издание (BGA) *Bibliotheca Geographorum Arabicorum*, V, Lugduni Batavorum, 1885.)

⁶ См., напр.: *Stenhouse P.* The reliability of the chronicle of Abu'L-Fath with special reference to the dating of Baba Rabba // *Etudes samaritaines penteuque et Targum. exègese et philologie chroniques*. Louvain—Paris, 1988. P. 235—257.

⁷ Издание текста: *Juynboll Th.* *Chronicon Samaritanum arabice conscriptam cui titulus est Liber Josuae*. Lugduni Batavorum, 1848.

⁸ Соответствующие страницы рукописи Leiden University Or. 249 (scaliger) (в самаритянской графике), единственной, в которой сохранился этот текст, переписаны в 1513 г. (P. 236—256) (основная часть в 1362/63 гг.). Среди обнаруженных в РНБ фрагментов по крайней мере десяти списков этой хроники, соответствующая часть текста отсутствует.

⁹ *Juynboll Th.* *Op. cit.* P. 54—55 (арабского текста).

¹⁰ *Жамкочян А. С.* Самаритянская хроника Абу-л-Фатха из собрания Российской национальной библиотеки. М., 1995. С. 127, 128.

¹¹ *Silvestre de Sacy A. I.* *Mémoire sur la version Arabe des Livres de Moïse à l'usage des Samaritains, et sur les manuscrits de cette version* // *Mémoires de littérature Tirés des Registres de l'Académie des inscriptions et Bèllés-lettres*. T. XLIX. Paris, 1808. P. 19.

Р. Гензелева (Иерусалим)

ПОВЕСТЬ ИЗРАИЛЯ МЕТТЕРА «КОНЕЦ ДЕТСТВА» И РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 30-х ГОДОВ

*(Проблема национальной самоидентификации)**

Израиль Моисеевич Меттер¹ вошел в русскую литературу 60 лет назад. «Мой возраст исчисляется не годами, не датой рождения — 1909 год,— а неправдоподобием жизненного опыта»,— свидетельствовал писатель². Эти шесть десятилетий его «неправдоподобный опыт» был неразделим с судьбою и болью российского еврейства.

За рубежом творчество Меттера нашло значительно большее признание, чем на родине писателя: его повесть «Пятый угол» (1958—1964), никогда не выходявшая в России отдельным изданием, была переведена, опубликована и вызвала интерес в США, Англии, Франции, Германии, Испании, особенно в Италии, где в 1992 г. она была признана лучшим переводным романом года и удостоена двух престижных премий «Grinzane Cavour»³. Другая повесть Меттера, «Родословная», появившаяся в России только в журнальном варианте (1992), целиком была издана в Италии издательством «Einaudi».

О своей сегодняшней национальной идентификации Меттер заметил: «Я пишу на русском языке, влюблен в русскую литературу, живу судьбой горемычной России — ни одна ее беда не обошла меня стороной. Но я еврей. Моя душа двустрадальна. Я русский еврей»⁴.

Как и Василий Гроссман, он начал свой писательский путь с произведения на еврейском материале⁵. Во второй половине 50-х гг., как только замаячила надежда на либерализацию, подобно Гроссману, Израиль Меттер обратился к еврейской

* Исследование выполнено при поддержке Мемориального фонда Еврейской культуры.

проблематике на основе качественно иного, чем в довоенные годы, еврейского опыта. Как и Гроссман, он предвосхитил национальное возрождение российского еврейства, развернувшееся начиная с 70-х гг.

Умение при любых обстоятельствах сохранять достоинство и индивидуальность всегда составляло особенность этого писателя, было критерием меттеровской оценки человеческой личности. В беседе с итальянским журналистом Паоло Валентино он сказал о себе: «Я никогда не пел в хоре»⁶. Вспоминая об Александре Кроне, Меттер заметил: «Он умел оставаться самим собой, когда казалось, что это почти невыносимо. Он был равен не обстоятельствам, а самому себе»⁷. Меттера восхищал Михаил Зощенко, который вместо публичного покаяния в грехах, которых за собой не знал, произнес гордую и бесстрашную речь. И не случайно именно Меттер был тем единственным писателем, чьи аплодисменты прозвучали в «обморочной» тишине писательского собрания⁸.

Обращение писателя к еврейской проблематике на разных этапах истории советского еврейства: активная национальная самоидентификация; неизменное и органичное стремление «не петь в хоре»; причастность к современному этническому возрождению российского еврейства — все это объясняет интерес к национальному самосознанию этого писателя на разных этапах его творчества.

Исходные национальные позиции молодого писателя нашли свое воплощение в его первой биографической повести «Конец детства», построенной на еврейском материале. Ее журнальная публикация появилась в 1935 г.⁹. В следующем году вышло единственное отдельное издание повести, ставшее сейчас библиографической редкостью¹⁰.

Произведение, опубликованное незадолго перед установлением «негласного, но внятного запрета на еврейскую тематику»¹¹, созданное писателем, который, как и А. Крон, всегда «был равен себе, а не обстоятельствам», представляет особый интерес в связи с проблемой национальной самоидентификации автора.

Изменения в образе жизни еврейства в 20—30-х гг., утрата национальных традиций и языка, исчезновение прежних и появление новых ценностей не могли не привести к значительным трансформациям национальной самоидентификации¹². Немно-

гочисленные произведения русско-еврейской литературы середины 30-х гг. представляют интерес не только для литературоведа. Запечатленное в них национальное самосознание писателей — ценное свидетельство духовной истории российского еврейства.

Отношение индивида к своему этносу, готовность считать себя его частью были неразрывно связаны с представлением об особенностях своего этноса. В середине 30-х гг. система ценностей большинства советских писателей была ориентирована на государственную идеологию. Первая повесть Израиля Меттера отразила расхождения молодого писателя с официальными позициями.

Время действия повести — период гражданской войны на Украине, когда власть переходила из рук в руки — гайдамаки, немцы, белогвардейцы, красные. Хронологические рамки повествования раздвинуты за счет воспоминаний героя о семейных преданиях, о прошлом родителей и соседей, о своем раннем детстве и т. п. Место действия — дореволюционный Харьков, с эпицентром в большом дворе на Рыбной, 28, заселенном одними евреями. Главная проблема «Конца детства» — судьба еврейства и еврейского мира в связи с революцией. Последняя фраза повести: «...кончилось еврейское детство Вениамина Тарвида» — конкретизирует название: речь идет о конце еврейского мира.

Несколькими годами позднее к той же теме обратился Михаил Штительман (1911—1941), автор «Повести о детстве» (1938). Юные еврейские герои обоих произведений автобиографичны, действие разворачивалось в одну и ту же эпоху — накануне революции и в период гражданской войны. У Штительмана изображение дореволюционного еврейского мира и критерии его оценки строго укладывались в рамки официальной идеологии: евреи в его повести разделены непримиримым социальным конфликтом на плохих богатых и хороших бедных. Богачи евреи — «классовые враги»; ребе — служитель культа, прихвостень богачей; хедер — место, где издеваются над детьми бедных евреев; выход и спасение для беднейшего еврейства — объединение не по национальному, а по классовому принципу с людьми других национальностей. Не случайно эта повесть была благосклонно оценена Михаилом Шолоховым, известным своим антисемитизмом¹³ и официозной позицией.

У Меттера все иначе. Хотя в большом дореволюционном доме по Рыбной улице, 28, есть свои богачи, его еврейские обитатели не разделены социальными противоречиями. Упоминание о том, что богачам Цукерманам жилось безмятежно как при гайдамаках, так и при немцах¹⁴, не реализовано в социальный конфликт. Зато все жильцы этого дома, и богачи, и те, кто победнее, связаны общей необходимостью противостоять враждебному евреям внешнему окружению. Их объединяет боязнь революционных перемен¹⁵; ожидание прихода немцев, которых они предпочитают всем прочим временным властям; всеобщее бессилие перед грабежами и попытка защититься от них собственными силами, страх за своих детей перед лицом толпы, которая движется по улицам, размахивая «не трехцветными и не еврейскими бело-голубыми», а одного сплошного цвета флагами¹⁶. Автор не называет цвета этих флагов, сославшись на дальтонизм биографического героя. К слову сказать, в других ситуациях Веня Тарвид прекрасно дифференцирует цвета: он вспоминает о голубых партах в гимназии «Тарбут», помнит цвет галунов у капельдинера, наблюдает, как после удара гайдамака становится красной повязка на голове у юноши из еврейской самообороны, и т. п. Из дальнейшего контекста становится ясно, что цвет этих флагов мог быть только красным. Тональность описания толпы под красными флагами негативна: толпа «нескладно *орала* какую-то песню», она — «*орущая*»; флаги над нею «сделаны *плохо*», «от древка они отходили *косо*» (курсив мой.— Р. Г.). Подобная тональность разительно отличается от патетического описания толпы под красным знаменем у «основоположника советской литературы» и ее непререкаемого авторитета М. Горького в его хрестоматийном романе «Мать» (1906), в его романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина» (1925—1936).

Несмотря на то, что ко времени работы над «Концом детства» самые страшные проявления советской системы — политические процессы, массовый сыск, лагеря, истребившие миллионы людей, государственный антисемитизм — были еще впереди, несмотря на то, что миллионы людей верили в советское «светлое будущее», молодой писатель предельно скуп в проявлении своего отношения к «новой жизни», а конец прежней описан без малейшего намека на энтузиазм и радость. Отсутствие обличительного пафоса при изображении «старого» еврейского мира

заметно отличало повесть молодого Меттера от произведений писавших на русском языке еврейских беллетристов того времени.

У М. Штительмана борьба евреев за советскую власть и участие в ней юного героя составляют основное содержание повести. Его еврейские персонажи ожидают от этой власти прежде всего социальной справедливости. В отличие от героев Штительмана персонажи Меттера сосредоточены на еврейских проблемах: еврейское образование, еврейская самооборона, отношение к евреям калейдоскопически сменявшихся властей, целесообразность участия еврея в войне за Россию, противодействие антисемитам и т. п. Приходу красных и установлению советской власти в Харькове в «Конце детства» посвящена только последняя глава повести. Представления молодого писателя о социальной справедливости расходятся с общепринятыми. Справедливость, которую осуществляет Абрам от лица красных, насильно поселяя в двенадцатикомнатную квартиру Цукерманов 36 красноармейцев, демагогия и насмешки Абрама над хозяевами в изображении Меттера выглядят издевательством¹⁷. Эта же глава включает эпизод о заступничестве «человека в военной форме» за еврейских мальчиков, над которыми измывались антисемиты, ученики латышской гимназии. После беседы с военным, во время которой «слышалось постукивание кулаком по столу», директор гимназии заходит в каждый класс, повторяя: «Советская власть не позволяет бить евреев. Она не позволяет бить армян и китайцев... А также татар... Понятно?.. Деритесь между собой!»¹⁸ Его слова — единственная в повести положительная оценка советской власти. Способ выражения позитивной оценки свидетельствует: надежда молодого писателя на возможность этой власти справиться с антисемитизмом не была безоблачной. Запрет «бить евреев» проводит в жизнь директор латышской гимназии, в которой неприязнь к евреям была так сильна, что родители учеников соседнего еврейского «Тарбута» нанимали специального охранника для защиты своих детей от побоев. «Красный и злой» директор запрещает бить евреев только под нажимом стучавшего по столу военного. За расстановкой акцентов, за отбором подробностей стояла авторская позиция, не имевшая ничего общего с идеализацией новой власти.

Отношение к национальному образованию, к языку своего народа входит в число традиционных критериев национальной

идентификации¹⁹. Позиция молодого Меттера относительно иврита и образования на иврите расходилась с официальной. Уже в августе 1918 г. Еврейский комиссариат по национальным делам объявил, что языком обучения должен быть только идиш, что в средних школах иврит не должен преподаваться на первом году обучения, а в последующих классах не допускалось более шести уроков иврита в неделю. После закрытия хедеров, последовавшего в 1920 г., все средние еврейские школы были переведены на идиш²⁰.

В отличие от хедера, «Тарбут» не был религиозным учебным заведением, но, как и в хедере, здесь получали традиционное национальное образование и, как и хедер, ивритская гимназия была запрещена властями. У Меттера описание «Тарбута» полностью свободно от негативной тональности, неизменной при изображении хедера у русско-еврейских современников писателя. В повести Бориса Ямпольского «Ярмарка» (1941), в «Повести о детстве» Михаила Штительмана обязательными приметами этого учебного заведения представлены грязь, побои, смертельная скука, невежественный и жестокий ребе, ненавидимый учениками²¹. Неприязнь к хедеру нашла отражение и в романе Семена Гехта «Поучительная история» (1939)²². Иначе у Меттера. Преподаватель иврита и древней еврейской истории господин Праховник, названный в повести «любимым учителем», «никогда не бывал в плохом настроении», его рассказы о далеком прошлом евреев «увлекательны», детям он «близок и понятен». Героизации этого персонажа служит описание смелого выпада учителя против немецкого офицера, явившегося инспектировать еврейскую гимназию.

Закрытие «Тарбута» осуществляет представляющий советскую власть еврей. В его облике Меттер обозначил единственную подробность: у него только один глаз. О художественной «заданности» этой подробности свидетельствует ее настойчивая акцентировка. Автор именует еврея, закрывшего ивритскую гимназию, «одноглазым». Символический смысл этой портретной детали (одноглазый — тот, чье видение мира ограничено), ее негативная тональность, ее многократное повторение обнаруживали авторское отношение к уничтожению советской властью ивритской культуры. О несовпадении позиции молодого Меттера с официальной свидетельствует заключительный абзац

повести — речь одноглазого против сионизма и реакция на нее положительных персонажей: «— Вас готовили для какой-то дурацкой Палестины...— продолжал одноглазый,— где должны жить хорошо только евреи. Только богатые евреи!.. а трудящимся было бы так же плохо, как и в царской России. Нам, трудящимся, такая Палестина не нужна. Гимназия «Тарбут» закрывается совсем,— неожиданно резким голосом отчеканил одноглазый. Директор, бледный, стоял около него.— Что такое трудящиеся? — спросил Веня шепотом у Рувима. Рувим пожал плечами и ничего не ответил. В этот день кончилось еврейское детство Вениамина Тарвида»²³. Закрытие ивритской гимназии, описанной, вопреки позиции советских властей, с нескрываемой теплотой; бледность директора; недоумение еврейских мальчиков — все это сообщает минорную тональность финалу повести о конце дореволюционного еврейского детства. Такая тональность отличала повесть молодого Израиля Меттера от прозы современных ему русско-еврейских писателей. Герои «Повести о детстве» Штительмана Сема и Пейся рвутся к новой жизни, помогают красным, несущим счастье и справедливость. В романе Семена Гехта «Поучительная история» — о судьбе мальчика из еврейского местечка, который при советской власти стал инженером на большом заводе,— советская жизнь представлена нелегкой, но счастливой, в отличие от безрадостного дореволюционного прошлого. У Меттера дореволюционное детство героя вовсе не безрадостно, а советское будущее сомнительно.

Концовка содержит еще один нюанс, свидетельствующий о том, что молодой писатель не руководствовался «установками» свыше, создавая свою первую повесть. В 30-е гг. общепризнанный мэтр советской литературы М. Горький призывал советских писателей к прославлению труда и «человека-творца»²⁴. Труд и восхваление людей труда ко времени создания «Конца детства» стали одним из ведущих мотивов советских mass-media, одной из самых распространенных тем советской литературы периода 30-х гг.²⁵. Недоумение персонажей в связи с понятием «трудящиеся» в минорном финале повести звучало негромким, но явным диссонансом по отношению к массовому хору.

Формально писатель не отступает от стереотипа: борцы за революцию — герои. Однако изображение этих героев откровенно ориентировано не на жизненные, а на литературные образцы.

Поведение таких персонажей у Меттера заранее «задано» их типологической формулой. Таковы революционные матросы, «братишки». Два матроса, преследуемые белогвардейцами, пытаются укрыться в доме, заселенном евреями. Широкие плечи, хриплые голоса, татуировки, широкие брюки, большие револьверы, насмешки над убийцами за минуту до смерти, мужественная гибель — все это легкоузнаваемо по произведениям советской литературы периода 20-х гг.²⁶

На поэтику плакатной живописи времен революции, с ее схематизмом, одномерностью, преувеличениями, ориентирован образ Абрама: у него громовой голос, недюжинная сила, он с легкостью одолевает врагов. Явная ориентация на литературно-художественные образцы при изображении «положительных» борцов за советскую власть призвана была заменить отсутствие у автора убедительных жизненных прототипов. В то же время отклонение от литературной типологии у Меттера было связано с национальной самоидентификацией писателя: критерием положительной оценки немногих представленных в повести борцов за революцию является их отношение к евреям. Заступается за еврейских мальчиков военный, представляющий советскую власть. Красные матросы перед лицом смерти отказываются выдать белым евреев, которые оказали им помощь.

Запечатленное в «Конце детства» национальное самосознание писателя «датировано» конкретной эпохой. Это проявилось, в частности, в том, что он не избежал некоторых иллюзий советского еврейства периода 30-х гг. И в этом отношении «Конец детства» — интересный документ истории российского еврейства на том ее этапе.

Еврейский мир в повести представлен в восприятии автобиографического персонажа, восьмилетнего мальчика Вени Тарвида. Однако рассказ о его жизненных впечатлениях ведется в третьем лице — от имени автора. Совмещение точки зрения ребенка, участника и очевидца событий, с точкой зрения автора, который по своему усмотрению отбирает, интерпретирует, оценивает факты, позволило сочетать эффект достоверности со взглядом на происходившее из середины 30-х гг. Точка зрения автора всегда является продуктом своей эпохи. В данном случае она отразила мироощущение и ценности, «еврейский опыт» и «еврейскую информацию» писателя-еврея, «датированные» пе-

риодом, когда «еще не было даже намек на публичную антиеврейскую пропаганду, не было никакой дискриминации или насильственных действий против евреев, никакого внушения презрения, подобного тому, что имело место до 1917 года»²⁷. Массовая миграция еврейства за пределы бывшей черты оседлости, отрыв от мест компактного проживания и, соответственно, от традиционного образа жизни, доступ к образованию, активное освоение русского языка и русской культуры — все это в сочетании с интернационалистской фразеологией властей способствовало иллюзиям о скором исчезновении национальных различий и антисемитизма. Не свободен от этой иллюзии и молодой Израиль Меттер, хотя он в меньшей мере, чем современные ему авторы-евреи, писавшие на еврейскую тему, придерживался официальных идеологических клише.

Иллюзия национального благополучия находит свое выражение в том, что автор не ориентирован на возможное восприятие его повести антисемитски настроенным читателем. Он, в частности, игнорирует существование одного из распространенных юдофобских мифов о бедствующем коренном населении и благоденствующих евреях. Этот миф настойчиво повторялся антисемитской пропагандой в разные времена²⁸. Изображая еврейский двор на Рыбной, 28, где проживали только две русские семьи, молодой писатель сообщает своим читателям, что сыновья русского водопроводчика Юхим и Костик «жили на положении бедного нацменьшинства», что «основной пищей семейства Моргун был хлеб, густо натертый чесноком», в то время как «большинство семей, проживающих в доме, жило довольно сытно», что «Юхиму и Костику было нестерпимо тяжело смотреть на ребят, уплетающих молоко, масло, яйца»²⁹. Уже с начала 40-х гг., когда антисемитские настроения резко возросли³⁰, писатели-евреи не могли позволить себе подобных противопоставлений, поскольку они служили бы подтверждением антисемитских мифов. Позднее не мог позволить себе подобного и сам Израиль Меттер. Во второй половине 60-х гг. в биографической повести «Пятый угол» еврейский двор на Рыбной, 28, назван «нищим двором»³¹. Отсутствием ориентации на возможное антисемитское восприятие, отсутствием опасений всколыхнуть антиеврейские настроения показом негативных свойств евреев мироощущение молодого Меттера было сходно

с таковым у Исаака Бабеля в рассказах середины 20-х — начала 30-х гг.³² или у Ильи Эренбурга в романе «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» (1927). Позднее, после массового геноцида евреев в годы второй мировой войны, в обстановке государственного и массового антисемитизма советские писатели-евреи избегали смеяться над специфическими национальными свойствами или традициями еврейства. В этой связи примечательно признание Ильи Эренбурга о причине, побудившей его исключить «Бурную жизнь Лазика Ройтшванца» из собрания своих сочинений, готовившегося в начале 60-х гг.: «Я не включил эту книгу в собрание своих сочинений не потому, что считаю ее слабой или отрекаюсь от нее, но после нацистских зверств опубликование моих сатирических страниц мне кажется преждевременным»³³. Хотя и в 60-е гг. Эренбург не мог сказать всей правды, почему писатель-еврей не позволял себе смеяться над своими соплеменниками, его признание достаточно красноречиво.

Изображая дореволюционный еврейский мир, молодой Меттер затрагивает такие вопросы, которых никогда не посмел бы коснуться писатель-еврей всего через 5—6 лет. Так, сюжетная линия студента-медика Давида Шепшелевича обращает читателей к вопросу о правомерности патриотических чувств еврея к стране, где он подвергается дискриминации. Зачисленный в начале первой мировой войны в пехоту, еврейский юноша рвется «защищать Россию от немцев»³⁴. Россия для него — родина. Его оппонент, старый еврей Каданер, убежден: еврей не может считать своей родиной страну, где его притесняют за то, что он еврей: «Может, вы еще скажете, что Россия — моя Родина?.. Тогда мне непонятно, почему на моей собственной дорогой родине каждый прохвост может плюнуть мне в лицо!.. Я должен отдавать половину своих денег какому-нибудь паршивому околоточному надзирателю, чтобы он не выкинул моей перины на улицу!.. А Кишинев? Погромы в Кишиневе вы тоже считаете в порядке вещей? Так полагается на родине? Я плюю на нее!..»³⁵ Позицию Каданера Меттер представляет воплощением «еврейского опыта»: так думают и другие еврейские персонажи. Отец Вени Тарвида, чтобы не идти на войну, проглотил огромное количество лекарств; некий «дядя Гриша» вырвал себе «через один все зубы на верхней и нижней челюстях и таким образом

стал непригодным для военной службы»³⁶. Аргументация Каданера облачена в специфическую форму: характерные для евреев искажения русской речи, своеобразная ироническая логика, узнаваемые еврейские интонации³⁷. Все это представляло антипатриотическую позицию как сугубо национальную, обусловленную притеснениями. В споре между студентом и старым евреем автор стоит на стороне последнего. Он акцентирует превосходство Каданера, противопоставляя его страстную убежденность, основанную на исторических фактах, на еврейском опыте, растерянности и беспомощности молодого «патриота»: «слабо отбивался», «растерянно кивнул», «не мог придумать ни одного возражения» и т. п. Антипатриотизм евреев был и остается одним из самых устойчивых юдофобских стереотипов. Спустя несколько лет после опубликования повести, в годы второй мировой войны, утверждение, будто «евреи отсиживались в тылу», станет самым расхожим обвинением массового антисемитизма.

В 1935 г. писатель не пытается обойти или опровергнуть факты, которые могли бы служить аргументами для антисемитов. Не опровергает он и другой антисемитский стереотип: евреи — трусы. Решив отправиться на фронт, меттеровский персонаж хочет доказать, что это утверждение — «погромное вранье»: «Кругом все кричат, что мы трусы... Я хочу доказать, что мы тоже умеем защищать родину... Наша нация очень воинственная: вспомните Маковеев...»³⁸ Декларации еврейского персонажа остаются в повести нереализованными. Даже там, где сюжет без натяжек позволил бы показать безосновательность «погромного вранья» (потеря ноги на войне, эпизод гибели Давида), Меттер не пытается это сделать. Сцена, в которой безногий Давид, поддерживаемый старыми родителями, рванул на помощь красным матросам, дана без акцентов, без малейшей попытки представить Давида храбрецом. Подобная концепция автора объяснялась осознанным или неосознанным ощущением неопасности антисемитских мифов. Подобное ощущение характеризовало национальное сознание значительных кругов еврейства только на конкретном ограниченном отрезке советской истории.

Особенности отношения молодого Меттера к еврейским традициям могут стать более очевидными при сопоставлении его со старшим современником Исааком Бабелем.

В «Конец детства» вошла особая коллизия, связанная с еврейским обычаем выбора имени для новорожденного. Четырьмя годами раньше обряд обрезания и выбора имени для еврейского младенца лег в основу сюжета бабелевского рассказа «Карл-Янкель» (1932). Каждый из писателей представил эту коллизию в комической интерпретации.

Писателей разделяла пятнадцатилетняя возрастная дистанция, несопоставимый жизненный, творческий и национальный опыт. И. Бабель к началу 30-х гг. был зрелым человеком и многоопытным писателем, знавшим еврейство не понаслышке³⁹. Молодой И. Меттер в этот период был аккультурированным евреем: не знал ни иврита, ни идиша, был далек от национальной культуры, от еврейских традиций. Его отношение к национальным традициям представляет интерес, поскольку было симптоматичным для целого поколения, отрочество которого прошло уже при советской власти. Сопоставление с писателем-современником, евреем старшего поколения, позволяет увидеть специфику национального самосознания, формировавшегося под воздействием ценностей и идеологических стандартов своего времени.

В рассказе Бабеля «Карл-Янкель» причина конфликта между отцом и родственниками ребенка со стороны матери — разное отношение к национальным обычаям. Брана Брутман, которая «не могла перенести мысли о том, что внуки ее не будут евреями»⁴⁰, и ее зять-партиец, для которого еврейский обряд, совершенный над его сыном, — «несчастье», олицетворяют два полярных типа еврейской идентичности в советской действительности начала 30-х гг.

На суде над «малым оператором» Нафтулой Герчиком и бабушкой новорожденного Браной Брутман прокурор, адвокат обвинения, истец — евреи. Бабель представил одно из самых неприглядных явлений в истории советского еврейства — уничтожение национальных традиций и образа жизни руками самих евреев.

Сатирическое изображение суда, комическая утрировка образов «гонителей» национальных традиций однозначно свидетельствовали об авторской позиции.

В облике Самуила Лининга, который бичует мать младенца как соучастницу «преступления», обозначена единственная деталь — «рыбий ряд синих зубов», издающих треск. Символиче-

ский смысл этой детали (злобная хищность), ее негативная тональность отражают полное авторское неприятие. Гонитель еврейских традиций грозный прокурор Орлов оказался вовсе не Орловым, а сыном мосье Зусмана, благополучно прошедшим в младенчестве через руки «малого оператора». Нафтула Герчик с его одесским жаргоном, замешенным на иронии, остроумной метафоричности, еврейских интонациях, выставил на осмеяние комическое несоответствие в образе грозного прокурора Орлова. Этот персонаж окружен плотной атмосферой смеха, спровоцированного обвиняемым Герчиком: «И вот мы видим, что вы выросли большой человек у советской власти и что Нафтула не захватил вместе с этим куском пустяков ничего такого, что бы вам потом пригодилось»⁴¹. Автор привлекает внимание к комичности Орлова-Зусмана, то сообщая о «громовых залпах хохота», то включая в повествование записку приятеля, адресованную Орлову. Содержание записки: «Ты баран, Сема, убей его иронией, убивает исключительно смешное»⁴² — еще раз обращает внимание читателей на то, что произошло с самим грозным прокурором, над которым потешается весь зал. Стремление автора представить в комическом свете евреев, искореняющих национальные традиции собственного народа, желание поставить на этом комизме особый акцент свидетельствовали об активной национальной самоидентификации Бабеля.

Уже при первом упоминании об отце младенца, «записанном кандидатом партии», отношение к нему заявлено от лица некоего собирательного «мы»: «Поля выбрала Овсея Белоцерковского. Мы не поняли этого выбора»⁴³. Как и в случаях с другими гонителями национальных традиций, авторское отрицание отчетливо проявляется в сатирической интерпретации образа партийца. Его портрет построен на гротескной метаформе: «Солнце падало на его лицо, набитое перекладинами мелких и злых костей»⁴⁴. Бабель заостряет комические противоречия в системе ценностей, в логике и лексике Белоцерковского. В глазах отца-партийца приоритетное значение имеет не рождение первенца, а количество собранных жмыхов — побочного продукта, остающегося при получении масла из семян. Все его заявление суду построено на комических несоответствиях между бытовыми явлениями, о которых он пишет, и канцелярски-бюрократическими штампами, к которым он прибегает при этом: «указал назвать

сына Карлом, *в честь учителя Карла Маркса*»; «раскачивала люльку, что является устарелым» и др. (курсив мой.— Р. Г.)⁴⁵. Весьма существенно, что еврея, преследующего своих родственников за соблюдение национальной традиции, Бабель представляет исполнителем партийной воли. Поведение Белоцерковского основано на этических нормах, обязательных для партийцев. С этими нормами у данного персонажа связан приоритет «общественного над личным», обращение к секретарю ячейки за советом по семейным делам, хвастливая гордость «полным содействием» со стороны «укомов партии». Ролевое поведение «партийца» Бабель выдвинул на передний план, исключив все его индивидуальные чувства. Писатель счел необходимым сообщить читателям, что совет «двинуть это дело» Белоцерковский получил от секретаря ячейки, а показательный процесс «решила устроить» одесская прокуратура. Тем самым Бабель расширил социальный диапазон своей сатиры: она направлена не против конкретных лиц, она обращена против социального явления — инспирируемого партией и государством уничтожения национальной жизни еврейства. В рассказе Бабеля смешны не только гонители еврейских традиций, но и их носители, и в частности Нафтула Герчик. Но эстетическая природа комического при этом принципиально иная. В основе смеха над Нафтулой лежит уходящее корнями в глубь веков «карнавальное мироощущение». На древних народных празднествах царило особое веселье, связанное с отменой на время праздника (карнавала) всех запретов и ограничений, соблюдавшихся в повседневной жизни, — страха, благоговения, этикета и т. д.⁴⁶. Смех над Нафтулой, с его ренессансной жадой жизни, с подчеркнута плотской природой этого персонажа, — образец типично карнавального веселья. Такой смех в данном контексте утверждал превосходство носителя национальных традиций над гонителями этих традиций. Таким образом, выбор изобразительных средств обнаруживал национальное самосознание автора. Неприятие Бабелем гонителей национальных традиций было всеобъемлющим. Оно проявлялось, в частности, и в показе реакции на происходящее тех, кто присутствовал в зале суда: они хохочут над прокурором; требуют прервать заседание и покормить еврейского ребенка; работница-киргизка дает еврейскому младенцу грудь; «девочка лет семнадцати» вытирает его

клеенку, обе они умиленно рассуждают о будущем малыша. Эту интернациональную идиллию писатель помещает под портретом Ленина, знаменами и диаграммами. Символика эпизода кормления еврейского ребенка киргизкой в таком интерьере весьма прозрачна: не преследование национальных традиций, а интернационализм тружеников — истинное порождение революции. Прямолинейная дидактичность сцены под портретом Ленина призвана была смягчить обличительный смысл рассказа, в котором отталкивающие гонители еврейских традиций представлены выразителями партийно-государственной политики. За этой сценой стояла весьма распространенная иллюзия: Ленин, его идеи были высокими и справедливыми, но их исказили.

Рассказ «Карл-Янкель» запечатлел позитивный идеал писателя. Описание семьи Иойны Брутмана, вынесенное в начало рассказа, — это авторская модель идеальных взаимоотношений между теми, кто придерживался национальных традиций, и теми, кто отошел от них. Эта семья — образец счастливого сосуществования верующей жены и неверующего мужа. Брана самозабвенно предана хасидизму: два раза в неделю она ходила в синагогу, «платила дань эмиссарам, которых рассылали по южным губерниям галицийские цадика», для нее непереносима мысль, что ее внук не пройдет обряд обрезания. Ее муж при этом «не вмешивался в отношения жены своей к богу»⁴⁷. Авторская оценка такого союза — описание сыновей, рожденных от этого брака. Диапазон ценностных критериев, с позиции которых Бабель стремился убедить в достоинствах этих молодых, очень широк. Огромного роста, физически здоровые и крепкие, они, по словам автора, свидетельствовали «о могуществе сил, тайно живущих в природе»⁴⁸. Сыновья хороши и с нравственной точки зрения — именно таков смысл упоминания об их трогательном отношении к отцу⁴⁹. Сыновья Иойны хороши и с точки зрения сугубо «советских» ценностей. Ориентируясь на читателей начала 30-х гг., желая убедить их в благодатности союза личностей с разным мирозерцанием, Бабель наделяет сыновей неверующего Иойны и набожной Браны достоинствами, неоспоримыми с позиции официальной идеологии: сыновья воевали за советскую власть, один из них погиб за революцию, другой был командиром казачьего полка. Третий сын стал рабочим на

заводе, то есть приобщился к классу, перевозносимому пропагандой в качестве «гегемона».

Рассказ отразил стремление Бабеля остаться в границах идеологического стереотипа: советское настоящее лучше досоветского прошлого. Следуя этому стереотипу, автор пытается сказать концовкой рассказа: происходящее вокруг Карл-Янкеля — примета новой лучшей жизни. «Я вырос на этих улицах, теперь наступил черед Карл-Янкеля, но за меня не дрались так, как дерутся за него, мало кому было дела до меня»⁵⁰. Из рассказа между тем вовсе не следует, что интерес к еврейскому младенцу, выразившийся в суде, является для него благом, которому можно завидовать. Одна сторона, «дерущаяся» за Карл-Янкеля, — Орлов-Зусман, Лининг, Белоцерковский, а вместе с ними и направляющая их партийная власть, — представлена отталкивающей. Авторское негативное отношение к этим персонажам не оставляет сомнения. Противостоящие им молчаливая Брана Брутман, Нафтула Герчик со своим юмором, безмолвные галицийские цадики, специально приехавшие на процесс, «где, по словам варшавских газет, собирались судить еврейскую религию»⁵¹, мать младенца Поля — все эти персонажи либо окрашены авторской симпатией, либо нейтральны, в отличие от высмеиваемых гонителей национальных традиций. Но они вовсе не изображены борцами. Поля Белоцерковская — единственная, кто пытается выступить в защиту матери, взывая к здравому смыслу и пониманию судей. Однако она настолько слаба, что падает в обморок здесь же, в зале суда. Выраженное в концовке удовлетворение по поводу того, что за Карл-Янкеля «дрались», выглядит неубедительной данью стереотипу. Последняя фраза рассказа: «Не может быть, — шептал я себе, — чтобы ты не был счастлив, Карл-Янкель... Не может быть, чтобы ты не был счастливее меня...» — звучит не как убеждение автора, а как заклинание. Содержание рассказа значительно убедительнее его концовки, подогнанной под идеологический шаблон.

В отличие от Бабеля, у которого обряды обрезания и присвоения имени новорожденному полны национального смысла, Меттеру национальное содержание и национальная конкретика этого обряда представляются несущественными. Рассказывая о том, что «обряд обрезания прошел, а мальчик плакал и смеялся, не имея имени», автор пренебрегает элементарной точностью:

обрезание и присвоение имени у евреев одновременны. Начинаящий писатель, родившийся в семье, соблюдавшей национальные традиции, но с отрочества живший при советской власти и дышавший атмосферой нетерпимого атеизма, видит в обряде только «пережиток», уходящий в седую древность. Именно в этом качестве — не как национальное проявление, но как анахронизм, восходящий к общей древней фазе человеческого развития,— он неприемлем для молодого писателя: «Вероятно, этот обычай идет еще из языческой древности, когда верили в переселение душ»⁵². Шкала его ценностей в вопросах национально-религиозных традиций адекватна официальной: всякая вера — пережиток, старое — негодно. Ущербность ценностных критериев молодого автора не могла не сказаться на художественных достоинствах, и в частности на характере смеха. В отличие от разящего и отточенного комизма бабелевского рассказа, смех молодого Меттера в связи с этой коллизией вымучен и надуман: в основу комических эффектов здесь положены либо искусственная комическая ситуация, либо несоответствие незначительного повода остроте родительских переживаний⁵³.

В первой повести Меттера крупным планом поставлена проблема антисемитизма. Внимание к этой проблеме, выбор ее аспектов, особенности их интерпретации позволяют видеть своеобразие национального самосознания писателя в середине 30-х гг.

В поле зрения автора — бытовой антисемитизм. Вряд ли это составляло осознанную цель автора, однако объективно анализ детских ощущений литературного героя представлял читателям упрощенную, но выразительную модель возможных реакций аккультурированного еврея на национальную ненависть к себе. Не особый уклад жизни, не различия национальных традиций — антисемитизм не позволяет мальчику забыть о своем еврействе: «Он — Веня — и все его родственники и приятели — евреи. Евреи бывают добрые и злые, справедливые и несправедливые, но они никогда не бывают так злы и несправедливы, как Костик и Юхим. Они были его внутренними врагами. Иногда Вене казалось диким, непонятным, почему он, такой же мальчик, как и двое детей Моргуна, живет на каких-то ограниченных правах. Например, ни к Костику, ни к Юхиму никто никогда не догадался бы подойти на улице и потребовать произнести слово «кукуруза»⁵⁴.

Антисемитизм предопределяет тяготение еврея к себе подобным: еврейская гимназия «Тарбут» нравится юному герою тем, что «любая вражда могла существовать в этой гимназии, кроме национальной. И в «Тарбуте» исправно дрались и рвали друг другу одежду, но это была законная драка»⁵⁵. Критерий оценки национального образования, переданный юному литературному герою, весьма примечателен: он свидетельствует о позитивном отношении автора к автономным формам национальной жизни в период интенсивной ассимиляции советского еврейства.

Ощущая ненависть к себе со стороны антисемитов, юный герой Меттера по-своему ищет пути преодоления этой ненависти. Так, он пытается избавиться от тех внешних признаков своего еврейства, которые особенно ненавистны окружавшим его неевреям. Он пытается таким путем приспособиться к «претензиям» антисемитов. Мальчик тренируется в произнесении буквы «р» «с тщательностью и старанием актера, преодолевающего картавость». Однако этот способ оказывается безрезультатным: «...он прекрасно знал, он слышал с предельной ясностью, что произносит его не хуже, чем этот шепелявый и гнусавый Костик, но все равно неизменно после произнесения «кукурузы» его ругали "жидовской мордой"»⁵⁶. Литературный герой на собственном жизненном опыте постигает бесполезность еще одного пути — попытки растопить сердце антисемита добротой. Тронутый горем своего давнего притеснителя Юхима, Веня Тарвид решает отдать ему часть своего «сокровища». Он протягивает Юхиму никелированную пуговицу: «— На, мне не жалко,— сказал он, не глядя на пуговицу.— Жид! — коротко ответил Юхим»⁵⁷. Понимание невозможности изменить отношение антисемитов к еврею, сознание того, что незримая национальная граница непреодолима для еврея, отразившиеся в первой повести молодого Израиля Меттера, и поныне не утратили своей актуальности.

Повесть «Конец детства» запечатлела отношение автора к разным типам реакции евреев на антисемитизм. Старший брат Вени Давид, в гимназическом классе которого было всего два еврея, терпеливо сносит постоянные побои соучеников и старшеклассников. Средний брат Изя, напротив, оказывает отчаянное сопротивление не только соученикам по казенной гимназии, но и педагогам-антисемитам. Молодой Меттер не приемлет

непротивления антисемитизму. Это находит свое выражение в отношении самого автора и его автобиографического героя к Давиду. Писатель сообщает о нелюбви Вени к Давиду, а о побоях, которым подвергался старший брат, пишет не только без участия, но даже с иронией: «У Давида от этих постоянных побоев уже выработалась некоторая медицинская осведомленность. Он знал, в каком случае следует прикладывать к синякам компресс, а в каком можно просто ограничиться холодной медной бляхой от гимназического пояса»⁵⁸. Иначе оценивает писатель бесстрашное противодействие антисемитам среднего брата. В повествование включен эпизод о конфликте мальчика с антисемитом-педагогом. Входя в шумный класс, учитель русского языка кричит: «Что вы орете, как в жидовской синагоге?» С последней парты поднялся раскрасневшийся маленький Тарвид и в полной тишине спросил: «— А вы были когда-нибудь, господин учитель, в синагоге? — Был,— растерявшись, ответил учитель.— Врете! Туда свиней не пускают»⁵⁹. Приведенный эпизод содержит все жанровые признаки анекдота — краткость, остроумную и неожиданную концовку, сатирическую окраску. Подобно анекдоту, этот эпизод не претендует на достоверность. Анекдот, в котором маленький еврейский мальчик посрамляет взрослого, имеющего над ним власть антисемита, героизирует не столько находчивость, сколько гордое достоинство и отвагу еврея. У Теодора Рейка, предпринявшего попытку собрать и сгруппировать по тематике образцы еврейского юмора, представлена группа шуток, отразивших «веру во всемогущество мысли»⁶⁰. Однако в его классификации отсутствуют шуточки, утверждающие отвагу и достоинство евреев. Анекдот, превозносивший эти свойства еврейского мальчика, отразил специфический юмор Меттера, за которым стояла национальная самоидентификация молодого писателя.

Те же свойства воплощает автор в образе уже упоминавшегося силача Абрама, устрашающего антисемитов из латышской гимназии. Абрам не может простить евреев, и в их числе своего отца, за то, что они не оказали сопротивления погромщикам: «— Все евреи — идиоты!— гремел Абрам...— Я никогда не был на еврейском погроме. Моему отцу во время погрома отрубили полбороды вместе со щекой... Я был в это время с братом в другом городе и увидел отца два года назад ... Я говорю

ему: папа, в вашем возрасте надо носить или целую бороду, или совсем бриться... Что это за мода носить полбороды? Я хочу посмотреть на вашего парикмахера, это каторжник, а не мастер. Вы меня кормили, папа, до трех лет, и я хочу посчитаться за своего отца. «Абрам,— сказал мне отец,— я не помню зла на людей!» Двадцать четыре окна я успел разбить раньше, чем побежали за полицией, десять дверей я высадил, пока прибыла полиция, и всю наличную мебель я поломал уже на глазах у полиции...— И вас арестовали, Абрам? — вежливо осведомился Веня...— Кого арестовали? Меня?.. Что значит арестовали? Конечно, арестовали, а мне разница, где жить!»⁶¹ Абрам не приемлет покорности и всепрощения отца, который «не помнит зла» на погромщиков. Готовность Абрама противопоставить погромщикам силу явно импонирует автору. Свидетельством этому служит юмор, поощряющая усмешка писателя.

Убеждение молодого Меттера в необходимости для евреев активного противодействия национальному притеснению нашло свое отражение в отношении к еврейской самообороне.

Слабость дружины еврейской самообороны, изображенной в «Конце детства», соответствовала исторической правде: «еврейская самооборона.. не могла противостоять гораздо более многочисленным и лучше вооруженным погромщикам — петлюровцам, деникинцам, крестьянским бандам»⁶². Но то, как этот исторический факт воспроизведен в повести, обнаруживает национальные чувства молодого писателя. Рассказывая о дружине еврейской самообороны, остановившейся во дворе дома 28 на Рыбной улице, Меттер упорно подчеркивает молодость дружинников. Свидетельства этой молодости настолько многочисленны, что создают художественную доминанту: «Это были в большинстве студенты первых курсов и гимназисты последних классов». «Они не участвовали еще ни разу в боях. Упражняться в стрельбе им негде было, и вряд ли половина из них умела как следует прицелиться в мишень из винтовки». Юноша-командир отдает приказы «детским голосом». На учениях дружинники «путают ноги». Непричастность к военному делу подчеркивает их внешний облик⁶³. Еще одна черта дружинников воплощена символически — постоянными упоминаниями о несгибаемости их обреченного на смерть командира. Схваченный гайдамаками раненый командир, о молодости которого автор напоминает

шесть раз на протяжении нескольких страниц, «шел, необыкновенно твердо ставя ноги». От удара в раненую голову он падает «не сгибаясь». Привязанный к лошади без сознания, он «сидит в седле не сгибаясь». Обе доминирующие особенности — неопытность и несгибаемость — противопоставлены грубой силе, дикой пьяной удали гайдамаков. Контраст сообщает эпизоду о поражении еврейской самообороны трагическое звучание, за которым — авторское отношение к стремлению евреев постоять за себя.

Будучи сторонником активного противодействия антисемитам, Израиль Меттер в то же время был далек от какой-либо конкретной национально-политической идеи. В частности, он обнаруживает неприятие сионизма. Однако его позиция по отношению к сионизму не имела ничего общего с разновидностями антисионизма, порожденными коммунистической идеологией на разных ее этапах⁶⁴. У Меттера отрицание сионизма было связано с неверием в возможность создания еврейского государства. Движимый этим неверием, писатель называет «враньем» речь директора «Тарбута», в которой тот убеждает гимназистов и их родителей, что евреи «должны превратиться из талантливых квартирантов в правителей страны в Палестине». В тех ситуациях, где директор проповедует сионизм, его образ подвергнут комической утрировке. Одновременно объектом авторской насмешки становятся и те, кто, не веря в сионистскую идею, формально демонстрирует приверженность этой идее⁶⁵. Такая направленность смеха не имела ничего общего с официальным советским антисионизмом. Зато есть несомненные точки соприкосновения с образцами «еврейского остроумия» (*Jewish Wit*), приводимыми в упоминавшейся книге Теодора Рейка, которые были отобраны автором из художественного творчества и фольклора евреев в «свободном мире». «Идея основания еврейского государства на религиозной и национальной основе поражала евреев своей бессмысленностью как идущая вразрез всему духу исторической эволюции», — писал Рейк, поэтому она становилась объектом насмешек в определенных кругах европейского еврейства⁶⁶. Основа для меттеровского смеха над «сионизмом» директора и родителей в данном случае была той же.

Изображая еврейский мир, Меттер охотно смеется над ним. Но при этом он не смотрит на этот мир глазами постороннего,

склонного подмечать этнически чужеродное. Не освобождая своих персонажей от национального колорита, он делает объектом осмеяния не столько сугубо национальные свойства, приписываемые именно евреям, сколько свойства общечеловеческие. Типология его комических персонажей легкоузнаваема: она восходит не к негативным стереотипам евреев, бытовавшим в нееврейской среде (евреи скупы, евреи хитры, евреи предатели и т. п.), но к мировому фольклору, к классической литературе — сварливая свекровь, лекарь-плут, ловкий сват. Дед героя по отцовской линии Илья Тарвид, выпытывая у пациента диагноз городского «светила», чтобы выдать его за свой, смешон не как хитрый еврей, а как лекарь-плут. Обличительный эффект при этом смягчен за счет того, что в этом эпизоде хитрят оба — еврей-фельдшер и его пациент, чья национальность не оговорена. Пациент скрывает от лекаря, что он уже побывал у «светила» и явился выяснить подробности, о которых не удалось расспросить глухого «профессора», а заодно и удостовериться в диагнозе. Смягчению обличительного эффекта служит и то, что плутоватый фельдшер представлен личностью одаренной: он изобрел мазь от стригущего лишая, принесшую ему заслуженную славу. Свидетельством всеобщего признания достоинств плутоватого фельдшера служит описание его похорон, в которых участвует весь город. Смягчение комизма еврейских персонажей побуждает вспомнить суждение З. Фрейда об особенности смеха еврея над евреями: «Шутки евреев представляют смешными также и слабости самих евреев, но при этом они знают свои достоинства так же хорошо, как и свои недостатки»⁶⁷. Такую особенность меттеровского смеха можно наблюдать при изображении еврейских персонажей «Конца детства». «Шадхан» Голдин, комически обосновывающий, что именно «шадханы» «наводняют землю мыслителями и миллионерами»⁶⁸, предстает не только как ловкач, наживший два дома, но и как человек с богатым воображением, умеющий создать праздник: мать Вени, несмотря на несчастливый брак, всю жизнь помнила первое знакомство с будущим мужем, организованное Голдиным на катке.

Выбор комических объектов в первой повести Израиля Меттера свидетельствовал об авторской причастности к еврейскому миру, о знании этого мира изнутри. Один из эпизодов расска-

зывает о шалостях старшего брата Вени Давида и его попытках избежать наказания. Размахивая в темноте горячей бумагой, Давид пугает брата криками «Ашмодай!.. Ашмодай!», а потом, желая смягчить наказание скорого на расправу отца, прибегает к аргументу: «— Я все время читал... Я могу, папа, рассказать, что я прочитал за целый день,— вспоминал Давид «Шехерезаду».— У меня не было времени делать пожары.— Но Шахрияр был много наивнее Якова Ильича Тарвида, и поэтому наказание никогда не откладывалось до утра»⁶⁹. Представляется, что юмор этого эпизода — образец Jewish Wit. Дело не только в том, что имя еврейского злого духа звучит не в распространенной русской транскрипции — «Асмодей», но в его еврейской, восходящей к ивриту, огласовке (от ивритского глагола «ле'ашмид»). Защитная аргументация Давида специфична, она ориентирована на ценности еврейских родителей. Объем прочитанного как достоинство, как критерий позитивной оценки ребенка связан не только с древней традицией народа книги, но и с тем, что в условиях дореволюционной России, при жесткой процентной норме приема евреев в учебные заведения, с детским усердием в чтении были связаны надежды еврейских родителей на будущее своих детей. В том, как мальчик пытается добиться прощения, отражен еврейский опыт юного персонажа, за которым стоял еврейский опыт автора. Сравнение обыденной, прозаичной ситуации с экзотической коллизией арабской сказки создает эффект мягкой насмешки. За такой тональностью юмора — признание находчивости еврейского мальчика, беззлобности и справедливости отцовского наказания. И объект насмешки, и его тональность в данном случае обнаруживали национальную идентификацию автора.

Национальное самосознание автора предопределяет его ценностные критерии, а в связи с ними — тональность его образов. Богатая госпожа Цукерман — образ юмористический. Объектом авторской насмешки служит неумное тщеславие богатой дамы. Однако в эпизоде с художником-националистом, который без согласия хозяйки нарисовал на стенах ее гостиной «истинно русский» город с городовым и церквями, социально-этический критерий авторской оценки этого юмористического персонажа отступает на второй план. Тщеславная богачка утрачивает свой комизм. «Уберите его! — указала хозяйка пальцем

на городского.— Я думаю устроить в этой комнате столовую, и меня стошнит от него, господин Тихонов... Сделайте на улице такую ночь, чтобы крестов не было видно... Крест подразумеваете, пожалуйста, в вашей голове...»⁷⁰ Из объекта осмеяния госпожа Цукерман превратилась в выразителя насмешливо-иронического взгляда на творение русского националиста. Исчезновение негативной тональности связано с тем, что еврейский персонаж обнаружил национальное достоинство. Изменение авторского отношения свидетельствует о приоритете национального критерия над социально-этическим.

Первая биографическая повесть Израиля Меттера отразила национальное самосознание писателя, соотнесенное с конкретным этапом истории советского еврейства. Не избежав некоторых иллюзий своих соплеменников, молодой Израиль Меттер в то же время не подпал под ложное обаяние идеи интернационализма в ее официальной интерпретации, не следовал идеологическим стереотипам при подходе к национальной проблематике. Это явилось важной предпосылкой той эволюции, которую предстояло проделать национальному сознанию писателя в будущем.

¹ Израиль Моисеевич Меттер (22.IX(5.X). 1909, Харьков — 7.X. 1996, Санкт-Петербург). С 1929 года жил в Ленинграде. В конце 20-х — начале 30-х гг. преподавал математику в Ленинграде и Свердловске. Во время немецкой блокады города (1941—1944 гг.) работал на Ленинградском радио, в соавторстве с Л. Левиным написал пьесы «Наш корреспондент» (1942) и «Северное сияние» (1943). Автор экранизированной повести «Мурат» (1960) и многочисленных сборников рассказов и повестей: «Первый урок» (1956), «Встреча» (1957), «Обида» (1960), «По совести» (1965), «Люди» (1968), «Разные судьбы» (1973), «Пути житейские» (1974), «Среди людей» (1979), «Свидание» (1982), «Встречи и расставания» (1984), «Не порастет быльем» (1989), опубликованных издательствами «Советский писатель» и «Художественная литература». С еврейской проблематикой связана биографическая проза писателя: повесть «Конец детства», роман «Пятый угол» (1958—1964; опубл. в 1989), «Поселковые заметки» (1965—1988), повесть «Родословная» (1992), рассказы «По ту сторону» и «Большой дом» (1993), публикации на страницах еврейской независимой газеты «Ами».

² *Меттер И.* Мы и я // Ами: Еврейская независимая газета. 1994. 15.08.

³ Многие периодические издания мира опубликовали положительные статьи и рецензии на эту повесть Меттера: *L'Espresso*. 1991. № 47-48; *Millelibry*. 1991. № 44; *L'Espresso*. 1992. № 7; *La Stampa*. 1994.11.01; *Corriere della Sera*. 1993.13.07; *Corriere della Sera*. 1993.4.02; *Cultura*. 1994.14.01; *Corriere della Sera*. 1994.31.01; *New York Review of Books*. 1992.30.01; *The Times (London)*. 1991.22.08;

New York Times Book Review. 1992.5.01. Vol. 97; Library Journal. 1991. 15.11. Vol. 16; Los Angeles Times Book Review. 1992.1.12; Choice. Ap'92. Vol. 29 и др. Российские рецензенты, открывавшие для себя этого писателя, с удивлением констатировали невнимание критики к столь талантливому и интересному беллетристу. «Повесть Израиля Меттера «Родословная» читаешь с чувством стыда: как редко в литературно-журнальном мельтешении встречается имя этого замечательного писателя. Одного из лучших. Умного, ироничного, с развитой эстетической совестью. Как мало мы его знаем...» (С. Т. [Рецензия] Литературная газета. 1992.17.04). Или: «Сказать по правде, критика не очень жалуется своим вниманием И. Меттера — прозаика, работающего в литературе давно и успешно» (Спивак П. О слове и деле // Дружба народов. 1984. № 12. С. 258). См. о том же: Крон А. О собаке или о человеке? // Искусство кино. 1965. № 1. С. 28) и др.

⁴ Меттер И. Память // Ами: Еврейская независимая газета. 1994.25.0. О том же см.: Меттер И. Поселковые заметки // Меттер И. Не порастет быльем. Повести. Рассказы. Поселковые заметки. Воспоминания. Л., 1989. С. 576.

⁵ В раннем очерке «Бердичев не в шутку, а всерьез» (1929) Гроссман стремился развеять «пристрастное и глумливое отношение к еврейским обитателям Бердичева» (см.: Елина Н. Василий Гроссман. Иерусалим, 1994. С. 12).

⁶ Coggiere della Sera. 1993.4.02.

⁷ Меттер И. Александр Александрович Крон // Меттер И. Не порастет быльем. С. 665.

⁸ Меттер И. Рыцарь // Меттер И. Не порастет быльем. С. 642—646.

⁹ Меттер И. Конец детства // Литературный современник. 1935. № 8.

¹⁰ Меттер И. Конец детства. Л., 1936. Далее цитирую это издание.

¹¹ Маркиш Ш. Русско-еврейская литература // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1994. Т. 7. С. 550.

¹² См. об этом: Gitelman Z. The Evolution of Jewish Culture and Identity in the Soviet Union // Jewish Culture and Identity in the Soviet Union. N.Y., 1991. P. 12—14.

¹³ Об антисемитизме М. Шолохова см.: Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943—1966. Иерусалим, 1993. С. 453. Отзыв Шолохова о «Повести о детстве» М. Штительмана см.: Лукин Ю. Повесть о далеком детстве // Штительман М. Повесть о детстве. М., 1974. С. 8.

¹⁴ Меттер И. Конец детства. С. 121.

¹⁵ Соседи собираются в квартире богача Цукермана, «чтобы коллективно разобраться в событиях» после начала революции; отец Вени приглашает к себе всех соседей, чтобы вместе послушать вернувшегося с фронта Давида Шепшелевича и т. п. (Меттер И. Конец детства. С. 66—67, 86).

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ «— Шесть человек на двенадцать комнат!.. Одна комната на полчеловека! ведь это разбой! Наука не знает такого случая! — А когда предлагаешь людям по-хорошему вселить в квартиру тридцать шесть богатырей.. львов, орлов, граждане квартирохозяева!.. так они хотят жаловаться на наши мероприятия!» (там же. С. 136).

¹⁸ Там же. С. 133.

¹⁹ Прибегая к понятию «национальная самоидентификация», опираюсь на

исследования историков и этнографов: *Herman S. N. Israelis and Jews. The Continuity of an Identity.* N.Y., 1970; *Pincus B. The Jews of the Soviet Union. The History of National Minority.* Cambridge University Press, 1989. P. 299; *Дробижева Л. М.* Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. № 5. С. 3—16; *Gitelman Z.* Op. cit. P. 3—23; *Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В.* Иудаизм в национальном самосознании российских евреев // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3(7). С. 121—144.

²⁰ *Pincus B.* Op. cit. P. 107.

²¹ В повести М. Штигельмана у ребе «грязные ногти», «маленькие, острые, желтые зубы», «злой голосок». Он бьет детей, и они платят ему ненавистью: «Учитель слег, и все мальчишки, желая ему добра и успехов главным образом на том свете, надеялись, что болезнь затянется» (Указ. соч. С. 24—28). Хедер у Б. Ямпольского — «продымленная комната, кишевшая клопами, пропахшая луком, чесноком и всеми сладкими и горькими еврейскими блюдами...» И ребе, и его помощник, бегельфер, нещадно секут учеников. Герой «Ярмарки» заявляет дома: «...пойду к речке и утошусь, если меня снова пошлют в хедер» (*Ямпольский Б.* Ярмарка // Красная новь. 1941. № 3. С. 36, 374).

²² *Гехт С.* Поучительная история. М., 1939. С. 18.

²³ *Меттер И.* Конец детства. С. 138.

²⁴ *Горький М.* Собр. соч.: В 30-ти тт. М., 1952. Т. 17. С. 141.

²⁵ См.: И. Эренбург. «День второй» (1933) и «Не перевода дыхания» (1935); В. Катаев. «Время, вперед!» (1932); Ф. Гладков. «Энергия» (1933); М. Шагинян. «Гидроцентральный» (1931); Л. Леонов. «Соть» (1929—1931); Я. Ильин. «Большой конвейер» (1934) и мн. др. Эта тема занимала и русско-еврейских писателей тех лет: «Маруся Журавлева» М. Эгарта (1934—1936); «Поучительная история» С. Гехта.

²⁶ См.: К. Тренев. «Любовь Яровая» (1926); Вл. Билль-Белоцерковский. «Шторм» (1926); Б. Лавренев. «Разгром» (1928) и др.

²⁷ *Robert S. Wistrich. Antisemitism. The Longest Hatred.* L., 1992. P. 175.

²⁸ Сопоставление обвинений против евреев у черносотенцев, нацистов и советских «антисионистов» провела Р. Окунева в исследовании «Несколько страниц странных аналогий» (Еврейский самиздат. Иерусалим, 1980. № 22. С. 12—18).

²⁹ *Меттер И.* Конец детства. С. 23.

³⁰ «Вторая мировая война всколыхнула массовый антисемитизм в масштабах, небывалых даже для царской России. Он распространялся с оккупированных немцами территорий и достигал даже партизанских отрядов и частей Красной Армии» (*Pincus B.* Op. cit. P. 139).

³¹ *Меттер И.* Пятый угол // *Меттер И.* Не порастет бьльем. С. 4.

³² См.: И. Бабель. «Одесские рассказы» (1923—1925), «Берестечко» (1924), «Рабби» (1924) и др.

³³ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. М., 1966. Кн. 6. С. 451.

³⁴ *Меттер И.* Конец детства. С. 50.

³⁵ Там же. С. 44.

³⁶ Там же. С. 44, 45.

³⁷ «— Но ведь война кончится скоро...— Простите, молодой человек, но я вас что-то не узнаю. Ваша фамилия Шепшелевич или Ллойд Джордж? Откуда вы *имеете такие новости*, что война скоро кончится? Я, например, старый еврей, *считаю, что половина России кончится раньше, чем война!*» (там же. С. 47—48).

³⁸ Там же. С. 50—51.

³⁹ В автобиографии, написанной в 1924 г. и выправленной в 1932 г., Бабель писал: «По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, Библию, Талмуд» (*Бабель И.* Соч.: В 2-х тт. М., 1991. Т. 1. С. 31). В новейшем исследовании о Бабеле Эфраим Зихер квалифицировал эту автобиографию Бабеля как «блестящий образец мистификации, которая могла бы послужить подходящей советской рекомендацией для создания впечатления, будто он изучал иврит и Талмуд только по настоянию отца» (*Sicher E. Jews in Russian Literature after October Revolution // Writers and Artists between Hope and Apostasy. Cambridge University Press, 1995. P. 73*). В контексте данной статьи важен тот факт, что Бабель был знаком с наследием еврейства, в отличие от его младшего современника, который был лишен этого уже независимо от своего желания и воли родителей.

⁴⁰ *Бабель И.* Карл-Янкель // Указ. соч. Т. 2. С. 167.

⁴¹ Там же. С. 166.

⁴² Там же. С. 167.

⁴³ Там же. С. 164.

⁴⁴ Там же. С. 169.

⁴⁵ Там же. С. 167.

⁴⁶ Как показал М. М. Бахтин, влияние карнавного мироощущения широко испытала на себе художественная литература начиная с поздней античности — в эпоху средневековья, Возрождения и далее. Традиции такого мироощущения живуч в творчестве Рабле, Сервантеса, Вольтера, Достоевского и др. (см.: *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 116—209).

⁴⁷ *Бабель И.* Карл-Янкель // Указ. соч. Т. 2. С. 163.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ «...Они сносили сухонького Иойну в воду, как сносят младенца» (там же).

⁵⁰ Там же. С. 170.

⁵¹ Там же.

⁵² *Меттер И.* Конец детства. С. 11.

⁵³ Ко дню рождения Вени его родители оказались «в небывало критическом положении: в запасе не оказалось ни одного умершего родственника». Они телеграфировали родным в Минск: «Поздравляем внуком. Дайте имя». Ответ пришел только через три недели, в течение которых в Минске ожидали смерти троюродного брата. В телеграмме значилось одно-единственное слово: Веня. Бабушка героя была скуповата и побоялась, что за длинное имя «Геннадий» возьмут двойную плату. Поэтому она написала в телеграмме сокращенное «Геня». Но телеграфист перепугал, и герой носил имя, противоречившее еврейским обычаям. После этого «отец махнул на сына рукой, а мать полюбила его еще больше, как горбуна или калеку» (там же. С. 12).

⁵⁴ Там же. С. 52.

⁵⁵ Там же. С. 55.

⁵⁶ Там же. С. 53.

⁵⁷ Там же. С. 61.

⁵⁸ Там же. С. 32.

⁵⁹ Там же. С. 33.

⁶⁰ См.: *Reik T. Jewish Wit. N.Y., 1962. P. 122—127.*

⁶¹ *Меммер И.* Конец детства. С. 56.

⁶² Краткая еврейская энциклопедия. Т. 7. С. 681.

⁶³ *Меммер И.* Конец детства. С. 109—112.

⁶⁴ Ионатан Френкель вычленил следующие четыре разновидности антисионизма, связанные с коммунистической идеологией на разных ее этапах. Первый тип антисионизма (1900—1906), по И. Френкелю, трактовал сионизм как попытку отвести энергию от дела социализма в буржуазное русло. Второй тип (начало 20-х — начало 40-х гг.) усматривал в сионизме инструмент империализма в борьбе против национально-освободительных движений. Третий, вошедший в практику со второй половины 40-х гг., «служил основным эвфемизмом для государственного антисемитизма, позволявшим советским средствам информации осуществлять атаки на еврейство». И наконец, четвертый тип — антисионизм как фактор в трехсторонних взаимоотношениях между СССР, Израилем и Арабским миром (*Frankel J. The Soviet Regime and Anti-Zionism: An Analysis // Jewish Culture and Identity in the Soviet Union. N.Y., 1991. P. 310—311.*)

⁶⁵ «Директор увлекался и врал... Говоря, директор крепко держал за спиной одной рукой другую, чтобы не жестикулировать, и поэтому казалось, что за его спиной происходила какая-то страшная немая борьба... При слове «Палестина», как по сигналу, матери взяли на изготовку носовые платки. Обычно после этого слова полагалось плакать...» (*Меммер И.* Конец детства. С. 42—43).

⁶⁶ *Reik T. Op. cit. P. 94.*

⁶⁷ *Freud S. Wit and its Relation to the Unconscious. L., 1916. С. 166.*

⁶⁸ *Меммер И.* Конец детства. С. 14.

⁶⁹ Там же. С. 21.

⁷⁰ Там же. С. 88.



Л. Шолохова (Киев)

ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ М. БЕРЕГОВСКОГО

В одной из своих первых теоретических работ по еврейскому фольклору — «Еврейское народное творчество», опубликованной в 1908 г., виднейший этнограф и литератор С. Ан-ский совершенно в духе времени писал о неизбежной для эволюции фольклора участи забвения отдельных образцов народной поэзии, обладающих значительной художественной ценностью. При этом многие интересные сюжетные мотивы, характерные элементы лексики, образные параллелизмы, семантические детали — словом, все те существенные поэтические нюансы, в которых только могла отразиться еврейская национальная психология, подвергались опасности реального исчезновения для памяти будущих поколений¹.

С. Ан-ский писал об этом, сравнивая собственный слуховой опыт с отраженным в материалах знаменитой антологии С. Гинзбурга и П. Марека² опытом своих современников-интеллигентов из различных губерний Российской империи. Естественно, что панорама народного творчества, воссозданная в данном сборнике путем опосредованной передачи информации от носителей фольклора к составителям через многочисленных корреспондентов, была неполной. Но сам факт публикации сборника давал повод к серьезным размышлениям о необходимости более активной и планомерной собирательной работы — о системном подходе к ее организации.

Прекрасная идея С. Ан-ского о систематическом исследовании жизненного уклада еврейского местечка воплотилась в организации знаменитой «Этнографической экспедиции барона Гинцбурга» 1912—1914 гг.³ и, следует заметить, многие годы спустя отозвалась в сходных маршрутах экспедиций уже советского периода, проводимых, начиная с 1929 г., Институтом еврейской культуры в Киеве.

Можно, таким образом, выделить два периода целенаправленной собирательской работы в истории еврейской фольклористики в России (затем в СССР). Первый более всего связан с экспедиционной работой С. Ан-ского — З. Кисельгофа, С. Ан-ского — Ю. Энгеля, с деятельностью Еврейского историко-этнографического общества и Общества еврейской народной музыки в Петербурге. От условного безвременья 20-х гг. этот период четко отграничен потрясениями первой мировой войны и ошеломляющими революционными бурями 1917—1918 гг. Второй период связан с деятельностью М. Береговского в Институте (с 1936 г. — кабинете) еврейской культуры в Киеве.

Безвременье 20-х гг. действительно можно назвать лишь условным. Хотя планомерной работы по записи фольклорных материалов в эти годы действительно не было, зато заметно активизировался творческий интерес композиторов к образцам еврейского музыкального фольклора. В 20-е гг. казалось, что первый этап по концепции Ю. Энгеля о создании еврейской национальной школы в музыке был уже позади: достаточное количество нужного фольклорного материала уже имелось и музыкальная элита приступила к осуществлению второго и третьего этапов по концепции Ю. Энгеля — обработке материалов и созданию самостоятельных музыкальных произведений в народном стиле.

Созидательная работа в области музыкального творчества переплеталась со сложностями идеологического переустройства общества — и тормозилась ими. Эмиграция музыкантов, увозивших с собой традиции, школу, мастерство, перенесение центра тяжести на дидактические цели воспитания молодого поколения в нужном духе, отсутствие в начале 20-х гг. нормальных условий для развернутой работы еврейских научных организаций — эти издержки ломки формаций поначалу не стимулировали развитие еврейской фольклористики в Советском Союзе в таком масштабе, в каком ее осуществляли дореволюционные исследователи. В статье «Проблема еврейской этнографии», опубликованной в журнале «Еврейская старина» в 1928 г., Л. Штейнберг писал об утрате традиций в области этнографической работы и, опять-таки возвращаясь к С. Ан-скому, отмечал: «И если он (С. Ан-ский. — Л. Ш.) не нашел продолжателей, то единственно потому, что те, кто желал бы продолжить эту работу, не знают, как и что делать»⁴.

В соседних странах (Польше, Литве) становление еврейской фольклористики шло более планомерно и не находилось в столь сильной зависимости от политических и идеологических штампов, как в СССР. Там регулярно появлялись новые научные публикации в области фольклора, как в виде отдельных сборников, так и в виде статей в периодических изданиях. Работы И. Кагана, Ш. Лемана, Н. Прилуцкого, А. Бернштейна, М. Кипниса, М. Вайнрайха, А. Ландау, С. Пайпа и по сей день составляют золотой фонд еврейской фольклористики.

В Советском Союзе первым значительным итогом работы по еврейскому фольклору стал сборник «Цайтшрифт» (т. 2—3), изданный в 1928 г. в Минске еврейским сектором Института белорусской культуры. В нем впервые были опубликованы крупные собрания песен из коллекций Ш. Купершмида (Белая Церковь), М. Ангиловича и Л. Душмана (Минск), записи из коллекции Еврейского этнографического музея в Ленинграде и др.

С организацией в Киеве Института еврейской пролетарской культуры исследования в области еврейского фольклора в СССР приобрели совершенно новый размах. Как известно, М. Береговский заведовал кабинетом музыкального фольклора при этнографической секции этого института. Он в значительной степени был преемником традиций дореволюционных фольклористов, перенял эстафету Ю. Энгеля и З. Кисельгофа в опыте собирательной работы и привнес в нее, благодаря своей колоссальной трудоспособности, большую научную точность и элементы более детального музыковедческого анализа⁵.

Наглядное подтверждение этому — первые фонографические записи, сделанные М. Береговским в 1929 г. в Киеве, Белой Церкви Киевской обл. и Славуте Хмельницкой обл. Данный опыт работы с фонографом явился дебютом М. Береговского-фольклориста, свидетелевавшим о широте и серьезности научного подхода к исследованиям — о стиле ученого. Материалы экспедиции 1929 г. сохранились практически в полном объеме и находятся сейчас в фондах Института рукописей Национальной библиотеки Украины. В них отражена вся детализированная черновая работа, вся «кухня» аналитического осмысления фольклорных источников.

Всего за 1929 г. на 125 фоноцилиндрах было сделано более 260 записей песен, нигуним, инструментальных пьес. Материалы по расшифровке каждой записи включают в себя нотный формуляр, рукопись словесного текста песни и ее машинописный

вариант. Данные о дате и месте записи, об исполнителе, его социальном положении содержатся в инвентарных книгах фоноархива.

Записи 1929 г. представляют собой интереснейший массив документов для изучения эволюции фольклора, для сравнительного анализа вариантов текстов и мелодий народных песен. В значительной степени эта работа была проделана самим М. Береговским. На нотных формулярах к фоноархиву часто имеются выполненные его рукой подробные указания на наличие вариантов к тому или иному произведению в различных разделах коллекции фольклорного отдела кабинета еврейской культуры: ссылки на фонд З. Кисельгофа (шифр К), на фонд под литерой В (фольклорные материалы, записанные непосредственно от исполнителей, без помощи фонографа), а также на печатные источники. Однако о максимально подробной работе с вариантами свидетельствуют поступившие недавно в фонд Института рукописей неопубликованные материалы 2-го и 4-го томов антологии М. Береговского «Еврейский музыкальный фольклор» (ЕМФ; эти материалы были любезно преподнесены в дар родственниками музыковеда). Так, из 243 песен (225 основных и 18 вариантов), отобранных для 2-го тома, 58 были взяты из материалов экспедиции 1929 г., и к большинству из них автор прилагает развернутые ссылки на известные отечественные и зарубежные публикации: сборники Ш. Бастомского, С. Гинзбурга и П. Марека, А. Идельзона, И. Каган, М. Кипниса, Ш. Лемана, Н. Прилуцкого, журналы «Пинкас» (Вильно), «Пинкас» (Нью-Йорк) и «Цайтшрифт» (Минск). Такой уровень сравнительного анализа отражает колоссальную эрудицию автора в данном вопросе и свидетельствует о желании исследователя органично включить свою работу в контекст развития еврейской фольклористики в целом.

Палитра еврейского народного творчества в экспедиционных материалах 1929 г. выглядит чрезвычайно ярко. Огромное удовольствие можно получить, вслушиваясь в звучание живой разговорной интонации, присущей еврейской народной песне, в изгибы ее мелодического воплощения.

Многообразно представлен в записи 1929 г. жанр любовной песни. Для ее формы очень характерно диалогическое построение: это либо воображаемый диалог матери и дочери, либо девушки и ее возлюбленного. Причем эмоциональный спектр таких бесед чрезвычайно широк: от пространной жалобы, прось-

бы, изложенной в лирических мягких тонах,— в одних песнях до кратких резких реплик обиды, досады, а то и гневных, но часто бессильных тирад в адрес обидчика — в других. Так как чаще всего девушка является главным действующим лицом этих диалогов, ее образ в песенном фольклоре представлен наиболее цельно.

Рассмотрим несколько характерных образцов из тех материалов первой экспедиции, которые ранее не были опубликованы в советских источниках.

Мотив страдания, любовных переживаний элегически, бесконфликтно проводится в песне «Tsu vos dreystu zikh arum» (шифр по инвентарю А 1, исп. Гительман Хая, Киев). Пассивен образ матери, увещевающей дочь:

«Tsu vos dreystu zikh arum, mayn tekhterl, azoy umetik,
Tsi vu ahingekumen dayn gelekhter mit dayn geshray?»

(«Что же ты, доченька, так печальна, куда исчез твой смех?»)

Волнения девушки, еще ребенка, впервые ощутившей любовный трепет, сильны, но как трогательно, по-детски наивно она их выражает:

«Vi azoy keh ikn, mamehyu, freylekh zayn,
Az bay mir in hartsn ligt a groyse vind,
Oy, nekhay zhe volt ikh geven geshtorbn
Bay di tsayt, az ikh bin gevezn a kleyn kind».

(«Ой, как же мне, мамочка, веселой быть, когда на сердце у меня большая рана; ой, лучше б мне было умереть маленьким ребенком».)

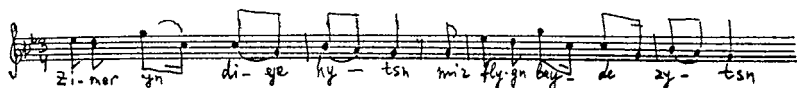
Следующая градация любовного чувства — переживания девушки по поводу вынужденной разлуки с возлюбленным. Песни этого типа, как правило, монологичны. Изложение в них соответствует характеру обычной повседневной речи: печаль, ностальгия более зрелой души выражены просто, путем очень лаконичных образных сравнений, и это чрезвычайно впечатляет. М. Береговский в материалах к предисловию 2-го тома антологии ЕМФ писал, что девушка обычно рассматривала отъезд любимого как конец их любви и именно потому воспринимала эту ситуацию столь трагически. М. Береговский указывал также на характерные речевые формулы-модели, типичные для начала таких песен:

«Du forst avek, mayn tayr lebн,
Vu vel ikh dikh forn zukhn?»

(«Ты уезжаешь, мой дорогой, где мне тебя искать?»; А 66/1, исп. Флак Песя, Белая Церковь.)

Обороты речи, употребляемые для образных сравнений в песенном фольклоре, немногочисленны, не поражают пышностью метафор, роскошью аллегорий. Как правило, это устойчивые, очень емкие выражения, применяемые в сходных по контексту ситуациях во многих песнях: «Mir tuen zikh tsesheyden azoy, vi der guf mit der neshome» («Мы расстаемся, как душа с телом»), «taynen, vi foter mit eygn kind» («толковать, как отец с родным дитем»), «blaybn elnt, azoy vi a shteyn» («остаться одиноким, как камень»).

В любовных песнях диалогического типа нередко обыгрывается ситуация ссоры между девушкой и юношей. Характерная особенность таких песен — быстрая смена эмоциональных состояний, интенсивная динамика развития действия от лаконичной, даже стандартной пейзажной картинки начала (описание интерьера действия) до всплеска эмоций в конце песни и категоричной заключительной фразы. Так, в песне «Zumer in di hitsn» (А 39/2, исп. Каштилян Залман, Белая Церковь) взволнованность общего тона повествования передана уже неустойчивостью начальной интонации:



По сюжету песни парень обвиняет девушку в том, что она обманула его, пообещав большое приданое. На умоляющие, вопрошающие фразы девушки он отвечает гневными, злобными репликами:

«Got kon dir gelfn, az du zolst dos nadan farkrenken
Un orem vestu vern mit mir glaykh».

(«Бог тебе в помощь, чтоб ты истратила свое приданое на лекарства и стала такой же бедной, как и я».)

В семейно-бытовых песнях в записях 1929 г. преобладают мотивы страдания, безысходной печали, усталости от жизни. Часто эти песни сюжетны, в них описывается какое-либо конкретное событие, имеющее, как правило, трагическую развязку.

Тон изложения — повествовательный, в нем ощущается большая доля сострадания и сопереживания к происходящему. Эти песни — своего рода летопись событий, происходивших (по сюжету) в Белой Церкви, Каменце, Киеве и т. п. Вот типичное начало таких песен-рассказов:

«Efsher, hot ir gehert, vos se hot zikh farlofn...»

(«Может быть, вы слышали, что случилось...»; А 100/2, исп. Глизер Гитл, Белая Церковь.)

Спектр житейских событий, отраженных в таких песнях, очень широк: болезнь женщины-матери и страдания ее близких («Eyne ligt krank»; А 73), смерть отца семейства («Der lamp vet farloshn»; А 46/1) и др. Популярными были баллады о девушке, обманутой выкрестом («Erev Yom-Kipur dem tanes tsu farfastn»; А 69/2), и о двух сестрах («Almol iz geven tsvey sheyne ahvester»; А 48/1). Трагическая судьба молодой женщины с ребенком обрисована в песне «Oyf dem barg un oyf dem groz». В расшифровке к фоноцилиндру приводится лишь фрагмент песни, причем дана только экспозиция образа, а контекст изложения уже ясен сам собой.

«Oyf dem barg un oyf dem groz,
Dort kumt a vaserl un oy, vey,
Dort geyt a freyln gants sheyn gekleydet
Un trogt eyn kind fun dray monat.»

(«На горе и на траве, там водица течет, там идет очень хорошо одетая молодая дама и несет трехмесячного ребенка».)

Столь лаконичный, как в абстрактной живописи, пейзаж (гора, зеленая трава, река — всего три элемента) часто используется в еврейском фольклоре для обрисовки состояния одинокой, неприкаянной человеческой души. Возможно, это та характерная особенность еврейского народного творчества, которую М. Сыркин в одной из своих лекций («Искусство и евреи», доклад, читанный в Еврейском обществе поощрения художеств в 1916 г.) определил как проявление детства духа, тайную непогрешимость вкуса, бессознательное чувство стиля.

Тему сострадания продолжают песни, которые в свое время явились непосредственным откликом на события эпохи: песни о погромах, о солдатчине и др. К оригинальным произведениям такого типа можно отнести также песни о процессе Бейлиса и

о деле Цибульского (финансового агента из Белой Церкви). В песенку о Бейлисе включен фрагмент русского текста, скорее всего заимствованного из распространенных, злободневных в то время куплетов:

«Господин сапожник,
Пожалуйте сюда,
Бейлис не виновен,
Поверьте, господа».

(А 15/1, исп. Пинковская Мати, Киев.)

Песни, описывающие погромные события, в 20—30-е гг. часто можно было услышать на улицах города из уст местных чудаков, нищих. Надо сказать, что репертуар уличных певцов, бродяг, скитальцев резко отличался от того, что исполнялось обычно в мещанской среде. Песни уличных певцов всегда были яркой краской в фольклорной палитре города, местечка. Желание вызвать сострадание в таких песнях — сильнее, оценка событий — ярче, колоритнее. Вот один из примеров того, как характер произведения может идеально совпадать с исполнительской манерой певца или певицы. Песня о погроме в Шполе постоянно была в репертуаре Ривки Вербицкой, уличной попрошайки 45-ти лет. М. Береговский так описывает манеру ее пения в примечаниях к № 189 2-го тома ЕМФ (цитируется по рукописи): «Чаще всего Вербицка выходила на улицу в сумерки, садилась у края тротуара, низко сгибалась и оглашала улицу своими воплями. На прохожих это производило жуткое впечатление». Поэтому можно живо представить себе, с каким надрывом звучали в ее устах начальные фразы песни, рисующие панораму бесконечного, бескрайнего горя:

«Azoy vi di velt iz groys,
Azoy iz zi ful mit shrek».

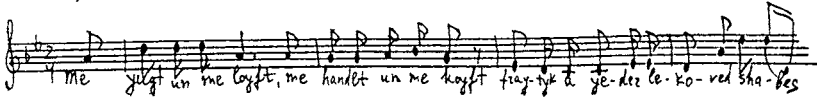
(«Как мир велик, так он полон страха»; А 20/1.)

Совершенно другая, контрастная манера исполнения присуща Вейсману Эли, 82 лет, слепому нищему, поющему на улицах Киева с 20-ти лет. Песня из его репертуара «Di lid fun shabes takhn» (А 6/1) полна оптимизма, дышит предчувствием праздника. Через содержание песни раскрывается облик певца, своеобразная его мудрость, открытый нрав и желание присоединиться к предпраздничной суете маленьких людей,

населяющих местечко. Эта песня — колоритная сценка, живописующая рыночную площадь «штетла» в пятницу вечером — в канун субботы:

«Me yogt un me loyft,
Me handlt un me koyft
Fraytik yeder lekoved shabes».

«В пятницу в честь субботы все суетятся, продают и покупают...»).



Еще один немаловажный и очень колоритный пласт городского фольклора представляют собой песни воров — «ganovim-lider». Этот жанр широко представлен в записях 1929 г., так как окраина Белой Церкви, «Грузия», где было выполнено большинство записей, традиционно являлась местом проживания еврейской бедноты и «унтервелт» (дна общества). В упомянутом выше сборнике «Цайтшрифт» Ш. Купершмид дает коротенькие сноски на характеристики главных персонажей песен «Грузии», а также пояснения некоторых географических названий. Следует отметить, что коллекция Ш. Купершмида (53 песни), учителя одной из школ Белой Церкви, опубликованная в «Цайтшрифт» в 1928 г. под вторым заголовком «Грузия-лидер», — это своеобразный минивариант будущей большой белоцерковской экспедиции мая—июня 1929 г., и в материалах этой экспедиции «ganovim-lider» — ощутимый количественно, характерный компонент.

Воровские и арестантские песни достаточно разнообразны по содержанию, но есть некий набор общих признаков жанра, который присутствует практически в каждой из них. Так, типичный фон действия — как правило, темная, глухая ночь, в центре изложения — какой-либо конкретный случай из воровской практики, сходен также и рефрен многих песен — классическая «покаянная фраза».

«Ikh vel shoyн mer nit ganeven,
Nor nemen un geyn».

(«Я не буду больше воровать, только брать...»; А 37/1, исп. Каштилян Залман, Белая Церковь.)

К воровским песням примыкают по тематике некоторые эмигрантские песни с типичными для них мотивами скитальчества в поисках лучшей жизни (напр., «A lid fun Amerike»; А 19). Иногда эмигрантские песни имеют характер баллады (напр., «Di shtot Beynazeres» (Буэнос-Айрес.— *Л. Ш.*); А 79) или же незатейливой шуточной песенки (напр., «Maun mame hot mir dertseylt amol»; А 40/1,— шуточная песенка о том, что все красивые девушки уехали в Аргентину и парням трудно подыскать себе невест).

В фонозаписях 1929 г. широко представлены песни ремесленников — основного слоя еврейского населения Украины; есть также среди них немало революционных рабочих песен. Наиболее интересные песни этого типа вошли в известный 1-й том антологии М. Береговского «Еврейский музыкальный фольклор».

Относительно малое количество песен религиозно-мистического содержания среди материалов первой экспедиции легко можно объяснить с позиции новых идеологических ориентиров советского общества. Среди зафиксированных образцов этого жанра — распространенные в еврейском фольклоре песни о смерти, в которых сама смерть обычно является к юной деве в образе старика (напр., «Ikh zits mir baytog in sheynem gortn; А 41/1; «Shteyt a meydl bay der shpigl»; А 46/2). Архаичкой хасидских легенд овеяна песня о Дне искупления (Yom-Kipur), в которой затрагивается тема возмездия и высшего справедливого суда («Oy, vey, dort in hoykhn himl, inem tifn getselt»; А 40/2). Некоторые песни этого жанра так и не были расшифрованы с фоноцилиндров, о чем имеются соответствующие указания в инвентарных книгах фоноархива.

Еще один колоссальный пласт фольклора, который нашел яркое отражение в материалах этнографической экспедиции 1929 г., — хасидские напевы (nigunim). Однако хасидский фольклор — тема настолько контрастная бытовой еврейской народной песне, что требует совершенно иного аналитического стиля работы. Поэтому позволим себе остановиться лишь на краткой обзорной характеристике материалов данного жанра.

Большой интерес представляют записи нигуним в исполнении выдающихся еврейских актеров С. Михоэлса, Б. Зускина, литераторов Н. Лурье, И. Добрушина и др. Множество очень ярких образцов этого жанра содержится в небольшом массиве материалов славутской экспедиции (август 1929 г.). Все эти

напевы (фрейлехсы, tish-higunim, nigunim tsu shalesudes, khabader-nigunim, khsidish и др.) чрезвычайно разнообразны по эмоциональному настрою, поражают яркостью ритмов, емкой выразительностью основных тематических интонаций. Часто известно авторство этих кратких лаконичных произведений: так, многие из записанных в Славуте напевов принадлежат знаменитому Йосифу Тальнеру, «придворному» композитору гальненского ребе. Большинство этих очень характерных славутских записей М. Береговский отобрал для 4-го тома своей антологии (в 4-й том, состоящий из 218 номеров, должны были войти 10 записей из Славуты).

Такова характеристика основных жанров еврейского музыкального фольклора в том виде, в каком они сохранились в народной памяти к концу 20-х — началу 30-х гг. на территории Киевщины и Подолии. В нашем изложении картина получилась далеко не исчерпывающей, ее можно было бы дополнить более подробными нюансами. Но такой более детальный анализ совсем расшатал бы рамки данной статьи, и это угрожало бы целостности восприятия материала. Цель нашей работы заключалась не только в том, чтобы просто описать наиболее интересные и характерные примеры народно-поэтического творчества на предмет их популярности в типичном еврейском местечке конца 20-х гг., — мы хотели сделать первый шаг к решению следующей по сложности задачи создания целостной ступенчатой ретроспективы состояния различных жанров еврейского фольклора со второй половины XIX в. до 50-х гг. XX в., то есть охватить именно тот промежуток времени, к которому относится максимальное количество практических исследований по данной теме.

¹ *Ан-ский С.* Еврейское народное творчество // Пережитое. СПб., 1908. Т. 1. С. 276—314.

² *Еврейские народные песни в России.* СПб., 1901.

³ Более подробно об этой экспедиции см.: *Лукин В.* От народничества к народу (С. Ан-ский — этнограф восточноевропейского еврейства) // Евреи в России. История и культура. СПб., 1995. С. 130—144.

⁴ *Штейнберг Л.* Проблема еврейской этнографии // Еврейская старина. Л., 1928. Т. 12. С. 16.

⁵ О деятельности М. Береговского см.: Арфы на вербах. Призвание и судьба Моисея Береговского. М.; Иерусалим, 1994.



АНТонио Нунес Рибейро Саншес— Первый еврейский интеллигент в Российской империи

Фигура А. Н. Рибейро Саншеса (1699—1783), португальского врача-еврея, семнадцать лет проработавшего в России, достаточно колоритна, чтобы не тратить чернил на оправдание темы. Трудно не заинтересоваться человеком, оставившим заметный след в культуре столь отдаленных друг от друга стран, как Россия и Португалия, лечившим трех российских самодержцев — Анну Иоанновну, малолетнего Иоанна Антоновича и Елизавету Петровну. Будущую Екатерину II он спас от смерти, когда она тяжело заболела сразу после приезда в Россию в качестве невесты великого князя Петра Федоровича. Екатерина с признательностью упоминает в своих мемуарах о вылечившем ее португальском докторе¹. Сын и наследник Екатерины Павел Петрович считал нужным поблагодарить Саншеса за спасение матери во время своего визита в Париж в 1782 г.². Кстати, уже живя во Франции, Саншес принимал некоторое заочное участие в воспитании будущего царя Павла I³. Вообще ему было свойственно печься не только о телесном, но и о духовном благе своих августейших пациентов и членов их семей. По его рекомендации правительница Анна Леопольдовна, мать несчастного Иоанна VI, снабжалась новинками западного книжного рынка⁴.

Саншес встречался со знаменитым «философом на троне» — прусским королем Фридрихом II⁵, переписывался с крупными государственными деятелями России, Австрии, своей родной Португалии. Среди его друзей, собеседников и корреспондентов были такие корифеи тогдашней науки, как Л. Эйлер, Л. Бюффон, Д. Дидро, Ж. Д'Аламбер, а также великое множество ученых со всей тогдашней культурной ойкумены — от Эквадора до Китая, от Неаполя до Риги. Труды Саншеса были переведены на многие языки, в том числе и на русский. Впрочем, намного большее их число осталось в рукописи. Работы Саншеса, как изданные, так

и неизданные, посвящены самым разнообразным темам: не только медицине, но и педагогике, политической экономике, истории, философии. Некоторые из них носили публицистический характер.

Отношение к Саншесу в разных странах и в разные эпохи было неодинаковым. В Португалии в честь Саншеса сочинялись оды, через сто двадцать лет после его смерти вышло в свет его пространное и почти агиографическое жизнеописание, написанное Максимиану Лемушем и до сих пор остающееся самой подробной биографией прославленного медика⁶.

Однако в годы, когда в Португалии существовал авторитарный режим — с 1926 по 1974 гг., — взгляды Саншеса, и прежде всего его упорный антиклерикализм, не пользовались официальным одобрением, что сказалось и на некоторых общих трудах по истории Португалии.

Его наследие изучалось и издавалось, как правило, историками, близкими к либеральной оппозиции⁷. Эти круги даже попытались выпустить полное собрание сочинений Саншеса, которое, впрочем, дальше второго тома не пошло.

Интерес к Саншесу сильно вырос после падения авторитарного режима в 1974 г. В свет начали выходить все новые работы Саншеса, ранее остававшиеся в рукописи. О нем все больше пишут. В связи с 200-летней годовщиной смерти Саншеса на родине героя в г. Пенамакоре был воздвигнут памятник.

Определенный интерес у современных португальских историков вызвала роль Саншеса в установлении культурных связей между Португалией и Россией, — тема, к которой обращался и автор этих строк. Тем не менее основной работой о пребывании Саншеса в России пока остается книга не португальского и не российского автора, а голландца Давида Виллемсе⁸.

В России Саншесом интересовались в основном историки медицины, а также историки русского еврейства. Что касается первых, то без соответствующей подготовки вряд ли следует стремиться пересматривать или, напротив, поддерживать их выводы. Саншес-медик еще ожидает компетентного биографа. Определить место Саншеса в истории русского еврейства попытались еще в XIX в. авторы нескольких серьезных исследований (особенную ценность представляет очерк С. Грузенберга), а также основанные на них краткие статьи в справочных изданиях⁹. Во всех этих текстах заметно незнание португальской истории и зарубежных архивов. Это в особенности относится к

статье о «Саншеце» в «Еврейской энциклопедии», где делается безосновательное предположение, что Саншес был в числе масонов, бежавших из Лиссабона в Париж во время антимасонских преследований 70-х гг. XVIII в.

Поскольку Саншес обосновался в Париже еще в 1747 г., сразу после отъезда из России, бежать туда из Лиссабона через тридцать лет ему было незачем (на родине он так и не побывал до конца дней). В книге о масонстве, на которую ссылается автор статьи, речь явно идет о другом человеке.

Новые возможности для изучения Саншеса открылись в 80—90-е гг. В научный оборот были вновь введены хранящиеся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге письма Саншеса к известному российскому научному деятелю XVIII в. академику Штелину¹⁰. В РГАДА были обнаружены рукописи Саншеса, за которыми безуспешно охотились целые поколения исследователей, в том числе и уже упоминавшийся Д. Виллемсе, почему-то решивший, что если рукописи принадлежали собранию Воронцовых, то нигде, кроме Одессы, они храниться не могли. Рукописи Саншеса, ранее известные только по названию, были обнаружены и в Лиссабоне. Опираясь на новые материалы, можно попытаться составить представление о жизни и трудах Саншеса в контексте истории трех народов и трех культур — еврейской, португальской и русской.

Прежде чем заняться Саншесом и его семнадцатилетним пребыванием в России, следует, видимо, рассказать о той этнокультурной группе, к которой он принадлежал. Группа эта — испано-португальские евреи — всегда была крайне немногочисленна на территории России и сопредельных земель, однако временами отдельные ее представители играли не столь уж незаметную роль в их экономической и культурной жизни. Еврейское население появилось на Иберийском полуострове в глубокой древности. Достаточно известен его высокий культурный уровень и активное участие в международной торговле. Неудивительно, что еврейские выходцы из Испании появляются весьма рано на территориях, впоследствии вошедших в состав Русского государства. По данным еврейско-хазарской переписки X в., в Хазарском каганате незадолго до его падения обосновались два испанских еврея — «Иехуда, сын рабби Меира, сына рабби Натана, человек умный, понимающий и ученый», и «рабби Иосиф Хагрис, также человек знающий»¹¹.

В связи с возникновением в XII в. Генуэзской морской

империи, подчинившей себе и значительную часть черноморского побережья Крыма и Кавказа, в эти районы в больших количествах начинают проникать жители христианских государств Западной Европы, в том числе и евреи. Так, в крупнейшей генуэзской торговой колонии на берегах Черного моря, городе Кафе (ныне Феодосия), в XIV в. проживает каталонский еврей маэстро Леон¹². Тот факт, что имени Леона в документах предшествует титул «маэстро», показывает, что Леон был коллегой Саншеса, евреем-врачом в Кафе XIV в., о котором упоминают генуэзские архивы. В следующем столетии упоминания об испанских евреях в Кафе встречаются чаще.

В самом конце XV в. произошли события, приведшие к стремительному росту числа испано-португальских евреев за пределами Испании и Португалии. Первым из них явилось изгнание евреев из Испании в 1492 г. по приказу «католических королей» Фердинанда и Изабеллы. Хотя большая часть изгнанников обосновалась в странах Северной Африки, Балканского полуострова, Турции, отдельные эмигранты, во многих случаях — врачи, расселились на территории Польско-Литовского государства. В еще больших масштабах еврейские выходцы с Иберийского полуострова пытаются осваивать Восточную Европу в XVI—XVIII вв., причем особенную активность проявляют евреи из Португалии и их потомки, так называемые «португизы». Выдающаяся роль, которую португальские евреи в XVI в. начинают играть в сефардском мире, объясняется рядом исторических причин.

В конце XV в. еврейское население Португалии резко возросло за счет иммиграции из соседней Испании. Часть еврейских подданных католических королей, не желая отказываться от религии своих предков, нашли убежище на территории Португалии.

Предоставляя убежище изгнанникам из соседней страны, португальский король Жуан II руководствовался отнюдь не филантропическими мотивами, а желанием поставить себе на службу финансовые ресурсы и профессиональную квалификацию испанских беженцев, среди которых было немало состоятельных людей и искусных ремесленников. Иммигранты, не принадлежавшие ни к той, ни к другой категории, встретили в Португалии крайне холодный прием.

Но и этой, весьма двусмысленной, терпимости пришел конец, когда вступивший на престол в 1496 г. молодой король Мануэл

попросил руки инфанты Изабеллы, дочери «католических королей». Ни инфанта, ни ее родители не соглашались на этот брак, пока Португалия не будет очищена от «иудейского нечестия». Король Мануэл, однако, не собирался жертвовать ни выгодной партией, ни экономически ценным еврейским населением, которое привлек в Португалию его отец. Он нашел гениально простое решение проблемы. В 1497 г. евреи Португалии, как старожилы, так и недавние иммигранты из Испании, были насильственно крещены.

Эти действия короля, вызвавшие серьезные сомнения даже у иерархов португальской католической церкви, привели к тому, что в Португалии сложилась сильная традиция «подпольного иудаизма». Формированию особой этноконфессиональной группы «новых христиан» способствовало и то, что инквизиция была введена в Португалии лишь в 30-х гг. XIV в. До того времени португальские короли, стремясь удержать в стране своих «новохристианских» подданных, смотрели сквозь пальцы на тайное соблюдение ими иудейских обрядов. Тем не менее и до введения инквизиции жизнь «новых христиан» была не слишком спокойной. Нафанатизированная католическим духовенством чернь часто устраивала погромы «новых христиан», или, как их презрительно называли, «маранов». И уж особенно тяжело пришлось новообращенным португальским евреям после введения инквизиции, открывшей собой эру кровавых гонений, массовых аутодафе, постоянной слежки и дискриминации, закончившейся только в середине XVIII в.

Одновременно растет еврейская эмиграция из Португалии. Традиционная еврейская историография полагала, что «новые христиане» в подавляющем большинстве оставались верны иудаизму и что эмигрировали они из Португалии исключительно по религиозным причинам.

В современной науке — как израильской (Б. Нетаньяху, — кстати, отец нынешнего премьер-министра Израиля), так и португальской (А. Ж. Сарайва) — часто высказываются предположения, что португальские евреи давно утратили бы свою этноконфессиональную обособленность, если бы не политика дискриминации и репрессий, затруднявшая ассимиляцию и провоцировавшая массовый выезд из страны. Сторонники этой точки зрения считают, что инквизиция стремилась не столько спасти души «маранов», сколько прибрать к рукам их имущество. Она сознательно «фабриковала евреев», облыжно обвиняя в

иудаизме вполне искренних христиан. Эмигрировали же, по мнению этих авторов, преследуемые «новые христиане» почти исключительно с целью самосохранения. Отметим, что одним из первых (если не первым), кто высказал подобный взгляд на деятельность инквизиции, был наш герой — Антонио Рибейро Саншес¹³. Он посвятил этой теме специальную работу, написанную, кстати, в России.

Здесь не место решать этот вопрос. Скажем лишь, что деятельность инквизиции, какими бы мотивами она ни была вызвана, привела и к массовой эмиграции, и к определенному возрождению иудаизма, захватившему не только Португалию, но и соседнюю Испанию, куда португальские евреи начали переселяться после временного объединения двух государств в 1581 г.

Португальская «новохристианская» эмиграция представляла собой абсолютно новое явление среди всех известных до этого волн еврейской эмиграции в том отношении, что выезжали люди, принадлежавшие к европейской цивилизации, знакомые изнутри с религиозной, культурной, политической жизнью одной из самых передовых европейских стран того времени. Неудивительно, что эмигранты сохраняли привязанность к португальскому и испанскому языкам и культуре (испанский в этот период широко применялся и в Португалии). Это объяснялось еще и тем, что в некоторых странах (в частности, Франции, южных Нидерландах) они не могли открыто исповедовать иудаизм и им приходилось официально выступать в качестве «португальской общины».

Постоянное давление со стороны инквизиции (к тому же введенной в Португалии на полвека позднее, чем в Испании) не помешало обращенным в христианство евреям воспользоваться всеми преимуществами своего нового статуса, в том числе и доступом к университетскому образованию. Их роль в экономической и общественной жизни страны намного возросла, что отразилось и на отношении к ним окружающего населения. По словам анонимного итальянского клирика, посетившего Португалию в XVI в., португальские массы, вообще весьма враждебные своим «новохристианским» согражданам, испытывают почти суеверное преклонение перед их умом и деловыми способностями. Сам автор, настроенный крайне антипортугальски и антиеврейски, полагал, что «новые христиане» могли показаться гениями лишь на общем (крайне неутешительном) португальском фоне и что никакими особыми талантами, кроме разве что из ряда вон выходящей способностью к обману, они не обладали¹⁴.

На самом же деле интеллектуальный потенциал португальских евреев и «новых христиан» был достаточно велик. Многие из них снискали себе известность не только в маленьком иберийском коллективе, но и во всем тогдашнем цивилизованном мире. Из тех, кто смог уехать и сохранить верность своей старой религии, достаточно назвать Авраама Закуто¹⁵, математика и астронома, на чьи расчеты опирался Васко да Гама во время своей знаменитой экспедиции вокруг Африки. В отличие от Закуто, «новыми христианами» были другой математик мирового класса Педро Нунес (Нониус) и ботаник и создатель тропической медицины Гарсиа д'Орта¹⁶. (Отметим, что Саншес был прекрасным знаком с трудами своих предшественников Закуто и Гарсии д'Орты.)

Относительно правоверия Гарсии д'Орты у инквизиции возникли серьезные сомнения, в связи с чем уже через 20 лет после его смерти останки великого ботаника были сожжены. О подлинных религиозных взглядах Гарсии д'Орты мы ничего не знаем, но в его научных трудах очень силен дух критицизма и непочтительности к авторитетам. Гарсиа д'Орта открыто пишет, что в заморских странах Гален и Диоскорид ему не указ, «ибо он видел»¹⁷.

Открытие новых миров (не только Нового Света) в конце XV в. создало принципиально новую ситуацию для сефардского мира. Колониальная торговля открыла для европейского еврейства новую экологическую нишу и спасла его от обнищания¹⁸. Но не менее важен новый интеллектуальный климат, намного более благоприятный для новаторства и нонконформизма. Межеумочное положение «новых христиан», отошедших (не по своей воле) от одной религии и во многих случаях не примкнувших искренне к другой, также способствовало развитию недогматического взгляда на мир.

Все это помогло португальским «новым христианам» занять заметное место в европейской философии XVI—XVII вв. В частности, скептицизм превратился в одно из основных философских направлений не только благодаря М. Монтеню (который по материнской линии также был португальско-еврейского происхождения), но и тулузскому профессору Франсиско Саншесу¹⁹, автору книги «Quo nihil scitur» («То, что ничего нельзя познать»). По некоторым данным, Франсиско Саншес был предком нашего героя Антонио или по крайней мере состоял с ним в родстве.

Для нас, однако, сейчас важнее интеллектуальная преемст-

венность, чем биологическая. Пример Ф. Саншеса показывает, что новый интеллектуальный тип сефарда возник в Европе весьма рано.

Еще более сильные сдвиги произошли в менталитете не только сефардов, но и всего европейского человечества в результате деятельности Баруха (Бенедикта) Спинозы, во многом подготовленной другими сефардскими вольнодумцами — Уриэлем да Костой, Хуаном де Прадо и др.²⁰. При всем колоссальном значении Спинозы, и в частности его библейской критики, для мировой культуры, иудаизм, да и евреи от этого скорее проиграли. Однако сейчас нам вряд ли стоит подниматься в эти философские выси.

Основным занятием сефардов XVI—XVII вв., в том числе и тех, кто пытался освоить далекую восточную окраину Европы, были, разумеется, не умозрительные спекуляции, а торговля, хотя приобретенные в европейских школах (а иногда и университетах) знания о мире давали им преимущества в конкурентной борьбе, а дух нонконформизма толкал на смелые и рискованные предприятия.

Даже на Востоке (прежде всего в Турции), куда вслед за испанскими изгнанниками 1492 г. направилась часть «новых христиан», в них часто ценили именно хорошее знание европейской культуры, как политической, так и экономической.

На Украине и в Крыму первые португальские евреи появляются именно из Турции. Следует оговориться, что точных данных о переселении португальских евреев в Крым пока не имеется, однако о присутствии португальского элемента среди еврейского населения Крыма свидетельствует наличие у крымчаков (тюркоязычных крымских евреев) фамилии Ломброзо, которая уже в XVIII в. была распространена среди португальской диаспоры от Мэриленда до Туниса.

Гораздо более полная информация имеется у нас относительно расселения португальских евреев в таких крупных центрах торговли между европейскими государствами и Османской империей, как Львов и Замостье (ныне г. Замосць в Польше, расположенный на тогдашней этнографической границе между польским и украинским населением Речи Посполитой). В конце XVI в. великий коронный гетман Ян Замойский пригласил группу «турецких евреев» в основанный им город Замостье. Позднее несколько десятков семей испано-португальских евреев из Италии, Голландии и других западноевропейских стран присоеди-

нились к первоначальной группе турецких иммигрантов. Сефарды Замостья специализировались в области торговли восточными товарами, выделки высококачественных сортов шелка (последнее — в 20-х гг. XVII в.). Во многих отраслях у сефардских ремесленников не было конкурентов ни среди христиан, ни среди крайне немногочисленного в те годы ашкеназского населения Замостья.

Впрочем, процветание сефардской общины Замостья продолжилось недолго. Попытка Замойских превратить Замостье в крупный торговый центр в целом не принесла долгосрочных результатов. Многие испано-португальские евреи, занимавшиеся международной торговлей, выехали из оскудевшего города.

Оставшаяся горстка сефардов за столетие почти совершенно растворилась в среде украинского ашкеназского еврейства. Однако память о сефардском происхождении части евреев Замостья сохранилась. Еще в XVIII в. некий член местной еврейской общины требовал финансовой помощи для ремонта дома, ссылаясь на «лузитанское происхождение» своей жены.

Сравнительно рано португальско-еврейские купцы и финансисты начинают проявлять интерес к Московскому государству и к территориям, входившим в его орбиту. В XVII в. в связи с затяжными турецко-испанскими и турецко-персидскими войнами старые центры традиционной торговли европейских государств с Персией и другими странами Востока оказываются парализованными. Гольштейнский герцог Фридрих III предпринимает попытку проложить новый торговый путь на Восток через Россию. В 1635 г. он отправляет в Москву посольство, которое было милостиво принято царем Алексеем Михайловичем, давшим согласие на подписание соответствующего договора с гольштейнской торговой компанией. Хотя в связи с изменившейся международной конъюнктурой договор так и не возымел действия, гольштейнское посольство оставило значительный след в истории дипломатических и культурных связей между Россией и Западом. В его состав входили историк Олеарий, чьи записки являются ценнейшим источником по истории допетровской России, а также поэт Флеминг. Как доказал немецкий историк Герман Келленбенц, определенное участие в подготовке посольства в Россию и Персию принимал известный врач и политический агент гольштейнского герцога в Гамбурге португальский еврей доктор Мусафия, а кредиты на осуществление

герцогского замысла были частично предоставлены португальско-еврейскими купцами²¹.

Вполне можно допустить, что цель найти северный морской проход к азиатским землям преследовала экспедиция к острову Новая Земля, которую снарядил в 1669 г. богатейший португальско-еврейский купец из Амстердама Антонио Лопес Суассо в сотрудничестве со своими двумя шуринами Исааком и Яковом де Пинто. Совокупное состояние этих трех столпов сефардской диаспоры составляло около 750 тыс. гульденов — гигантская по тем временам сумма²².

Однако лишь в начале XVIII в., в царствование Петра I, интерес испано-португальских евреев к России и к транзитной торговле с Востоком через русскую территорию начал встречать некоторую взаимность. В городском архиве Гамбурга Г. Келленбенц нашел любопытный документ-обращение, изданный русским правительством в 1717 г. и адресованный немецкому купечеству. В нем подчеркивалось, что в России существуют прекрасные условия для организации транзитной торговли восточными товарами, прежде всего шелком, и упоминалось о намерении царя создать с этой целью ряд торговых компаний. Всем немецким купцам, готовым вложить в это начинание свои капиталы, предоставлялась свобода проживания в России. Келленбенц считает, что призыв Петербурга был обращен и к гамбургским евреям, прежде всего испано-португальским²³. Неизвестно, однако, воспользовался ли кто-либо из северогерманских «португальцев» этим приглашением. Во всяком случае, в отличие от Львова и Замостья, сефардских торговых компаний на территории России не существовало.

Тем не менее именно при непосредственных преемниках Петра I, который, судя по гамбургскому документу, поощрял иммиграцию испано-португальских евреев, отдельные сефарды из стран Северной Европы действительно пытаются заниматься торговлей с Россией и в России. Однако сферой их деятельности была, как мы увидим, отнюдь не торговля.

Во время посещения царем Петром Западной Европы в 1697 г. августейший путешественник принимает к себе на службу некоего молодого моряка по имени Антонио Мануэл Виэйра, который своею «ловкостью и расторопностью» обратил на себя его внимание. Раньше было принято считать, что это произошло в Голландии. В последнее время американский исследователь Раг убедительно доказал, что встреча между царем и его новым

фаворитом скорее всего произошла в Англии, хотя родители юноши принадлежали к амстердамской сефардской общине. Царь проникся такой симпатией к Визйре, что тут же сделал его своим пажом. Впоследствии Визйра, или, как его называли в России, Антон Мануйлович Девиер, становится царским денщиком, а затем и генерал-адъютантом. По свидетельству как современников, так и позднейших историков, Девиер был царю «способным, исполнительным и честным слугой. Не обладая большим умом, он был, однако же, смышлен, вкрадчив, бескорыстен, неутомим и, кроме всего прочего, отличался живым, веселым характером»²⁴.

В 1718 г. Девиер назначается первым генерал-полицеймейстером Петербурга. Навести порядок в только что основанной столице было не так-то просто. Помимо организации полицейской службы, Девиеру приходилось руководить строительными работами в городе, заботиться о благоустройстве улиц, контролировать розничную торговлю, не допуская повышения цен на хлеб и другие жизненно необходимые товары, заботиться о противопожарной безопасности и т. д.

Благодаря своей энергии и честности Девиер благополучно справлялся со сложной задачей и приобрел не только полное доверие царя, но и огромный авторитет в городе. Одно имя Девиера, по словам современников, наводило страх на жителей Петербурга. Впрочем, Девиер пользовался в городе известностью не только как суровый администратор, но и как «душа общества», организатор «ассамблей», непременным участником которых был сам царь.

После смерти Петра Девиер некоторое время по-прежнему находился в фаворе: в 1726 г. ему были пожалованы титул графа и звание сенатора; будучи послан с дипломатической миссией в Курляндию, он проявил совершенно исключительное для XVIII в. бескорыстие — отклонил (в безукоризненно вежливой форме) «подарок» в 10 тыс. экю, предложенный ему претендентом на курляндский престол герцогом Морицем Саксонским²⁵.

Однако при дворе у Девиера был могущественный враг, который не мог простить ему давнишней обиды. Это был не кто иной, как шурин Девиера — всесильный князь Меншиков.

В свое время Девиер сделал предложение сестре Меншикова Анне Даниловне, «страсть влюбившейся в красивого португальца»²⁶. Меншиков отверг его домогательства. Тогда Девиер «соблазнил свою невесту и после этого вторично просил ее руки».

Оскорбленный Меншиков велел своим слугам схватить Девиера и бить его насмерть. С трудом вырвавшись, Девиер бросился с жалобой к царю, который принял его сторону в споре и приказал Меншикову дать согласие на брак сестры с Девиером.

Девиер понимал, что навязанное царем родство не только не помирило с ним Меншикова, но, напротив, сделало их смертельными врагами. Когда после смерти Петра началась борьба за власть между высшими сановниками империи, он примкнул к группировке противников Меншикова. Однако союз с представителями старой знати, враждебно относившейся к «безродному» Меншикову, не спас Девиера от ареста в 1727 г. Он был лишен титула, чинов и имущества, нещадно бит кнутом и сослан в Якутию, за девять тысяч верст от русской столицы, благоустройство которой было в свое время поручено ему Петром.

Проведя более 12 лет в чрезвычайно суровых условиях, Девиер вновь находит приложение своей предприимчивости. В 1739 г. его, еще ссыльного, назначают командиром только что основанного порта Охотска. На этом посту Девиер с «обычной своей энергией и добросовестностью» принимается за устранение беспорядков и злоупотреблений. Под его руководством в Охотске строится верфь, оборудуется пристань. Пожалуй, наиболее важным достижением Девиера за время его службы в Охотске было основание навигационной школы, которая «просуществовала сто лет и была рассадником просвещения для всего Северо-Восточного края Сибири»²⁷.

Вскоре (в 1742 г.) Девиера освобождают из ссылки, возвращают ему чины и графское достоинство, а также его прежнюю должность петербургского генерал-полицмейстера. В качестве своеобразной компенсации за перенесенные страдания ему были пожалованы 1800 душ крестьян из бывших владений Меншикова, который к тому времени уже умер в ссылке. Здоровье Девиера было подорвано Сибирью, и в 1745 г. он скончался.

Любопытно, что смерть Девиера была отмечена не только в русской, но и в португальской печати того времени. Высказывалось предположение, что автором заметки в «Газета де Лижбоа» был Рибейро Саншес. Доказать это трудно, хотя в его частной переписке с португальскими друзьями содержатся сведения о Девиере²⁸.

Другим сефардом при дворе Петра I был Жуан да Коста (или Лакоста, как его иногда называли в России). В отличие от своего

земляка Девиера, да Коста не принадлежал к числу крупных государственных деятелей Петровской эпохи: он был всего лишь «придворным философом», или, проще говоря, шутом.

Однако, как и многие его российские коллеги, он пользовался популярностью не только при дворе, но и в народе, о чем свидетельствуют многочисленные анекдоты о да Косте, собранные историками М. Д. Хмыровым и П. А. Ефремовым²⁹.

О дате и месте рождения да Косты до последнего времени не было точных данных. Лишь относительно недавно был открыт новый источник, проливающий свет на эту колоритную фигуру. В 1988 г. в хранящемся в БАН томе «Мемуаров» Филиппа де Коммина в испанском переводе был обнаружен колофон на португальском языке, принадлежащий перу А. Рибейро Саншеса и озаглавленный «Очерк жизни бывшего владельца этой книги Ивана Христиана Семы да Косты Кортисос, скончавшегося 6 мая 1740 в Петербурге»³⁰. Для семейной истории сефардов XVII—XVIII вв. представляет большой интерес полное имя придворного философа. Фамилии «Сема Кортисос» и «да Коста» сыграли в истории португальской еврейской диаспоры весьма заметную роль: с несколькими представителями семейства да Косты нам еще предстоит встретиться. После смерти да Косты книга была приобретена Саншесом у замужней дочери покойного.

Новонайденный текст содержит ценные сведения о происхождении да Косты. И в России, и в Португалии да Косту считали португальцем: в собранных Хмыровым и Ефремовым анекдотах даже упоминаются различные события, якобы происходившие с да Костой еще на родине³¹, то есть Португалии. Приписывали ему и испанское происхождение. Каждая из этих версий по-своему справедлива, хотя, по данным Саншеса, да Коста родился вообще не на Пиренейском полуострове, а в марокканском городе Сале в семье евреев — выходцев из Испании. Тем не менее фамилию «придворный философ» носил португальскую. Видимо, его предки переселились в Испанию в период объединения двух иберийских государств в 1581—1640 гг., а уже затем выехали в Марокко. Вместе со своими родителями юный да Коста переселился в Гамбург, где впоследствии крестился и занялся, «чтобы есть», ремеслом маклера. Начиная с 1713 г. версии Саншеса и русских авторов (прежде всего биографа Петра И. Голикова) в целом совпадают. Представленный императору русским резидентом в Гамбурге, да Коста имел счастье

понравиться царю, который взял его на службу и сделал «придворным философом».

В мелочах версии русских историков и близко знавшего да Косту Саншеса не всегда совпадают: Хмыров и Ефремов говорят о «смешной тучной фигуре»³² шута, а Саншесу он представляется высоким и сухощавым (при этом он не забывает упомянуть о «еврейском носе»³³ да Косты). В целом, однако, Саншес и русские авторы рисуют довольно сходную картину. О том, что шутки да Косты имели успех, свидетельствуют различные царские милости, среди которых были и весьма экстравагантные: Петр подарил да Косте безлюдный остров Зоммер (у Саншеса — Хогланд) в Финском заливе, а затем и титул самоедского короля, или «хана». Наряду с этим да Коста получает и более прозаические знаки монаршего внимания — денежные выдачи.

В чем же секрет популярности да Косты при русском дворе? Биограф Петра И. Голиков отмечает, что шут был человек «свойств живых и забавных». Саншес говорит о его «живом уме, удачных и поучительных ответах». По всеобщему мнению, дипломатические способности да Косты («никогда ни о ком не говорил плохо и никогда не водился с ненадежными людьми» — Саншес) помогли ему приобрести неизменное расположение четырех императоров³⁴ (Петра I, Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны), которым он последовательно служил.

Саншес в чем-то более критически относился к своему старому знакомому, чем русские авторы. С его точки зрения, да Коста не был образованным человеком, поскольку не знал латыни, хотя «любил читать» на новых европейских языках и прекрасно говорил по-испански, итальянски, французски, немецки, голландски и португальски (за 27 лет пребывания в России да Коста так и не удосужился выучить русский)³⁵.

Российские источники более снисходительны, приписывая ему широкую образованность. Даже в анекдотах подчеркивается, что шут был «человек ученый». Лингвистические познания, хорошее знакомство со Священным писанием сделали да Косту одним из излюбленных собеседников Петра, с которым он, видимо, общался на голландском языке. Обычным предметом разговоров, часто переходивших в диспуты, были библейские книги и религиозные вопросы вообще. У нас мало свидетельств о богословских темах, по которым велись споры между царем и шутом. В анекдотах, собранных Хмыровым и Ефремовым, да Коста иногда позволяет себе слегка иронизировать над своей

новой религией — христианством. Любопытно, что в других сохранившихся анекдотах он дает резкий отпор тем, кто пытается издеваться над его еврейским происхождением, причем симпатии безымянных авторов всегда на стороне шута³⁶.

Впрочем, все эти сведения сугубо апокрифичны. О религиозных взглядах да Косты и о его отношении к еврейству упоминает и Саншес, однако его информация носит (возможно, сознательно) весьма неопределенный характер.

«Некоторые говорят, что он умер... без религии, другие, что он умер евреем, и очень немногие, что он умер христианином: так всегда говорят о тех, кто сменил религию». Как бы то ни было, Саншес никогда не слышал от да Косты ничего, что указывало бы на его приверженность иудейской или христианской религии. «Если он не верил в Магомета, этот человек, видимо, не верил ни во что», — меланхолически констатирует Саншес. С другой стороны, да Коста говорил Саншесу, что очень хорошо разбирается в древнееврейском языке и писаниях раввинов. Следует комментарий: «Бог ему воздаст, если эти признания принесли ему какие-либо заслуги»³⁷. Этот отстраненно благожелательный и скептический тон по отношению к иудаизму кое-что говорит о мировоззрении самого Саншеса.

Говоря о петербургских придворных сефардах, следует отметить, что спорадические контакты между Россией и Португалией в первой половине XVIII в. осуществлялись главным образом через них — случай в истории не такой уж редкий. Когда в 1724 г. столицу России посетил с полуофициальным визитом португальский эмиссар аббат д'Авелар, принимать его было поручено Девиеру, к которому присоединился и да Коста³⁸. О роли Саншеса как посредника между Россией и Португалией еще будет рассказано.

Специально для читателей известного израильского русскоязычного прозаика Давида Маркиша, и в частности его исторического романа «Шуть»³⁹, отметим, что его персонажи Коста и Девиер имеют весьма мало общего с одноименными реальными личностями, подвизавшимися при российском дворе.

Разумеется, автор имеет право на поэтическую вольность, но Девиер и Коста российскому читателю мало знакомы, и кто-то может отнестись к повествованию Маркиша как к истории. Нет, да Коста не возвращался в Гамбург, а (как мы знаем) скончался в 1740 г. в Петербурге. Девиер, бывший действительно весьма энергичным исполнителем государевой воли, не лютовал на

строительстве Петербурга, а по указанию Петра занимался в те годы совсем другими вопросами и т. д. И все же сама авторская интуиция высвечивает некоторые реальные параллели между горсткой европеизированных и формально исповедующих христианство придворных евреев (у Маркиша кроме сефардов выведен и ашкеназ Шафиров) и некоторыми типажам из гораздо более поздней истории российского еврейства.

Через головы ашкеназских общин, неожиданно для себя оказавшихся в 1772—1795 гг. подданными России и лишь столетием позже начавших выходить из культурной и лингвистической изоляции, фигуры Девиера и да Коста перекликаются со своими аналогами из предреволюционного, советского и постсоветского периодов. Девиер сильно напоминает поколения дельных администраторов, крестившихся или вооружившихся партбилетом. Да Коста (как реальный, так и апокрифический) вызывает в памяти столь хорошо знакомый образ развеселого эстрадника, не лишенного, впрочем, философской сентенциозности и дидактических претензий.

Совсем другая роль (также превосхищающая последнее столетие русско-еврейской истории) выпадет Антонио Саншесу. Однако об этом пойдет речь в последующих разделах нашего повествования. Пока мы можем вернуться к более традиционным способам «освоения» России и упомянуть о попытках крупных португальско-еврейских купцов начать торговлю с Россией уже в послепетровский период.

Один из столпов лондонской сефардской диаспоры — Энтони Мозес да Коста. В 1727 г. он пытается вступить в «Российскую компанию» (не совсем точное название британской компании, ведшей торговлю с Россией), получает отказ, не успокаивается и продолжает борьбу литературными средствами. В том же году он выпускает брошюру, где доказывает свое право на членство в компании. Отказаться от тяжбы с компанией пришлось только тогда, когда по просьбе правления парламент внес в ее устав поправку, запрещающую членство лиц иудейского вероисповедания⁴⁰.

Все это не помешало Энтони да Косте вести дела в Санкт-Петербурге, — впрочем, не особенно удачно, как можно заключить из сохранившейся в государственном архиве Англии (Паблик рекорд оффис) просьбы к британскому государственному секретарю посодействовать во взыскании долга с тугой на платежи петербургской фирмы⁴¹. Как кончилось дело, мы не знаем.

Еще одним доказательством интереса сефардского мира к России служит достаточно экзотическая история, связанная с проектом основания российской колонии. Душой этого проекта был лондонский еврей Жуан да Коста (не путать ни с вышеупомянутым Э. М. да Костой, ни с шутом «Иваном-Христианином» да Костой, ни другими да Костами, о которых у нас еще пойдет речь!), видимо, тождественный с первым в Англии нотариусом-евреем Джоном да Костой. Первоначально группа лондонских негодянтов — «португальских» и других — предложила свой проект основания новой южноамериканской колонии христианскому правительству. Не встретив понимания у британских министров, да Коста и его сподвижники обратились в Петербурге через российского посланника при Сент-Джеймском дворе знаменитого литератора, основоположника русской сатиры князя Антиоха Кантемира. От лица компании «прожектор Д'Аоста» предлагал выкроить для России территорию между южноамериканскими владениями двух колониальных империй — испанской и португальской. Компания брала на себя хозяйственное освоение новой колонии под защитой русских штыков⁴².

Князь Кантемир в годы своего пребывания в Лондоне, подобно многим своим коллегам из различных миссий (в частности, гессен-дармштадтскому резиденту Дж. Дзамбони, из переписки которого можно получить ценные сведения о большинстве действующих лиц этой колоритной колониальной затее⁴³), находился в самых добрых отношениях с лондонскими сефардами: с тем же Джоном да Костой, с которым нередко обедает, со стариком Кортисосом, когда-то крупным финансистом, сыгравшим немаловажную роль во время войны за Испанское наследство: с ним молодой дипломат консультируется по вопросам международной политики⁴⁴. Убедить Кантемира оказалось нетрудно. Князь Антиох Дмитриевич проинформировал свое петербургское начальство, которое также отнеслось к инициативе да Косты со товарищи благожелательно. Правительство империи попросило уточнений лишь в одном существенном вопросе. Оно желало знать, граничит ли Бразилия с Сибирью, справедливо полагая, что если новое русское владение будет соприкасаться с Сибирью, оборонять его будет легче. С другой стороны, вопрос не свидетельствовал о большой географической эрудиции петербургских властей⁴⁵.

Так или иначе, переговоры с сефардскими «прожекторами» шли полным ходом. Для подготовки конкретных мер по осуще-

ствлению проекта в Россию были посланы два доверенных лица компании, один из которых (О'Брайен) перешел на русскую службу и впоследствии дослужился до контр-адмирала.

Впрочем, необходимой секретности организаторам предприятия добиться не удалось. Уже на том заседании «инициативной группы», где было предложено обратиться к России, присутствовал агент британского премьера сэра Роберта Уолпола, большого любителя и мастера выведывать чужие секреты. Этот источник проинформировал сэра Роберта о странных замыслах «некоторых подданных Его Величества», в том числе «некоторых евреев». (Текст доноса хранится в библиотеке Кембриджского университета.)

С другой стороны, многие приятели Кантемира (в том числе уже упоминавшийся Дзамбони) находились в не менее доверительных отношениях с испанским послом в Лондоне Херальдином, которому и поставляли информацию о российских замыслах⁴⁶.

Мадрид, которому в этой истории померещился еще и антииспанский союз между Россией и Португалией⁴⁷, выступил с решительным протестом. Под давлением Великобритании, взявшей на себя функции арбитра между одинаково дружественными ей Мадридом и Петербургом, российское правительство отказалось от своих планов.

Является ли этот эпизод частью истории еврейского народа? На первый взгляд вряд ли. Однако все эти события приобретают несколько иную окраску, если учесть документы, хранящиеся в Архиве Индий (то есть испанских колоний) в Севилье. Из этого источника следует, что одним из основных принципов устройства новой колонии, которое «прожектеры» предлагали российскому правительству, была свобода вероисповедания⁴⁸.

Заманчиво было бы поставить в связь с российско-сефардскими проектами запись в дневнике Саншеса, где также обсуждается устройство заморской территории (по мысли Саншеса — острова)⁴⁹, населению которой должна быть гарантирована свобода религии. Он намечает меры для обеспечения жизнеспособности новой колонии.

Саншес хорошо знал ту среду, в которой возник проект Дж. да Косты. В частности, в переписке да Косты с иностранными дипломатами упоминается знакомый Саншеса врач Ла Кур⁵⁰.

Само пребывание португальского врача в России в 30-х гг. XVIII в. могло бы, говоря абстрактно, пойти на пользу «прожек-

терам». Однако дата, которой помечены рассуждения Саншеса о предполагаемом оазисе веротерпимости — 1750 г., — не позволяет видеть в них доказательство его участия в планах да Косты и К^о, хотя не исключено, что он о них знал. Возможно, запись в дневнике представляет собой реакцию на неудачный эксперимент с возвращением евреев в Неаполь. В 1740 г. под влиянием государственного деятеля — реформатора Саласа король Обеих Сицилий Карл разрешил евреям, главным образом средиземноморских стран, обосноваться в Неаполе и воссоздать там иудейскую общину⁵¹. Подобные проекты обсуждались в Испании и Португалии еще в XVII в., но не принесли конкретных результатов. Гораздо более удачным был тосканский опыт. Еще в 1593 г. Тоскана предоставила широкие права евреям города Ливорно, который в результате превратился в крупнейший торговый порт Средиземноморья. Однако повторить успешный ливорнский эксперимент в Неаполе не удалось. Сопrotивление церкви и значительной части народа, а также ослабление позиций Саласа при дворе привели ко вторичному изгнанию евреев из Южной Италии в 1747 г.⁵²

Саншес мог следить за событиями через своего брата Марсело, который обосновался в Неаполе в 1739 г., как раз накануне эдикта о возвращении евреев, и провел там всю оставшуюся жизнь⁵³. Нет никаких данных о том, что Саншес-младший примкнул к новообразованной общине: как и брат, он предпочитал числиться христианином.

Однако идея об оазисе терпимости и свободной торговли настолько запала в душу Антонио Саншеса, что уже после падения своего лиссабонского корреспондента и покровителя маркиза де Помбала, который прислушивался ко многим либеральным проектам Саншеса, он предлагает новым, гораздо менее просвещенным властям создать в устье реки Тежу свободный порт по образцу Ливорно⁵⁴. Для писательской манеры Саншеса характерно, что в тексте его небольшого трактата ни разу не употребляется слово «еврей». Но и упоминание о принесшей столь прекрасные плоды снисходительности великих герцогов Тосканских, и прямое требование религиозной свободы для обитателей нового порта не оставляют сомнений в смысле проекта.

Впрочем, эта затея была для Португалии конца XVIII в. уже некоторым анахронизмом. После Помбала еврейский вопрос в стране уже стоял — по крайней мере в той форме, в какой он

существовал в Португалии,— на протяжении предыдущих без малого трехсот лет. Однако вернемся к сефардско-российской проблематике. Если португальские евреи селились в России и до Саншеса, если интерес к торговле с Россией не был редкостью еще в XVII в., то в сфере науки и культуры контакты между Россией и сефардским миром до Саншеса практически отсутствовали.

Единственное исключение связано с именем известного португальско-еврейского врача и естествоиспытателя д-ра Жакоба де Кастро Сарменто, бежавшего от инквизиции в 1726 г., но сохранившего и после переселения в Лондон прочные контакты с научным миром своей прежней родины. А 1730 г. он рекомендует вниманию Португальской академии истории труд профессора церковной истории и красноречия при Петербургской академии наук Иоганна Петера Коля, посвященный славянским древностям⁵⁵.

Интерес к России и готовность поддерживать контакты с Петербургской академией Кастро Сарменто неоднократно проявлял и впоследствии.

Итак, сефарды о России знали. А знали ли в России о сефардах? Информация о существовании португальских еврейских общин на Западе проникала в Россию уже в XVII в.

Свобода и достаток, в которых жили сефарды в Амстердаме, произвели большое впечатление на известного дипломата Петровской эпохи князя Бориса Ивановича Куракина, сын которого, как мы увидим, сыграл немалую роль в жизни Рибейро Саншеса⁵⁶.

Уже в конце XVIII в. аналогичные оценки экономической мощи португальских евреев высказал президент Коммерц-коллегии сенатор граф Александр Романович Воронцов, дядю которого, канцлера Михаила Илларионовича, Саншес рассматривал как главного своего покровителя среди российских сановников. По окончании курса наук в Париже Александр Романович (возможно, не без помощи Саншеса) посетил Португалию, а также Испанию и Италию.

Через много лет Воронцову пришлось давать заключение о праве белорусских купцов-евреев жить в Москве. Своим отрицательным решением Воронцов фактически положил начало пресловутой черте оседлости. Давая в целом весьма негативную оценку моральным и профессиональным качествам еврейских торговцев, президент Коммерц-коллегии выделил из всей ев-

рейской массы состоятельных и культурных португальских купцов и банкиров, ничем не отличающихся от своих христианских коллег⁵⁷.

Наконец, в России были, видимо, высокого мнения об искусстве португальско-еврейских медиков. Французский сефард Жан-Батист да Силва был приглашен в Россию на должность придворного медика. Неизвестно, какие соображения заставили да Силву отказаться от лестного предложения⁵⁸. Вряд ли он знал, какая участь постигла двух иностранных врачей-евреев, практиковавших при московском дворе: один из них, Леон Жидовин из Италии, был казнен в 1490 г., другой, Стефан фон Гаден, поднят на пики стрельцами в 1679 г.

Да Силва благополучно служил лейб-медиком при французском короле Людовике XV и вел, судя по всему, образ жизни добропорядочного христианина, в то время как его семья, проживавшая, как большинство французских португальцев, на Юге Франции, сохраняла верность иудаизму⁵⁹.

В 1731 г. приглашение поработать в России (пока еще не при дворе, а в Москве) получил герой нашего повествования Рибейро Саншес. И, как мы уже знаем, он это предложение принял.

(Продолжение следует.)

¹ Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 9.

² Suplemento a Gaseta de Lisboa. 1782. Gazeta medecine. 26 de Julho.

³ Bibliothèque de l'École de Médecine. Manuscrits de Dr. Sanches. 4 2915. P. 148.

⁴ *Сомов В. А.* Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Очерки истории. Л., 1986. С. 224.

⁵ *Sanches A. R.* Dificuldade que tem um Reino Velho para emendar-se. Selecçã o, apresentação e notas de Victor de Sá. Lisboa, 1980. P. 155.

⁶ *Lemos M.* Ribeiro Sanches, a sua vida e a sua obra. Porto, 1911.

⁷ *Sanches A.R.* Op. cit. P. 13—17.

⁸ *Willemse D.* Antonio Nunes Ribeiro Sanches — élève de Boerhaave — e son importance pour la Russie. Leiden, 1966.

⁹ *Герман Ф. С.* Из забытого прошлого. Доктор Антонио Рибейро Саншес // Рассвет. 1881. № 16. С. 630—634; *Шугуров М. Ф.* История евреев в России // Русский архив. 1894. № 1. С. 88—93; *Грузенберг С.* Доктор Саншес — лейб-медик императрицы Елизаветы Петровны // Восход. 1898. № 7. С. 22—38.

¹⁰ См.: *Мирнада Ж. А. Н.* Рибейро Саншес и русско-португальские связи в

XVIII в. // Вестник Московского университета. 1987. № 3. С. 23 (серия История).

- ¹¹ *Коквицов П. Н.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 58.
- ¹² *Balard P.* La Romanie Génoise. Rome, 1978. Vol. 1. P. 274.
- ¹³ *Sanches A. R.* Christãos-Novos e Christãos-Velhos em Portugal. Lisboa, 1956.
- ¹⁴ *Marques A. H. de O.* Portugal Quinhentista (Ensaio). Lisboa, 1987. P. 238—239.
- ¹⁵ *Singer Ch.* Science and Judaism // The Jews. Their History, Culture and Religion. L., 1961. P. 1401.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 1402, 1405.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 1406.
- ¹⁸ *Israel J.* European Jewry in the Age of mercantilism. Oxford, 1989. P. 271.
- ¹⁹ *Sanches F.* Traetatus de multum nobili... Lugduni, 1581.
- ²⁰ *Israel J.* Op. cit. P. 218—219.
- ²¹ *Kellenbenz H.* Sephardim an der unteren Elbe. Wiesbaden, 1958. S. 152—154.
- ²² *Swetschinski D.* Waardige Kooplieden, ijverige bankiers, loyale hovelingen: de Suasso's en het Huis van Oranje / De familie Lopes Suasso financiers van Willem III. Amsterdam, 1988. Bl. 32.
- ²³ *Kellenbenz H.* Op. cit. S. 86—87.
- ²⁴ Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. VI. Стлб. 371.
- ²⁵ Там же. Стлб. 373.
- ²⁶ Там же. Стлб. 372.
- ²⁷ *Шубинский С. Н.* Первый петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5.
- ²⁸ *Carvalho R. de.* Relacões entre Portugal e a Russia no século XVIII. Lisboa, 1974. P. 4—5.
- ²⁹ [*Хмыров М. Д., Ефремов П. А.*]. Полное и обстоятельное собрание подлинных исторических, любопытных, забавных и нравоучительных анекдотов четырех увеселительных шутгов Балакирева, Д'Акосты, Педрилло и Кульковского. СПб., 1869.
- ³⁰ Sumário da vida do possessor que foi deste livro chamado Ivan Christian Semah de Costa Cortiços morto em de maço em Petersburg (Las Memorias de Felipe de Comines).
- ³¹ [*Хмыров М. Д., Ефремов П. А.*]. Указ. соч. С. 103, 105.
- ³² Там же. С. 106.
- ³³ Sumário...
- ³⁴ *Ibid.*
- ³⁵ *Ibid.*
- ³⁶ [*Хмыров М. Д., Ефремов П. А.*]. Указ. соч. С. 109.
- ³⁷ Sumário...
- ³⁸ *Carvalho R. de.* Op. cit. P. 12.
- ³⁹ *Маркиш Д.* Шуты, или Хроника из жизни прохожих людей. [Б.м.], [Б.г.].
- ⁴⁰ См.: *Perry N.* Voltaire's first months in England: another look at the facts // Studies on Voltaire and eighteenth Century. Genève, 1991. № 284. P. 133.

- ⁴⁴ Ibid. Vol. 126. P. 538, 544.
- ⁴⁵ См.: *Ефимов А. В.* Указ. соч. Следует, впрочем, отметить, что в петербургских рескриптах речь шла о морских границах, а точное местонахождение проектируемой колонии «прожектеры» не разглашали.
- ⁴⁶ The Bodleian Library... Zamboni papers. Vol. 132. P. 615.
- ⁴⁷ Archivo nacional de Simancas. Estado. Leg. aji 6899.
- ⁴⁸ См.: *Anuario de Estudios Americanos*. Sevilla, 1970. Vol. 23. P. 49—62.
- ⁴⁹ Bibliothèque de l'École de Médecine. Manuscrits de Dr. Sanches. № 2018, 31.
- ⁵⁰ The Bodleian Library... Zamboni papers. Vol. 132. P. 432.
- ⁵¹ *Giura V.* Gli ebrei e la ripresa economica del Regno di Napoli 1740—1747 // *Revue Internationale d'Histoire de la Banque*. Genève, 1977. № 15. P. 3—16.
- ⁵² Ibid. P. 95—96.
- ⁵³ *Lemos M.* Op. cit. P. 128.
- ⁵⁴ *Sanches A. R.* Dificuldade... P. 99—106.
- ⁵⁵ Biblioteca Nacional de Lisboa. Códigoc. № 712. Jacob Castro Sarmiento à Academia Real Portuguesa da Historia. ¹/₁₂ de Setembro de 1730. P. 159—160.
- ⁵⁶ Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 1. С. 132.
- ⁵⁷ «Московское изгнание» евреев 1790 года / Публ. Д. Фельдмана // *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1996. № 1(11). С. 191.
- ⁵⁸ См.: *Friedenwald H.* The Jews and Medicine. Baltimore, 1944. Vol. 1. P. 232.
- ⁵⁹ *Nahon J.* From New Christians to the Portuguese Jewish Nation in Franco // *Moreshet Sepharad: The Sephardi Legacy*. Jerusalem, 1992. Vol. 2. P. 360.



АРХИВ

ПУБЛИКАЦИИ

«СО СТРАШНОЙ БЫСТРОТОЙ РАСТУТ АКТИВНЫЕ СИЛЫ СИОНИСТОВ ИЗ НЕДР ЕВРЕЙСКИХ МАСС...»

В июле 1925 г. Оргбюро ЦК КП(б) Украинской ССР приняло постановление об очередных задачах по работе среди еврейского населения республики. В нем, как и в предыдущих, намечался ряд мероприятий по приобщению еврейского населения к аграризации, производительному труду в промышленности, направлению молодежи в средние специальные и высшие учебные заведения. Предусматривалось расширение сети различных курсов, школ, училищ, медицинских учреждений, очагов культуры на идише, что должно было, по мнению партийных органов, окончательно уничтожить сионистское движение, представляющее «интересы национальной буржуазии и не пользующееся влиянием на еврейской улице».

В такой внешне благоприятной обстановке неожиданными оказались массовые выступления сионистов в республике. В противоборство с советской властью, ее карательными органами вступили те, кого, казалось бы, загнали в глубокое подполье, обескровили ощутимыми репрессиями в предыдущие годы, разобщили между собой. О том, что собой представляло сионистское движение в Украине: его социальная база, политические группировки, практическая деятельность, — довольно убедительно свидетельствует докладная записка руководства ОГПУ УССР, направленная в сентябре 1925 г. первому секретарю ЦК КП(б)У Л. М. Кагановичу.

Документ, что называется, самой высшей степени секретности, принятой в делопроизводстве комитетов ВКП(б). Согласно инструкции, конверт с буквой «К», а именно в нем находилась докладная записка, мог открыть только первый секретарь ЦК или в его присутствии заведующий общим отделом, который тут же должен был передать извлеченную из него записку первому секретарю. А последний мог ее прочитать сам или решить ознакомить с ее содержанием своих подчиненных.

В докладной записке руководства ОГПУ первому секретарю ЦК КП(б)У Л. М. Кагановичу речь идет о состоянии сионистского движения в Украине в середине 20-х гг. нынешнего столетия. Раскрываются источники пополнения его местных организаций, основные программ-

ные положения, формы и методы работы в еврейской среде. Показана тщетность попыток карательных органов советской власти уничтожить это движение.

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)
УКРАИНЫ тов. КАГАНОВИЧУ

Серия -К-

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

За последние полтора года на Украине снова всплыл позабытый после Октябрьской Революции «еврейский вопрос».

Этот вопрос, казалось, должен был отойти в область преданий после разрешения Коммунистической партией вопроса национальной политики на Украине, однако *он выплыл наружу так сильно и резко, что стал предметом обсуждения и волнения в двухмиллионной среде еврейских масс.*

Двухмиллионное еврейское население, находящееся в местечках, неизбежно всем ходом исторических событий должно стать жертвой нашей экономической политики. *Наша борьба в местечках и в небольших городках с мелкой буржуазией за обладание рынком, за непосредственную связь с крестьянством в целях удовлетворения его продуктами нашей крупной и мелкой промышленности — есть в общем и целом борьба с еврейскими массами, олицетворяющими целиком почти эту мелкую буржуазию.*

Развивавшиеся многочисленные сионистские организации на Украине избрали лейтмотивом своей довольно удачной пропаганды и агитации *высказанное нами выше положение.* Их рассуждения сводятся к следующему: *кажущаяся разрешенной национальной проблема на Украине сведена Советской властью в отношении еврейского народа к его физическому и моральному уничтожению. Даже более левая часть сионистских группировок сводит вопросы экономики на национальные рельсы.*

Сильный рост сионизма и органическая его связь с еврейскими массами становятся понятными при подходе к нему не как национальному движению, а как исключительно к политическому движению еврейской мелкой буржуазии.

Наша борьба с сионизмом год-полтора тому назад, да и сейчас, отчасти сводилась к хорошо рассчитанным актам прямого действия, дававшим возможность ослабить от времени до времени движение. Мы снимали актив сионистских группировок, сажали в Допры наиболее сильную часть организации, подвергали высылке слишком активных лиц и этим самым достигали временных затиший. Нам казалось, что движение не примет широкого размаха, что оно не сделается массовым, мы, по-видимому, не учли объективных причин, превративших сионистское движение в *политическое движение* еврейской мелкой буржуазии.

В настоящее время мы стоим перед фактом чрезвычайно серьезного характера: наши меры административной борьбы с сионистским движением не достигают своей цели, так как со страшной быстротой растут активные силы сионистов из недр еврейских масс и преобладающим контингентом этих сил является молодежь.

Какие же группировки сионистов имеются у нас на Украине, каковы их программы и основные лозунги?

Число группировок этих доходит до 9-ти.

1. Алгемейн-Сионисты¹.
2. Сионистско-Социалистическая партия — ЦСП.
3. Сионистско-Социалист. Союз Молодежи — ЦСЮФ.
4. Партия сионистов-трудовиков — СТП².
5. Единая Всерос. орг. сион. мол.— ЕВОСМ³.
6. Гашомер Гацоир классовый⁴.
7. Гашомер Гацоир правый⁵.
8. Гехолуц красный и белоголубый⁶.
9. Сионистско-соц. федерация — «Дройр»⁷.

Кроме того, имеется значительное количество шовинистических кружков с сионистским уклоном, как то:

1. «Тарбут» общество любит. евр. языка⁸.
2. «Бнейцион» дети Сиона⁹.
3. «Кадимо»¹⁰ и т. д. и т. п.*.

* *От ред.*

¹ Общие сионисты.

² Правые «Поалей Цион».

³ Единая Всероссийская организация сионистской молодежи (молодежный филиал правых «Поалей Цион»).

⁴ Левые «Гашомер Гацоир».

⁵ Правые «Гашомер Гацоир».

⁶ Легальный и нелегальный «Гехолуц».

⁷ Сионистско-социалистическая молодежная федерация «Дройр».

⁸ Общество ивритоязычной культуры и образования «Тарбут», находившееся под патронажем сионистского движения.

⁹ Бней-Цион (Сыновья Сиона).

¹⁰ Общество ивритоязычной культуры «Кадима». Под этим названием известны по крайней мере две организации. Сионистская студенческая организация «Кадима» и общество ивритоязычной культуры «Кадима».

Основные лозунги и программы каждой группировки:

Алгемейн-Сион. Буржуазная группировка, стремящаяся создать правоохранное убежище для евреев в Палестине. Четкой организационной

формы эта группировка не имеет, так как была окончательно разгромлена Октябрьской Революцией. Отдельные члены организации поддерживают связи с Американскими, Английскими и другими Западно-Европейскими сионистами, а также оказывают содействие нелегальной эмиграции в Палестину.

ЦСП. Основными программными тезисами этой партии являются:

1. Свобода политической организации трудящихся, легализация всех социалистических партий, стоящих на платформе Советской власти.

2. Свобода печати и отмена разрешительного порядка на издания.

3. Нац. персональная автономия путем создания системы советов евреев трудящихся.

4. Представительство от евр. трудящихся в Совете Национальностей.

5. Приобщение евр. трудящихся к производительному труду путем создания национальной производительной, с.-х. кредитной и потребительской кооперации.

6. В области переселенческой — создание Союза переселенческих кооперативов и центрального переселенческого банка при нац. советах.

7. В области культурно-просветительской — создание сети евр. школ всех ступеней, профшкол, курсов и т. д.

8. В области здравоохранения и соц. обеспечения — организация сети больниц, амбулаторий, диспансеров для евреев трудящихся.

9. В области судебной — организация евр. судебных учреждений во всех инстанциях.

10. В области обороны Союза СССР — формирование в Кр. Армии евр. нац. частей.

11. Языком нац. персональной автономии должен стать «Идиш» (жаргон) с представлением возможностей полного развития «Иврит» (др. еврейский).

12. Государственное регулирование эмигрантами в Палестину и полная легализация Палестинизма.

В области Палестинской работы ЦСП выставляет следующие требования:

Создание в Палестине правления на демократических началах.

Предоставление всем населяющим Палестину нациям автономии.

Эмиграция трудящихся в Палестину должна быть свободной и гарантированной Конституцией страны.

Югенд. Югенд является политической группировкой, объединяющей сионистско-социалистическую молодежь. Организационно он самостоятелен, но партия, работая в Югенде, стремится подчинить его себе.

Политическая работа Югенда сводится:

1. К борьбе за сионистско-социалистические принципы.

2. К пропаганде сионистско-соц. идей среди евр. трудовой молодежи.

3. К воспитанию этой же молодежи в нац. сион. духе.

Экономическая работа Югенда заключается в коллективном и индивидуальном подходе к производительному труду путем создания артелей, коллективов или работы в Гехолуце.

Партия сионистов-трудовиков является мелкобуржуазной сионистской группировкой, опирающейся на мелкую евр. буржуазию.

Основными моментами программы СТП являются:

Персонально-национальная автономия в СССР для всех евреев, разрешение свободной эмиграции в Палестину, а также постепенная лаборизация евр. масс.

ЕВОСМ. СТП, как и всякая партия, стремясь подготовить себе резерв, образовала в еврейской молодежи организацию ЕВОСМ.

Основными лозунгами этой организации являются:

1) воспитание активной национально-трудовой еврейской личности, всесторонне подготовленной к строительству Палестины и к борьбе за оздоровление евр. жизни в Голусе (изгнание),

2) борьба с ассимиляционными тенденциями в среде еврейской молодежи и приобщение ее к национальной еврейской культуре,

3) выработка у еврейской молодежи сионистско-трудового мировоззрения и подготовка активной смены для СТП.

ГашомерГацоир (левый). Еврейская национально-скаутская организация, ставящая своей задачей физическое и культурное возрождение еврейской молодежи, а также воспитание в национально-сионистском духе еврейской детворы. Организация эта имеет чисто военную окраску. В политическом отношении находится под влиянием ЦСП и ЦСЮФ. Еврейская детвора, прошедшая школу шомеринга, получает продолжение своего национ. сион. воспитания в ЦСЮФ.

Гашомер Гацоир (правый). Национально-сионистская скаутская организация, находящаяся под идейным руководством СТП и ЕВОСМ. Задачи — создание из еврейской детворы кадров для ЕВОСМ и СТП.

Гехолуц. Организация чисто экономического характера, ставящая своей задачей подготовку квалифицированных рабочих для Палестины путем создания с.-х. коллективов, мастерских артелей и кустарных предприятий. В самом Гехолуце идет постоянно ожесточенная борьба между ЦСП и СТП за идеологическое влияние той или иной группировки. Под влиянием этой борьбы Гехолуц раскололся на Красный (Ц-эсовский) и белоголубой (СТП-ский).

Дройр (свобода). Эта организация стремится к созданию единого союза сионистско-социалистической молодежи путем объединения существующих организаций и молодых групп, как то: Гашомер Гацоир левый, Югенд ЦС и союза евр. нац. молодежи — ЕССМ.

Руководящий центр организации находится в Варшаве. На Украине

же работают незначительные группы в Киевской, Одесской, Винницкой и Подольской губерниях.

Состав организаций. Из кого же слагаются, комплекуются сионистские организации?

Молодежь. Прежде всего из молодежи, ищущей выхода из замкнутого, ограниченного в культурном и политическом отношениях местечка. Еврейской молодежи местечек и городков, живой и любознательной по природе, ставшей способной не только к торгашеству, но и физическому труду, тяжело мириться с мыслью о своем физическом отмирании. При иных условиях, речь о коих будет ниже, она — молодежь — не только бы мирилась с отмиранием местечек и городка, но *активно бы уничтожила их, отлично сознавая реакционную сущность их в политическом, экономическом и культурном отношениях.* Но при настоящих условиях, когда она занята упорной борьбой за кусок насущного хлеба, когда она не может быть включена в общий ток прогрессивного развития, когда ей не дают приобщиться к Советским и общественным учреждениям, в силу ее экономического и социального бытия, она предоставлена самой себе, *создает свои собственные организации в целях самозащиты и спасения отживающего реакционного местечка и городка. Но и этого для ней недостаточно — она обращает свои взоры на Палестину, как на маяк спасения от вырождения и смерти.*

Лавочники и кустари. В меньшей мере членами сионистских организаций становятся *мелкие лавочники и кустари.* Побуждения их чисто экономического характера. Им правые и левые сионистские организации, также молодежь вещает уменьшение налогов, расширение прав при условии активности в этих организациях и поддержки борьбы с Соввластью. Если значительная часть кустарей и лавочников не вступает в организацию, то это не значит, что масса таковых в целом прямо и косвенно не поддерживает сионистов. Это ж скрытые резервы сионистов, от коих черпаются «шекеля» и другие материальные средства для пропаганды, агитации, печати и т. д. По имеющимся сведениям, 60—70% этих кустарей, лавочников, не состоящих членами организации, все же активно их поддерживают.

Социальный состав сионист. группировок. В процентном отношении социальный состав сионистских группировок в круглых цифрах следующий:

ЦСП	50% кустарей и ремесленников 30% учащихся 5% рабочих
ЦСЮФ	остальные — мелкая буржуазия. 50—60% учащихся 30% кустарей и ремесленников 10% рабочих остальные — мелкобуржуазный элемент.

СТП	90% еврейской мелкой буржуазии 10% учащейся молодежи 5% рабочих
ЕВОСМ	5% кустарей и ремесленников. 80% учащихся детей евр. мелкой буржуазии 10% кустарей и ремесленников 5—10% рабочих.
<i>Алгемейн-сионисты</i>	Черпают свой состав исключительно из торговцев, комиссионеров, посредников и т. п.
<i>Возрастной состав ЦСП и СТП</i>	Что касается возрастного состава, то он следующий: с 21—22-х лет до 35—40
<i>ОСМ и ЦСЮФ</i>	с 16—17 лет до 24—25 л.
<i>Гашомер Гацоир</i>	в возрасте 13-ти до 20—21 года
<i>Цофим, Герплеи и Нацмол</i>	с 8-ми до 13—14 лет.

Казалось бы, что единственным элементом, коему надлежало бы противостоять сионистскому движению в силу чисто экономических причин, должна была быть еврейская колония, однако и здесь мы очень часто сталкиваемся с фактами связи колонистов с сионистами. Причины этого явления, конечно, связаны с источниками другого порядка, о коих речь будет ниже.

Численность сионистских группировок. Что же касается численности сионистских группировок, то можно без преувеличения сказать, что нет ни одного более или менее населенного еврейского пункта на Украине, где не было бы сионистской ячейки, группы, являющейся во всех отраслях жизни данного селения активной и часто даже превосходящей в смысле влияния и руководства массой местные комячейки и общественно-советские организации.

Рост их за последний год. За последний год сионистские группы сильно разрослись.

Так, в прошлом году на 1-е ноября у нас на учете состояло 1528 человек членов сионистских группировок. Причем актив выразался цифрой 170—200 человек.

В настоящее время, в связи с сильным ростом сионистского движения и охвата ими широкой массы еврейской молодежи, число членов организации одной лишь сионистской молодежи на Украине превышает 5000 человек.

Численность ЦСЮФ. ЦСЮФ имеет у себя свыше 3000 человек вместе с рядовыми и активно сочувствующими.

Численность Гашомер Гацоир. Что же касается Гашомер Гацоир левого и правого, то благодаря чрезмерному и быстрому росту этих организаций они не поддаются правильному учету.

Кол.ч. сион. в Кам.-Под. округе. Для того, чтоб не быть голословным в том, что нет ни одного более или менее населенного пункта на Украине, где не было бы сионистской ячейки или группы, возьмем пример: учет по Коростеньскому и Каменец-Подольскому округам:

По Каменец-Подольскому округу

г. Каменец	82 человека
в Чемировце	40 »
» Калюсе	21 »
» Жванце	9 »
» Зинькове	56 »
» Н. Ушице	54 »
» Кит. Городе	9 »
» Оринице	10 »
» Дунаевцах	10 »
» Ляскоруне	9 »
» Миньковцах	15 »
» Франдолье	8 »

Кроме того, насчитывается свыше 100 человек сочувствующих и организовано 10 групп детских в самом Каменце и его районах.

Численный состав этих групп очень велик:

По Коростеньскому округу:

г. Коростень	Левый Гехолуц	33 чел.
	Югенд ЦС	9 »
	Лев. Гашомер	75 »
	Прав. Гехолуц	15 »
г. Коростень	ЕВОСМ	9 »
	Прав. Гашомер	50 »
с. Чеповичи	СТП	6 »
	Прав. Гехолуц	28 »
	Прав. Гашомер	20 »
	ЕВОСМ	30 »
с. Малени	Прав. Гехолуц	15 »
	ЕВОСМ	36 »
	Прав. Гашомер	25 »
с. Монин	Прав. Гехолуц	11 »
	ЕВОСМ	6 »
	Прав. Гашомер	8 »
м. Ушомер	Прав. Гехолуц	20 »
	Прав. Гашомер	20 »
м. Лушны	Лев. Гехолуц	12 »
	Югенд	7 »
	Лев. Гашомер	15 »
Олевск	Лев. Гехолуц	9 »
	Лев. Гашомер	75 »
	Алг.-Сионисты	3 »

с. Жубровичи	Лев. Гехолуц и » Гашомер	очень велики, количество членов не установлено
м. Овруч	Лев. Гехолуц Лев. Гашомер	8 ч. 25 »
м. Словечино	Лев. Гехолуц	7 »
с. Выстоповичи	Лев. Гехолуц	10 »
с. Возовка	Лев. Гехолуц	12 »
м. Нарядичи	Лев. Гехолуц	25 »

Кроме того, имеются небольшие группы в с. Базар, Сичевая, Дитковичи, Рудни, Родовельской, Норинске, Вагатниках и с. Ходаки.

Эти цифры фиксируют главным образом актив и частью рядовых. Не включены здесь сочувствующие и часть рядовых, которые в некоторых местах даже превосходят вдвое указанное выше количество.

Сионистская детвора и юношество. Особое внимание следует обратить на детвору и юношество. В организации Гашомер Гацоир в некоторых местах втянута половина еврейской детворы. На детвору сионисты устремляют много сил и уделяют ей много внимания. Создают скаутские ячейки, патрули, отделения, дружины и легионы. Легионы объединяют в штабы. Для примера деятельности Гашомера возьмем Полтаву.

Легион в Полтаве. Легион доходит до 250-ти человек. Последнее собрание легиона состоялось в последних числах августа. Присутствуют на собрании 200—215 человек. Собираются 6—8 верст за Полтавой. Детвора обрабатывается всесторонне. На собраниях проводится параллель между Ленинцами и легионерами. Ставятся вопросы о конспирации, о принятии мер против усиленной слежки властей и т. п.

Борьба административными мерами с ними почти невозможна, так как в большинстве своем Гашомерцы — детвора 13—16 лет, а Герцлята и Цофам — 10—11 лет. Аресты руководителей хотя и ослабляют работу на время, но к существенным результатам не приводят, ибо актив и число руководителей значителен и место выбывших немедленно занимают оставшиеся.

Работа сионистской детворы в Киеве. Другой пример усиленной работы сионистской детворы:

Киевский отдел ГПУ в месячном докладе за май так сообщает: «...Мы должны отметить ее регулярную работу: сборы патрулей, отрядов и дружин. Имело место в отчетном периоде собрание всего Киевского легиона, посвященное 4-х летию легиона. Годовщина легиона наступила еще в начале мая, но посвященный сбор ей состоялся лишь 28-го мая. Сбор проходил в 15-ти верстах от города в лесу, в Пуцееводице. Накануне ночью была разслана эстафета, и в 6 час. утра все поодиночке пешком отправилась. Сбор провел Эля Гушанский, который говорил о целях и задачах Гашомер Гацоир. На сборе были даже начальники Винницкого

и Олевского легионов. Но были все 7 отрядов Цофам, отряд шомеров и кандидатов, не было только волчат и внешней группы. *Всего присутствовало около 400 человек.*

Из всего вышеизложенного невольно возникают следующие вопросы: *О методах борьбы с сионистами. 1. Если сионистское движение есть массовое движение экономического и политического характера еврейской мелкой буржуазии, то следует ли кроме мер борьбы чисто репрессивного характера принять еще меры парализации данного движения?*

2. Можно ли одними мерами административного воздействия ликвидировать указанное движение?

Мы считаем, что вопросы эти были бы легко разрешимы, если бы в наличии имелось 10-ти миллионное евр. население, из коих часть, именно полтора миллиона или два населения, представляло мелкую буржуазию.

В этом случае борьба с последней, прямо вытекающая из элементарных основ нашей политики, не вызывала бы никаких сомнений, не заставляла бы задумываться о способах и методах. Но вся серьезность положения заключается в том, что в силу исторических объективных причин эта мелкая буржуазия олицетворяла $\frac{3}{4}$, если не больше, еврейской массы, населяющей Украину, и таким образом классовый вопрос, чисто экономическая борьба превращается в борьбу с национальной единицей. *Поскольку это так, перед нами стоит задача парализации сионистского движения с меньшим ущербом для всей еврейской массы в целом.*

Всеми вышеизложенными вопросами, их разрешением должны были заняться партийные органы в лице Евсекций, общественные и советские организации в лице тех же секций, имеющих при органах Народного образования и Советов.

Слабость работы Евсекций. Но мы должны констатировать печальный факт, что за двухлетнюю борьбу с сионистскими организациями указанные нами органы не делают ничего такого, что могло парализовать сионистское движение, вырвать активную часть молодежи и обратить их в советскую единицу.

Мы уже выше констатировали, что главным контингентом лиц, резервом пополнения сионистских организаций является молодежь. Если бы в отношении последней Евсекции в лице своих периферийных органов ставили вопросы шире, чем они стояли до сих пор, т. е. размыкали бы замкнувшиеся комсомольские организации, ставили бы ставку на привлечение еврейского юношества к общественно-советской работе, на вовлечение в кустарнические школы, кои следовало бы создать, *мы бы наверняка оторвали абсолютное большинство еврейской молодежи от сионистских организаций и тем самым в значительной мере их парализовали. В этом случае можно бы воспитать еврейский актив, который сделался бы одним из главных поборников уничтожения реакционного местечка и городка.*

Слабая постановка еврейской печати. Периодическая пресса, освещающая жизнь евр. местечек, и литература на евр. языке *поставлены из рук вон плохо.* Единственная евр. газета «Штерн» за последнее время уменьшает свой тираж, и многие пытаются объяснить этот факт отсутствием в еврейских массах читающей публики на еврейском языке. *Этот факт, конечно, ничего общего не имеет с действительным положением вещей.*

Литература у сионистов. Если собрать всю нелегальную сионистскую литературу, которую читают нарасхват, то мы получим яркий показатель интересов евр. масс к прессе и литературе.

В то время, как Евсекции имеют одну газету «Штерн», сионисты — свыше 10 периодических изданий, в большинстве случаев двухнедельные, масса местных изданий еженедельных и, кроме того, выпускают в большом количестве экз. листовки, воззвания и т. п. во время ударных компаний, проводимых ими.

Печать ЦСП и ЦСЮФ. Например — ЦК ЦСП и ЦСЮФ выпускают двухнедельный информационный бюллетень и журнал «Югенд». Харьковский райком ЦСП выпускает журнал «Наш голос».

Печать Дройр. Дройр распространяет «Революционную мысль», а трудовики в большом количестве читают двухнедельную газету «Унзер Руф».

Издания ЕВОСМ. Большим распространением пользуются журналы «Идиес» и «Деркейну», выпускаемые Центральным комитетом ЕВОСМ.

Кроме того, имеют свою печать молодежь, Гашомер Гацоир, детворо-Цофим.

К этому нужно добавить целый ряд скаутских журналов, как, например: «Путь скаут-мастера» и детский листок.

Листовки и воззвания. Листовок и воззваний, приуроченных к особым кампаниям, праздникам, арестам, годовщинам на Украине, в месяц выпускается в среднем 5—8 сотен экземпляров.

Вся эта литература печатается в большинстве случаев на шапирографах, стеклографах и на пишущих машинках.

Периодическими изданиями центр снабжает места в достаточном количестве. Если же и были случаи, когда литературы не хватало, то местные организации своими собственными силами перепечатывают и увеличивают тираж.

Интерес еврейских масс к литературе. Это показывает, что интересы еврейских масс к прессе и литературе велики.

Отсюда нужно сделать вывод, что «Штерн» и другие периодические издания Евсекции уменьшаются в тираже не в силу уменьшения читающей публики, а в силу того, что они не заинтересовывают ее, не дают ей максимум того, что ей нужно.

Характерн. момент, рисующий слабость печати Евсекции. Как на один характерный момент, достаточно рисующий слабость печати Евсекции, укажем на следующий факт:

Недавно в Вене происходил сионистский конгресс. Обстановка этого съезда и вопросы, разрешаемые им, чрезвычайно интересны. Интересно и то, что евр. молодежь в Вене активно восстала против съезда. Съезд состоялся в более или менее сносных условиях благодаря тому, что премьер-министр Австрии гарантировал им безопасность.

На страницах еврейской прессы такие значительные факты почти не освещены были. Так дело обстоит со многими вопросами. Как, например, положение в Палестине и т. д.

Евр. печать в Зап.-Евр. государствах. Совершенно в другие условия поставлена еврейская печать в Западно-Европейских государствах. Если взять такое государство, как Польша, то оно насчитывает 14—15 ежедневных еврейских газет, имеющих большой тираж с тенденцией к увеличению, а не уменьшению. Пресса настолько обрабатывает умы евреев, что они становятся лучшими патриотами существующего там государственного строя. Когда недавно министр Скиншинский поехал в Америку за получением кредитов, то на страницах евр. прессы эта поездка встретила большое сочувствие. Кроме того, вслед за Скиншинским в Америку поехал председатель евр. колон. Райх, дабы убедить Американских капиталистов-евреев в необходимости поддержки Польского государства, весьма заботливо якобы относящегося к еврейскому населению.

Если в нашей прессе нет голоса Украинского еврея, реагирующего на те или иные мероприятия Соввласти, если в нашей прессе не раздаётся голос еврейского труженика Польши; стонущего под двойным ярмом шовинистически-шляхетского государства, то этим самым мы выдаем Райху кредиты на право информации и доклада о положении евреев не только в Польше, но и на Украине.

Отсутствие внепартийной общ. орган. Самым большим злом, по нашему мнению, является отсутствие внепартийной общественной организации из учителей, учащейся молодежи, отдельных близко стоящих к нам кустарей, через которые партийные органы в лице Евсекций могли бы воздействовать на еврейские массы. В условиях существования таких внепартийных культурных и общественных организаций, орудий воздействия Евсекций — усиливает во много раз и дали бы положительные результаты.

Бесплодные попытки Евсек. воздействовать на массы. В противном случае мы имеем в наличии подчас бесплодные попытки отдельных зав. Евсекциями лично воздействовать на массы через отдельных еврейских коммунистов или через замкнутые комсомольские организации; в худшем и более распространенном случае мы имеем одиночек заведующих, которые делают попытки расчищения сионистско-шовинистической почвы в еврейских районах.

Следует отметить еще тот факт, что Евсекции не унаследовали от партийных комитетов весьма хорошие традиционные методы борьбы с враждебными партийными группировками.

Мы знаем, что обычно партийные комитеты, имея в наличии *выходцев из других организаций*, в особенности пользовавшихся большим авторитетом среди масс, *использывают их впоследствии для борьбы с теми же организациями*. Евсекдии этого не только не давали, но ставили невозможные условия для приобщения многих выходцев из евр. организаций к Советской общественной работе. Получилась узкая монополизация на евр. улице, не дающая возможность усилить разложение вышеназванных организаций, сделать массовый выход из таковых по аналогии меньшевиков, эсеров и т. п.

Недостатки в работе Комсомола. Недостаточно ведет борьбу и Комсомол. Имеющиеся в Секретном отделе факты говорят за то, что часть еврейской молодежи хочет работать в общественных учреждениях и принимать участие в Советской работе. Руководители Комсомола в таких случаях не допускают молодежь ни к какой работе. Конечно, принимать в Комсомол такую молодежь нельзя, но *допускать их к работе в общественных учреждениях следовало бы, ибо из них можно создать преданный Советской власти актив.*

Сплошь и рядом наблюдаются еще следующие случаи:

Некоторые из членов сионистских группировок молодежи разочаровываются сионизмом и из организации выходят.

Отношение союза к бывшим. После этого эти лица преисполнены желанием работать преданно Соввласти. Но руководители комсомольских ячеек относятся к этой молодежи, которым сплошь и рядом по 18—19 лет, с большим пренебрежением и не допускают ни к какой общественной работе.

Такой случай, например, имел место в 1923 году, когда весь комитет Югенда в Харькове вышел из организации и помог нам развалить ее. Члены комитета студенты желали поступить в ЛКСМУ и хотели активной общественной работы. Но к ним замечается со стороны ячейки особое отношение, совершенно безразличное.

Еще раз повторяем, что, по нашему мнению, принимать в союз молодежи и в партию таких лиц сразу нельзя, но привлечь их к Советской работе, обратить на них внимание союза и дать им возможность преданно для Соввласти проявлять свою деятельность — необходимо.

Меры, предприн. сионистами к организации всей евр. мол. Сионистами в настоящее время предпринимаются меры к организации беспартийных масс во всесоюзном масштабе. *Ими же выдвигаются лозунги организации всей еврейской молодежи социалистического направления. Планы эти сионистами могут быть в некоторой степени удачно реализованы, если нами не будут предприняты, противопоставлены серьезные мероприятия в области разложения сионистских организаций и уничтожения причин, способствующих их развитию.*

Из этих мероприятий главнейшими, по нашему мнению, являются следующие:

Главнейшие мероприятия в борьбе с сионизмом. 1. Продолжать приме-

нение репрессивных мер к наиболее серьезному и взрослому активу сионистских группировок.

2. Необходимо качественно и количественно усилить Евсекции на местах с тем, чтобы они имели возможность организовать близкие к нам беспартийные части еврейства с целью овладеть местечком и городком.

3. ЦК ЛКСМУ пересмотреть вопросы о принятии в союз местечковой молодежи.

4. Взять курс на вовлечение еврейской молодежи в общественную работу Комсомола, как то: в рабкоровское и селькоровское движение, в культурную работу в клубах всей еврейской молодежи, которых нельзя по тем или иным причинам в настоящее время принять в члены союза.

5. Облегчить в значительной мере порядок принятия в Комсомол молодежи, работающей в колониях.

6. Наряду с фабзавучами и крестьянской школой организовать школы кустарей с расчетом вовлечения в них как можно большего числа евр. местечкового юношества.

7. Руководителям пионерской работы уделить серьезное внимание по разложению организаций евр. сион. детворы.

8. Уменьшить расходы по наделу земли для желающих перевестись в колонии, предоставлять долгосрочные и малопроцентные кредиты и обеспечить кредит на тех же условиях на с.-х. инвентарь и др. принадлежности.

9. Наряду с указанным считаем необходимым создать общество колонистов при Наркомземе под руководством специально выделенных товарищей коммунистов, которые бы специально занимались вопросами колонизации. Это общество должно быть тесно связано с ОЗЕТОМ, которому необходимо усилить коммунистическое большинство из лиц, пользующихся большим авторитетом в еврейских массах. В это общество должны быть втянуты для активной работы выходцы из др. еврейских партийных организаций.

10. В области периодической и непериодической печати необходимо:

а) сделать единственную газету «Штерн» действительно массовой с тем, чтобы на ее страницах отражалась жизнь местечек, городков с их наиболее важными вопросами. Газета должна не казенно, а живо ухватывать все вопросы, касающиеся евр. масс, с общими вопросами строительства и развития Союза. Исключительное место должна занимать информация о положении евреев в Западно-Европ. государствах, в особенности в Палестине, где классовая борьба усилилась в значительной мере,

б) создание сети газет на русском языке, освещающих жизнь еврейских районов, местечек и городков, ибо не все евреи знают еврейский язык в таком размере, чтобы свободно читать газеты на евр. языке. Сионисты это прекрасно учли и большинство своей печати выпускают на русском языке,

в) вопросам колонизации, связанных с ними кредитов и других

мероприятий *должны быть посвящены дешевые брошюры на евр. и русском языках в большом тираже,*

г) вопросам развития еврейской культуры (школы, студии, театры и т. д.) должны быть посвящены специальные журналы, которые по дешевой цене могли быть распространяемы среди наиболее активной части еврейства.

11. Считаю крайне необходимым проезд на Украину группы коммунистов из Палестины с тем, чтобы они широко информировали еврейские массы о разгоревшейся классовой борьбе в Палестине, чтобы они, ознакомившись с положением на Украине, могли бы сопоставить процесс дальнейшего развития еврейского народа в нашем Союзе и в Палестине, и наконец,

12. Необходимо поставить на обсуждение вопрос о целесообразности создания при ЦК ЛКСМ Украины еврейской секции, которая бы занялась серьезной работой среди еврейской молодежи. Последнее будет, по нашему мнению, вполне целесообразно ввиду того, что молодежь требует в настоящий момент очень серьезного внимания.

Зам. Пред. ГПУ УССР
Карлсон¹

Резолюция Л. М. Кагановича на первой странице документа: «Разослать всем членам ЦК и председ. ЦКК»².

¹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ), ф. 1, оп. 20, д. 2019, лл. 49—70.

Дата написания документа, *15 сентября 1925 года*, имеется на его копии.

² См.: ЦГАООУ, ф. 1, оп. 20, д. 2007, лл. 105—117.

Предисловие и публикация В. ГУСЕВА.



ВОСПОМИНАНИЯ

Р. Лерт

ЕВРЕЙСКИЙ ПОГРОМ В КИЕВЕ В 1919 ГОДУ

Предлагаемый читателю отрывок (с. 46—57) из неопубликованных воспоминаний Раисы Борисовны Лерт (1906—1985) принадлежит перу советской журналистки и публицистки, относящейся к той среде русской интеллигенции еврейского происхождения, на долю которой выпало активное участие во многих событиях, происходивших в XX в. в нашей стране. Сведения об авторе воспоминаний можно найти в ее книге, изданной с предисловием сына — И. А. Энгельгардта (*Лерт Р. Б.* На том стою: Публ. «Самиздата». М., 1991) и в статье А. П. Шикмана «Человек в развитии» (Советская библиография. 1991. № 3. С. 94—105).

<...> Я постараюсь уточнить месяц и число того страшного дня. Помню только, что это была осень 1919 года, но осень теплая, золотая. Несколько дней гремела канонада, киевляне отсиживались в подвалах. Что происходит, никто, конечно, не знал, только впоследствии выяснилось, что Красная Армия прорвала фронт под Ирпением и подошла близко к Киеву. Видимо, комендант города денкинской генерал Бредов имел в своем распоряжении незначительные силы — и город вот-вот должен был быть взят Красной Армией. Но в это время к Киеву подошла казачья «дикая дивизия» и вступила в переговоры с командованием в духе того, что, дескать, дадите три дня на грабеж — отгоним красных, а не дадите — повернемся и уйдем (надо полагать, уже тогда началось разложение белой армии, впоследствии так убедительно описанное В. В. Шульгиным). Очевидно, разрешение было дано.

Сидевшие в подвале с матерью семнадцатилетняя Зина и тринадцатилетняя Рая ни о чем таком, разумеется, не знали. И когда канонада стихла, мы, вместе с соседями, выбрались из подвала...

Было утро, теплое утро бабьего лета. Открыли окна, поставили самовар, стали думать, что бы поесть. За дни, проведенные в подвале, хлеб съели, а идти в булочную было боязно. Продуктов

в запасе почти не было, да и денег тоже: обстрел города начался накануне того, как мама должна была получить свое жалованье. Мама на скорую руку испекла какие-то лепешки — и мы сели пить чай.

...Птицы пели за окном. Солнце играло на самоваре, отражалось в стаканах...

И вдруг через открытое окно со двора донесся страшный, пронзительный женский вопль, и одновременно с противоположной стороны, с улицы, в запертую парадную дверь загрохотали ружейные приклады. Мы бросились прежде всего к окну. Во дворе, прямо под окном, здоровенный казак с выбивающимся из-под фуражки чубом крутил руки молоденькой дочке жившего в подвале многолетнего сапожника Циле, а другой в это время (этого я в жизни не забуду) рвал у нее из ушей вместе с мясом дешевенькие дутые серьги...

Мать кинулась к телефону, мы с сестрой — на выходивший на улицу балкон, куда ход был из комнаты фельдшерниц. По Большой Васильковской улице шли войска. Чьи, какие? Наш угловой дом был окружен. Казаки спешивались, привязывали лошадей к фонарным столбам и кидались в окружающие дома. Несколько человек разбивали витрины лавок, другие трудились над взламыванием нашего подъезда.

...Вдруг зазвенел звонок у входной двери, послышались тревожные голоса соседей: «Откройте!» Несколько человек из соседних квартир забежали к нам, рассчитывая, очевидно, что вывеска над нашей дверью «Общество акушеров и фельдшерниц...» послужит какой-то охранной грамотой. Мама продолжала лихорадочно крутить ручку телефона, пытаясь дозвониться до милиции. Наконец ленивый голос в ответ на ее несвязный крик о вооруженном нападении глумливо произнес: «Жиды? Обойдетесь,» — далее следовало непечатное ругательство и отбой.

Надежд не было никаких. Все застыли в напряженном ожидании. Кто-то плакал, какая-то женщина громко молилась. Мама обхватила нас обеих руками.

Вдруг по лестнице загрохотали сапоги — парадную дверь наконец взломали. Раздались удары прикладами в двери. Вот-вот, сейчас... Приклад грохнул в нашу дверь...

Мама метнулась к ней и стала открывать, бессвязно бормоча: — Сейчас... Сейчас... Сейчас я открою, не ломайте... Сейчас, сейчас...

Она открыла, и пять или шесть взбудораженных, красных, пьяных казаков с винтовками наперевес ворвались сначала в переднюю, а затем в открытую дверь нашей маленькой столовой. На бегу один для порядка бросил вопросительное: «Жида?», на что другой резонно ответил: «Не видишь, что ли?» Действительно, насчет мамы ошибиться было нельзя.

В столовой толпилось — вместе с нами — человек семь. Женщины и дети. Ни одного мужчины, если не считать семнадцатилетнего гимназиста, соседского сына. На столе — самовар, стаканы с недопитым чаем, остатки недоеденных лепешек. Над столом, покачиваясь, висит огромный казак, картинно подбоченившись, выхватывает шашку и рубит ею по стаканам, приговаривая:

— К-кольца, с-серьги, брош-шки, з-золото, деньги — а ну давай!

...В углу кто-то хлещет нагайкой гимназиста. Отшвыривая женщин и детей, грабители взламывают штыками шкафы, не обращая внимания на маму, которая дает им ключи. Из шкафов вышвыриваются на пол простыни, скатерти, платишки — «пожитки бедной нищеты», запихиваемые в походные сумки. Но ни золота, ни драгоценностей, ни денег — даже бумажных — нет. Да и откуда им быть?

...Тот самый казак, который рубил шашкой стаканы, ставит маму к стенке (точнее — к угловой печке) и, приставив ей штык к горлу, методически повторяет:

— Давай золото! Давай деньги!

Мама как будто не замечает штыка у своего горла. Она обхватила правой рукой Зину, левой — меня и почти автоматически беспрерывно повторяет:

— Берите все, только детей не трогайте! Берите все, только детей не трогайте! Берите все, только...

Наконец Зина не выдерживает этого монотонного, безумного повторения. Отыскав взглядом одного из грабителей, показавшегося ей почему-то более трезвым и спокойным, она высвобождается из маминых объятий, подходит к нему и начинает объяснять. Вполне интеллигентно:

— Зачем вы пугаете мать? У нее большое сердце. А денег у нас действительно нет...

Тот, к кому она обращается, ее не слушает. Зато он на нее смотрит. На ее пышные золотые волосы, яркий румянец, черные грустные глаза, на всю ее нежную семнадцатилетнюю фигурку,

на ее розовые губки... И вдруг молча, ни слова не говоря, хватает ее в охапку и тащит в соседнюю комнату — там он приметил кровати...

...Вопль, вырвавшийся у мамы, до сих пор стоит у меня в ушах. С неизвестно откуда взявшейся силой она стремительно отводит штык от своего горла, бросается за насильником, вырывает из его рук Зину, обхватывает ее и кричит истошным голосом:

— Не дам! Не дам! Не дам! Не подходи, не дам!

Конечно, ей это не помогло бы, если бы не несчастливый случай. За углом, на Жилианской улице, в те же дни двух девушек, 18-ти и 17-ти лет, изнасиловали целым взводом на глазах у отца и матери, связанных по рукам и ногам. Потом прикололи девушек штыками, а родителей, связанных, оставили живыми. Каковы маркизы де-Сады, говоря словами Федора Карамазова!

Зину спасло то, что на улице протрубили сбор. Дисциплина, видимо, была еще не окончательно разрушена в «славной Добровольческой армии», на грабеж было отведено строго определенное время.

Услышав сигнал сбора, насильники выругались, подхватили свои сумки и, ткнув для порядка куда попало раза два штыком, исчезли.

...Вот все и кончилось. Вот внизу казаки, переругиваясь, отвязывают лошадей, приторочивают к седлам сумки с награбленным, вскакивают в седла... Вот раздается топот. Они умчались.

Мама все еще стоит, прижав к себе Зину. Я цепляюсь за нее с другой стороны, и меня душат бессильные, непроливающиеся слезы. Соседи потихоньку покидают нашу квартиру. Мы остаемся одни. И вдруг в передней слышатся чьи-то осторожные, вкрадчивые шаги. На пороге столовой появляются какие-то типы с бегающими глазами, но, увидев нас, шарахаются назад. Только позже я поняла, кто это: мародеры. Они надеялись увидеть здесь трупы и ограбить мертвых...

<...> Мы приходим в себя, запираем настежь распахнутую входную дверь и принимаемся за уборку. Пол затоптан грязью, захаркан плевками, под ногами хрустит битое стекло, валяются щепки от взломанных шкафов, обрывки каких-то тряпок. К счастью, они не заметили в спальне покрытого ковриком сундука, в котором хранились наши зимние вещи, а то не в чем было бы зимой выйти на улицу.

Уборка заняла много времени, но успокоения не принесла. К нам в этот день больше не ломились, но воздух кругом был

наполнен криками, стонами и похожими на набат непрерывными ударами меди о медь. Это обреченные, когда к ним подступали насильники, били пестиками в медные тазы для варенья, которые висели на кухне у каждой киевской хозяйки. На что надеялись они? На помощь? Но кто мог и кто решался оказать им помощь? Этот набат означал просто крик отчаянья: «Люди, мы погибаем!» Через три дня, когда окончился запланированный погром, просвещенный редактор черносотенного «Киевлянина» В. В. Шульгин <...> иронически писал в передовой «Пытка страхом», что евреев попросту немного поугали, а они со страху начали бить в медные тазы. При этом он умолчал, что за три дня погрома в Киеве было убито четыре тысячи человек. Количество изнасилованных не подсчитано <...>

Но я не пишу полемическое эссе, я вспоминаю.

Помощь все-таки была. Не организованная, не общественная — индивидуальная, человеческая.

<...> Когда стемнело, раздался звонок. Пришла одна из фельдшерниц, уже немолодая, но очень энергичная Прасковья Ивановна. Она принесла нам хлеб, молоко, еще какую-то еду, но, главное, она тут же навела порядок в другом отношении. Она принесла с собой иконы, повесила их во всех комнатах, зажгла перед ними лампадки, критически осмотрела маму и Зину, велела им раздеться, лечь в постели и обмотать головы полотенцами. Что касается меня, то я по кондиции выдержала экзамен на «православную» и меня она оставила в моем обычном виде. Сама Прасковья Ивановна облачилась в одеяние медсестры и на звонки — как телефонные, так и дверные — отвечала сама. Были еще попытки ворваться к нам в этот вечер (дом-то был на магистрали, и утренние казаки тоже заскочили к нам «по дороге»), но Прасковья Ивановна через цепочку сухо объявляла, что здесь лежат больные, сыпной тиф. Сыпной тиф — это было тогда страшнее, чем орудийный обстрел, и вояки отступали перед пожилой женщиной в сером сестринском платье с красным крестом на переднике и на шапочке.

А утром Прасковья Ивановна, обмотав маму и Зину платками так, что были видны только глаза, и оставив меня, внешне благонадежную, для всеобщего обозрения, отвела нас на Большую Владимирскую к тетке, русские соседи которой дали приют на все эти дни и ее, и нашей семье.

Все, что написано выше, — это мои личные наблюдения, мои собственные, навечно запечатленные в душе воспоминания. Но

были еще рассказы и переживания других. И все это вместе образовало некую школу жизни, некий социальный и политический опыт.

Неподалеку от моей тетки, на углу Большой Владимирской и Мариино-Благовещенской, жила одноклассница и близкая подруга моей сестры Лена Ниренштейн. В семье было три сестры, Лена — самая младшая. Не знаю, кто был ее отец, но дом был богатый, культурный (несколько раз Зина брала меня туда на устраивавшиеся в гостиной Ниренштейнов вечера поэзии).

Так вот, жильцы этого дома не пережили ужасов погрома. Хотя поживиться там можно было больше, чем у нас. Дело в том, что богатые откупались от погромщиков. Кто-то из этих последних приходил в квартиру и объявлял, что дом обложен контрибуцией в такую-то сумму, уплатить которую надо через столько-то часов. Деньги быстро собирались, вручались по назначению, и командир ставил к дому караул. Если на дом покушались грабители из другой части, часовой говорил: «Э, нет, тут заплачено. Это мой дом, грабь напротив». Впрочем, последняя фраза, может быть, и фольклор, анекдот. Но принцип такой был и соблюдался строго. Так что били, убивали, насиловали еврейскую бедноту, у нее же отнимали и последнее барахло, иногда попутно прихватывая и шмотки русских и украинских соседей, особенно если они пытались заступаться за евреев. Как тут не увидеть столь иронически игнорируемый сейчас классовый подход? Даже национальная ненависть, даже опьянение безнаказанностью — все отступало перед ДЕНЬГАМИ!

И вообще безапелляционные утверждения нынешних «неомонархистов» о том, что трудящиеся России с Октября 1917 года были против большевиков и поддерживали тех, кто с ними боролся, это такая же «липа», как сегодняшние вымыслы о «монолитном единстве советского народа». Опять же не хочу пускаться в полемику, только вспоминаю. В моем родном Киеве за три года — с 1917 по 1920 год — власти сменялись пятнадцать раз. В семнадцатом мне было одиннадцать лет, в 1920-м — четырнадцать. Я уже многое видела и многое понимала, и еще не было у меня появившейся позже партийной предвзятости. И я видела — свидетельствую, — кто встречал с восторгом и забрасывал цветами денкинецев, а кто — красноармейцев. В первом случае — дамы в шляпах с страусовыми перьями, архимандриты в шитых золотом рясах, господа в котелках и цилиндрах; во втором — платки, кепки, картузы, тужурки... Вот так-то!

О человеческом достоинстве и социальном равенстве

В «Тихом Доне» есть страницы, перекликающиеся — косвенно — с описанными выше наблюдениями. Это разговор Григория Мелехова с его начальником штаба, образованным царским офицером... Оскорбленный высокомерным, презрительным отношением к нему офицеров, Мелехов говорит, что вот перейдет он к красным — и никто там не будет его презирать и относиться к нему сверху вниз, а будут ценить его за воинский талант.

Рассуждая о причинах победоносного окончания большевиками гражданской войны, Солженицын, Бернштам и прочие утверждают, что весь народ был против большевиков, победили же они только потому, что чуть не к каждому красноармейцу и каждому русскому человеку приставили комиссара из инородцев с наганом или пулеметом.

Вздор это! Никогда в истории не побеждали армии, воодушевленные страхом. Да еще при том, что белые армии обладали большим количеством опытных офицеров и помощью зарубежных интервентов, в изобилии снабжавших их вооружением и снаряжением.

Почему-то как советские, так и зарубежные и эмигрантские историки и литераторы, говоря о периоде гражданской войны (как на фронте, так и в тылу), говорят о чем угодно — о земле, о мире, о мобилизациях, реквизициях, расстрелах и прочее, но не говорят о том, что отличало первые годы советской власти и что прежде всего завоевало ей симпатии трудящихся. Об этом сейчас трудно говорить, и этому сейчас, зная современное советское общество, трудно поверить, но это был прежде всего яркий демократизм новой власти. До образования и закоснения новой бюрократии был период, когда простые люди почувствовали: к управлению пришли *свои*. Не надо ломать шапку перед баринном. Не надо унижаться перед вышестоящими. Нет больше «благородий», «высокоблагородий» «превосходительств». Никто не может ткнуть тебя кулаком в зубы или вообще безнаказанно унижить. Характерно, что в эти первые годы из обихода советских предприятий, учреждений и даже большинства воинских частей совершенно исчезло употребление «ты», обращенного к низшим, и «вы», направленного к высшим, воскресшее в 30-е годы, укрепившееся в 40-е и 50-е и сохранившееся до сих пор.

Может быть, я преувеличиваю значение этого фактора, может быть, это моя личная, индивидуальная особенность, мое пристра-

стие, обусловленное как ранним чтением литературы, приковывавшей внимание к проблеме человеческого достоинства, так и впечатлениями детства, посеявшими в моей душе зерна протеста против унижения человека человеком. Помню, когда я читала гоголевскую «Шинель», «Бедные люди», «Неточку Незванову», «Пугина и Бабурина», все во мне кипело — и не только против тех, кто издается над беззащитными людьми, но и против тех, кто позволяет над собой издеваться. А жизнь еще подкидывала впечатлений: вот моя мама, унижающаяся перед богатым братом, а вот она же, говорящая «ты» молочнице или дворнику и презрительно не подающая руки женщине, живущей с мужчиной в «незаконном» браке. Вот какой-то элегантный господин соскакивает с лошади около гастрономического магазина и небрежно швыряет поводья швейцару: «Подержи-ка, любезный!» И тот угодливо сгибается в поклоне и ловит на лету брошенный ему полтинник. А вот одно из первых моих впечатлений от гимназии. Мне девять лет. Старший приготовительный класс. Урок рукоделия. Учительница, Мария Ивановна, была, видимо, не совсем нормальная старая дева. Каждую четверть у нее была новая любимица и новая жертва, над которой она систематически и очень умело издевалась. И однажды я не выдержала, подняла руку, встала и произнесла обвинительную речь, в том смысле, что это несправедливо и нечестно, что А. и Л. делают стебельчатый шов совершенно одинаково и если даже у Л. хуже, так надо объяснить, а не смеяться над ней. Мария Ивановна онемела, потом затопала ногами, выпнала меня из класса и заверила, что меня исключат из гимназии с «волчьим билетом» (то есть без права поступления в другое учебное заведение). Я ушла в раздевалку и там рыдала между шубок, пока меня не извлекла оттуда классная дама, добрая Нина Семеновна, благодаря которой меня не исключили из гимназии, а только поставили в четверти «4» за поведение, так как извиниться я, не понимая своей вины, отказалась.

Может быть, это смешно — сопоставлять вот такие глупые детские воспоминания с историческими катаклизмами?

Но это все ложилось в одну душу, воспитывая в ней отвращение к угнетению и любовь к тем, кто борется за свободу и достоинство человека. Гражданская война в Киеве, смена властей, эксцессы, происходившие на моих глазах и передававшиеся из уст в уста, — все это усугубляло мое гражданское и политическое созревание.

Трехдневный организованный погром кончился. Но самодеятельные развлечения нет-нет да вспыхивали. Вот мимо нашего дома повели куда-то (как выяснилось потом, расстреливать) нескольких мальчиков-гимназистов со связанными сзади руками. Кажется, они (там были и русские, и евреи) во время погрома организовали дружину самообороны. А однажды я вышла на балкон и увидела, как на углу с десяток казаков, став в круг, заливаясь от хохота, перегоняют друг к другу нагайками какого-то старика и кричат ему: «Танцуй!»

Это развлекались простые казаки. У офицеров были более утонченные способы. В семье моей подруги, Мани Р., было пять дочерей и один сын. Сын, старший, был в Красной Армии. В квартиру пришли с обыском офицеры деникинской контрразведки. Все переворовали, ничего крамольного не нашли, но, обнаружив у старших сестер Маруси их дневники и письма, устроили спектакль, читая вслух девические записи и сопровождая их похабными комментариями.

Были «развлечения» и пострашнее.

У моего товарища, Жоржа Кранца <...> был старший брат Боря (или, как его в семье называли, Боба). Талантливый юноша, увлекавшийся биологией, которому пророчили будущность ученого. Во время кратковременного периода советской власти в Киеве Боря, ученик 7-го класса, один из организаторов киевского Коммунистического союза учащейся молодежи (Комсоуч, впоследствии влившийся в комсомол), выступал на митингах в средних учебных заведениях Киева, призывая учащихся вступить в Комсоуч. А когда явились деникинцы, классная дама одной из женских гимназий, где он выступал, опознала его как-то на улице в группе одноклассников и обратилась к проходившим мимо офицерам с просьбой задержать «большевистского агитатора». Офицеры откозыряли даме, схватили юношу и повели его в контрразведку. Но не довели. То ли они торопились на какую-то вечеринку, то ли им вообще не хотелось возиться с этим «сопляком», но они завели его в какой-то закоулок (в Киеве таких мест было много), застрелили и бросили. Когда тело после безумных хлопот родителей наконец нашли, оказалось, что у него были отрезаны уши и выколоты глаза. Осталось неизвестным, у живого или у мертвого. Осталось неизвестным, кто его убил и кто надругался над его телом.

Я знаю, мне скажут, что я пишу о зверствах белых и умалчиваю о зверствах красных. Но я пишу о том, что знаю, о том, что я видела и слышала сама. Да, при красных в Киеве я видела и слышала о реквизициях, уплотнениях, отбирании излишков, об арестах и расстрелах, но не видела трупов, валяющихся на улице, не видела издевательств над людьми (вроде «танца» под нагайками), не слышала об изнасилованиях. Разумеется, я не думаю сейчас, что все белые походили на тех офицеров, которые убили Бориса Кранца, что Мышлаевский или Турбин стали бы отрезать уши или выкалывать глаза арестованному мальчику. Я не видела, но знаю, что и в Красной Армии, и в ЧК творилось много жестокостей и несправедливостей. Но издевательств над людьми не было*. Это уже порождение более позднего, сталинского периода. Об этом, кстати, свидетельствуют многие политические заключенные, сидевшие в тюрьмах и лагерях при советской власти в разное время и утверждавшие, что впервые их били и пытали в 1937 году. Впрочем, наверное, раньше. Ведь и Шахтинское дело, и процесс Промпартии, и процесс Союзного бюро РСДРП, и украинские процессы, и расправы с крестьянами в период «сплошной коллективизации» — все это было до 1937 года. Но во всяком случае, уже при сталинском всевластии. И думается мне, что у Сталина были предшественники не только в терроре французских якобинцев, не только в зверствах гитлеровцев, но и в том «белом терроре», проявления которого мне довелось увидеть в детстве и отрочестве.

Предисловие и публикация И. ЭНГЕЛЬГАРДА.

* Публикуя воспоминания Р. Б. Лерт прежде всего как документ эпохи, редакция журнала разделяет далеко не все оценки автора, особенно когда они относятся к характеристике деятельности органов советской власти в годы гражданской войны и в последующий период.



**РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

А. Локшин

GASSENSCHMIDT Ch. Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia, 1900—1914: The Modernization of Russian Jewry. Oxford: Macmillan, 1995. 244 p.

ГАССЕНШМИДТ К. Еврейские либеральные политики царской России, 1900—1914: Модернизация русского еврейства. Оксфорд: Макмиллан. 1995. 244 с.

Монография немецкого историка Кристофа Гассеншмидта посвящена истории еврейского либерализма в России. Исследователь проанализировал основные вехи становления и развития еврейской либеральной активности в Российской империи со времени ее зарождения в конце прошлого столетия вплоть до начала первой мировой войны, в ходе которой кардинально изменилась и еврейская политика в целом.

Парадоксально, что еврейский либерализм, ассоциировавшийся с такими громкими именами, как Максим Винавер, Генрих Слиозберг, Шимон Дубнов или Яков Мазе, до сих пор не стал предметом самостоятельного изучения.

Это обстоятельство может быть объяснено по крайней мере двумя причинами. К началу столетия на арене русско-еврейской общественной жизни действовали по меньшей мере четыре главные политические силы: сионисты, социалисты, традиционалисты-ортодоксы и либералы. За последними с легкой руки их основных оппонентов — сионистов утвердилось представление как об «ассимиляторах». Возможно, что это расхожее мнение, возникшее в пылу полемики, повлияло и на исследователей, занимавшихся русско-еврейскими сюжетами, в том числе еврейскими партиями и организациями в Восточной Европе. Основное внимание здесь привлекали идеология и деятельность прежде всего сионистского и социалистического движений.

Другая причина того, что еврейские либералы в России оставались маргиналами для еврейской историографии, возможно, кроется в недостаточной изученности еврейско-русской истории, особенно в период, последовавший за первой русской революцией и началом мировой войны (1907—1914), то есть как раз то время, когда еврейский либерализм смог в полной мере проявить себя в организации и развитии новых образовательных, культурных, кредитных и иных институтов российского еврейства, активно содействовать процессу модернизации еврейской общины.

Монография Гассеншмидта состоит из шести глав, три из которых посвящены формированию и деятельности еврейского либерализма в период до и в годы первой русской революции. Четвертая и пятая анализируют еврейскую либеральную политику в период между окончанием революции и началом первой мировой войны. Заключительная глава подводит итоги исследования.

Еврейский либерализм в России автор вводит в контекст русско-еврейской и русской истории в целом, а также выделяет его особенности в сравнении с ситуацией в европейских странах.

Гассеншмидт выделяет три стадии развития еврейского либерализма в России, относя его начальные формы к 1890-м гг. Период 1890—1904 гг. он называет временем «протолиберальной политики». Эта первая стадия характеризуется использованием главным образом неполитических форм борьбы, а именно сочетанием традиционного штадланута — закулисных ходатайств, поисков национальной индентификации — с открытой борьбой в легальных формах за гражданское равноправие, против растущего антисемитизма.

Историк обращает внимание на деятельность в эти годы таких возникших тогда общественных структур, как Историко-этнографическая комиссия и так называемое Бюро защиты. Показательно, что деятельность Еврейской историко-этнографической комиссии (ведущими деятелями которой были будущие лидеры российских еврейских либералов — юрист Винавер и историк Дубнов) Гассеншмидт рассматривает в контексте формирования еврейской либеральной идеологии в России и видит в ней альтернативу распространившимся тогда протосионистским идеям и ранним формам еврейской социал-демократии.

Историк обращает внимание на другую неформальную организацию, не привлекавшую прежде внимания исследователей, а именно Бюро защиты (1900—1904), объединявшее группу юристов и общественных деятелей, боровшихся против антисемитизма. Бюро ориентировалось на публичную защиту еврейства, его деятельность особенно полно раскрылась в защите жертв Кишиневского и Гомельского погромов, на организованных тогда судебных процессах. Гассеншмидт справедливо рассматривает развернутую тогда пропагандистскую кампанию и активную борьбу за еврейские права как свидетельство разрыва с традиционным штадланутом.

Участие еврейских адвокатов в судах над погромщиками способствовало политизации Бюро защиты. Группа еврейских юристов, принявших участие в кишиневском и гомельском процессах (Винавер, Слиозберг, Оскар Грузенберг и др.), фактически выступила как новая политическая сила, не принадлежавшая ни к социалистам-сионистам, ни к бундовцам. Автор считает, что уже тогда либералы получили общественное признание среди еврейской массы и завоевали ряд стратегических позиций, имея в виду прежде всего еврейскую прессу.

Другой важной особенностью этого течения стали тесные контакты с прогрессивными слоями русского общества. Обращаясь к использованию современных форм борьбы, прежде всего к публицистике, еврейские либеральные деятели обвиняли в антисемитизме власти, а не русское общество в целом.

Второй период истории еврейского либерализма Гассеншмидт относит к весьма короткому, но очень бурному периоду русской общественной жизни в конце 1904 — середине 1906 г. В это время, считает автор монографии, и возникла собственно еврейская либеральная политика, кульминационным пунктом которой стала борьба за еврейское равноправие в I Думе.

Именно создание в начале 1905 г. «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России» — организационной базы всей еврейской либеральной активности — Гассеншмидт рассматривает как еще одно свидетельство начавшегося процесса модернизации еврейского общества в России, разрыва с политикой штатландута.

Гассеншмидт вполне справедливо уделяет большое внимание факту встречи в Вильне в марте 1905 г., когда был создан «Союз полноправия». На встрече были представлены различные течения русского еврейства — сионисты, левые немарксистские группы, автономисты, радикальные либералы, консервативно-ортодоксальные религиозные лидеры. Впервые в истории русского еврейства представители ортодоксального большинства встретились со сторонниками различных политических движений, чтобы создать общую организацию русского еврейства.

Вступление «Союза полноправия» в общероссийский «Союз союзов» свидетельствовало об «открытом вступлении в русскую политику» (с. 22), отмечает Гассеншмидт. Однако нам представляется, что присоединение к русскому освободительному движению произошло все же раньше. Достаточно здесь упомянуть активное участие Бунда в создании русской социал-демократии еще в 1898 г. и бурную полемику о «месте Бунда в партии» на Втором съезде РСДРП в 1903 г. В определенном смысле о подобной включенности можно говорить по крайней мере еще в одном случае — при характеристике контактов сионистов с властями в самом начале столетия.

Вместе с тем присоединение «Союза полноправия» к общероссийской политике в форме присоединения к «Союзу союзов» не следует недооценивать. Можно также полностью согласиться с оценкой встречи делегации «Союза» (у Слиозберга и М. Кулишера) с премьером С. Витте. «Впервые в истории, — замечает исследователь, — эта встреча не была инициативой еврейской олигархии по лоббированию решения каких-то конкретных еврейских проблем, но являлась делегацией еврейской организации, стремившейся стать представителем русского еврейства». В факте этой встречи Гассеншмидт видит окончание «долгого процесса трансформации от типичной деятельности штатландим, основанной на

индивидуальном лоббировании, которая доминировала до 1881 г., к политическому действию, опиравшемуся на общую и партийную активность в 1905 г.» (с. 26).

Другим примером такой активности была, несомненно, мобилизация еврейских масс для участия в выборах в I Думу, несмотря на призывы левых радикалов и прежде всего Бунда к их бойкоту.

Одним из достоинств книги Гассеншмидта представляется умение автора продемонстрировать всю палитру течений в еврейском либерализме, проявившихся в деятельности «Союза полноправия», и в том числе в тактике на выборах в I и II Думу, а также поведения еврейских депутатов в самой Думе.

Один из основных спорных вопросов касался проведения в Думе (в I Думе, как известно, еврейское население было представлено 12 депутатами) самостоятельной национальной политики, на что упирали сионисты и автономисты, или преимущественно ориентироваться на сотрудничество с прогрессивными русскими партиями, прежде всего с конституционно-демократической.

Как следует из монографии Гассеншмидта (хотя подобный вывод он сам не делает), решить еврейский вопрос в России через Думу, прибегая к тактике, предлагавшейся как националистами, так и либералами, было нереально. Состав всех государственных дум, не считая, пожалуй, первой, а также множество других не решенных в стране проблем, в том числе столь важной, как аграрная, позволяет сделать такой вывод. Тем не менее автор справедливо отмечает усиленную деятельность либералов, сумевших создать единую структуру всех еврейских немарксистских партий и групп, работавших несмотря на разногласия вместе около полутора лет.

Не менее, а возможно, и более важной заслугой было создание в Думе своеобразной трибуны для русского еврейства, мобилизация еврейских масс для участия в политической борьбе за свои права.

Если политика еврейских партий и групп в Государственной думе получила некоторое отражение в историографии, то общественная и политическая деятельность (прежде всего либеральная) за стенами Думы практически впервые нашла в лице Гассеншмидта своего историка.

После поражения первой русской революции фактически все еврейские партии пришли к координации своей активной деятельности. К 1908 г. Гассеншмидт относит начало третьей стадии еврейской либеральной активности. Она характеризуется сдвигом от думской деятельности в сторону внепарламентской активности. Автор сумел достаточно убедительно показать весь обширный диапазон этой деятельности: от участия в национальных еврейских конференциях и совещаниях, общероссийских профессиональных съездах до создания всевозможных новых еврейских образовательных, культурных, социальных институтов, развития старых организаций, таких, как Общество ремесленного труда

(ОРТ) и Общество просвещения евреев (ОПЕ). Другими словами, в книге проанализирована обширная и многоплановая работа, в которой участвовали еврейские партии, и прежде всего либералы, по самореализации еврейства и его модернизации.

- Показателен вывод автора, что в «черные годы» (1911—1914) — период, последовавший за убийством Столыпина, когда антисемитизм стал основой государственной политики России в отношении еврейского меньшинства,— еврейские общественные деятели значительные усилия затрачивали не только на противодействие этому курсу, но делали главный упор на модернизацию еврейской общины и улучшение условий жизни еврейских масс. Автор совершенно верно отмечает, что организационная работа либералов, при всей ее масштабности, не в состоянии была разрешить еврейский вопрос, прежде всего из-за сохранения дискриминационного законодательства и нетерпимости режима к большинству форм еврейской общественной активности.

В заключительной, шестой главе, посвященной месту русско-еврейских либералов в европейской истории, Гассеншмидт подчеркивает, что в отличие от Западной Европы либералы стали последней из основных политических сил русского еврейства, появившихся на политической арене. Причинами такого явления были, считает историк, общая отсталость России и незавершенность эмансипации русских евреев. Однако это утверждение представляется достаточно схематичным, ибо сам автор пишет о реальных проявлениях либеральной активности уже в 1900 г. (защита в деле Блондеса, обвиненного в ритуальном убийстве). Здесь еще раз напомним, что как партия Бунд оформился в 1897 г.

Более обоснованным выглядит другой вывод историка — о том, что в сравнении с еврейскими либералами Запада русско-еврейские либералы были не ассимиляторами, а, напротив, приверженцами национальной идеи. Гассеншмидт объясняет это прежде всего отсутствием значительных ассимиляционных процессов среди евреев России, а также аккультурацией, а не ассимиляцией самих либеральных деятелей. Однако силу еврейских либералов историк справедливо видит не в их идеологии, а в гибкости тактической линии. Они умело комбинировали политические действия (защита еврейских прав в Думе) с борьбой против антисемитизма (как, например, в деле Бейлиса) и активной организационной работой (создание новых еврейских структур).

Представляется, что немецкому исследователю удалось достаточно полно, хотя и несколько схематично, представить весь диапазон деятельности еврейских либералов в России. В монографии Гассеншмидта весьма удачно проанализированы процессы модернизации еврейства предреволюционной России.

В укор автору можно поставить некоторую схематичность, суховатость изложения, отсутствие ярких, запоминающихся характеристик ведущих фигур еврейского либерализма. Думается, что этот недостаток

частично проистекает из игнорирования исследователем архивных источников. Книга написана только на базе опубликованных материалов (на русском и идише). Разумеется, и таких материалов великое множество. Это и периодика, и официальные отчеты, и мемуары.

Как известно, в странах бывшего Советского Союза в последние годы открыт доступ к еврейским архивным фондам. В частности, обращение автора к личным фондам еврейских депутатов Н. Фридмана, Л. Ниселовича, М. Бомаша, документам Общества распространения просвещения между евреями в России (эти материалы хранятся в московских и киевских архивах) дало бы возможность ярче и полнокровнее представить деятельность еврейских политиков в Думе, их контакты с еврейским населением на местах, — другими словами, почувствовать «кухню» еврейской либеральной политики. Отчеты уполномоченных Общества просвещения евреев — бесценный источник для изучения реформы еврейского традиционного образования в черте оседлости. Архивные документы незаменимы также и при раскрытии других сюжетов и тем, которые затрагиваются в монографии. Впрочем, и сам автор в последних строчках своей книги пишет о необходимости обращения к фондам местных архивохранилищ.



А. Л.

ДУБНОВА-ЭРЛИХ С. Хлеб и маца: Воспоминания и стихи разных лет. СПб.: Максима, 1994. 298 с.

Русско-еврейская мемуаристика пополнилась бесценным даром — воспоминаниями дочери одного из крупнейших еврейских историков Шимона Дубнова и жены лидера польского Бунда Генриха Эрлиха — Софьи Дубновой-Эрлих. Софья Дубнова-Эрлих была натурой глубоко творческой, поэтом и общественным деятелем. Она свидетель и участник такого множества событий эпохи, что иногда кажется невероятным, что все они выпали на долю одного человека.

Несмотря на страшные события XX столетия (ее отец погиб в гетто, а муж в ГУЛАГе), потоп не поглотил ее, напротив, судьба даровала долгую жизнь. Родилась она в 1885 г., когда в России царствовал отец последнего царя Николая II, а умерла в Соединенных Штатах в 1986 г., когда на ее старой родине забрезжила перестройка.

В своем жизнеописании Дубнова-Эрлих никогда не изменяет себе, раз и навсегда избранному в молодости пути. Поэтому и в Америке, где она прожила последние сорок лет жизни, она чутко реагирует на происходящее, посвящает стихи Мартину Лютеру Кингу и участвует в демонстрации молодежи против расовой сегрегации.

И хоть замедленной стала поступь
И голова седа,
Я и сейчас бы вышла на площадь
С ними шагать в рядах.

О себе она сказала: «Русская еврейка. Этого ответа мне хватило на всю жизнь». Об этом же говорит и название ее книги воспоминаний — «Хлеб и маца». И то же мироощущение представлено в стихотворной форме:

Двойною верностью отягчена.
Двойным огнем душа палима.
Мой древний род и юная страна
Спелились корнями нерушимо.

Наверное, нелепо пересказывать содержание любых мемуаров, тем более тех, которые представляю сейчас читателю. Столько в них тонких наблюдений, запоминающихся свидетельств, а главное, того неизбежного идеализма, которым поистине «отягчена» их автор, разделявшая

настроения немалой части русско-еврейской интеллигенции, совершившей революцию и сгнувшейся в ней, а если и сумевшей спастись, то испепеленной Катастрофой.

Мемуары Дубновой-Эрлих написаны на склоне лет в Америке, но обращены они к России и этим схожи с полотнами Шагала. Мемуары отличает неподдельная искренность, их автор пишет о событиях и людях давно ушедших, отторженных пластами времени, но пишет так, как будто все это случилось сегодня, ну, по крайней мере вчера.

Фрагментарное перечисление глав воспоминаний дает некоторое представление о круге времен и событий, очерченных в книге: «Одесское детство, гимназия», «В Петербурге», «Бестужевские курсы, сходка, увольнение», «Споры о Бунде», «Жаботинский», «На конспиративной работе», «Люди Серебряного века», «Первая книга стихов», «Революция и переворот», «Отъезд», «В Польше», «Берлин»...

Перед читателем проходят картины юности и зрелых лет мемуаристки. Целая галерея еврейских общественных деятелей, писателей и мыслителей, с которыми судьба свела С. Дубнову-Эрлих: Менделе Мойхер-Сфорим, Шолом-Алейхем, Хаим-Нахман Бялик, Бен Ами, Ахад Гаам, Дизенгоф, Винавер. Но она жила и в другом мире, связанном с именами корифеев русской поэзии серебряного века: А. Блок, З. Гиппиус, М. Волошин, В. Брюсов... Ее биография вместила сотрудничество с Горьким, встречи с В. Лениным и Ю. Мартовым...

Жизнь в этих во многом разных мирах отнюдь не тяготила автора воспоминаний. Напротив, преданность русской культуре органически переплеталась у нее с непоколебимым еврейским самосознанием.

Нельзя не отметить, что книга воспоминаний написана женщиной — факт не столь частый в русско-еврейской мемуаристике. Таким образом, «Хлеб и маца» оказались в одном ряду с «Воспоминаниями бабушки» Паулины Венгеровой и со «Столь долгим возвращением» Эстер Маркиш.

Книгу воспоминаний открывает небольшое предисловие Виктора Эрлиха, одного из сыновей Софьи Дубновой, американского профессора-слависта. Он пишет о трагедии, о которой лишь догадывалась мемуаристка: самоубийстве ее мужа в куйбышевской тюрьме в 1942 г.

В книгу включены эпилог книги Дубновой об отце «Жизнь и творчество С. М. Дубнова», изданной в 1950 г. в Нью-Йорке, и подборка стихотворений из последней книги, вышедшей там же в 1973 г., прекрасные семейные фотографии Дубновых, воссоздающие дух еврейской семьи, оставившей такой неповторимый след в еврейской истории XX в. Завершает том воспоминаний послесловие Т. В. Ланиной «Интеграция души», в котором весьма тонко обозначены основные этапы судьбы Софьи Дубновой-Эрлих и ее семьи.

В комплиментарную часть рецензии трудно включить комментарии к книге, составленные также Т. В. Ланиной. В комментариях, например,

утверждается, что заслуга Менделе Мойхер-Сфорима состоит в создании «нового жизнеспособного иврита, ставшего языком литературы вплоть до середины XX века». Всем мало-мальски сведущим в еврейской литературе известно, что у «дедушки» идишистской литературы, то есть у Менделе, достаточно иных достоинств, чтобы прибавлять к ним несуществующие. А что касается самого иврита, то он являлся «языком литературы» задолго до Менделе и оставался таковым и после «середины XX века» (с. 267). «Поэмы» Бялика «Город смерти» и «Сказание о погроме» — это одна и та же поэма, название которой в дословном переводе на русский — «В городе резни». Бялик написал эту поэму на двух языках — на иврите и на идише. Жаботинский, переведя поэму с иврита, озаглавил ее «Сказание о погроме» (с. 271). На с. 280 указывается: «А. Литвак — псевдоним, настоящее имя и фамилия на установлены». Исследователям еврейского рабочего и социалистического движения имя этого человека хорошо известно. Это Хаим Янкель Гельфанд — видный идеолог Бунда и партийный публицист. Его избранные произведения вышли на идише в Нью-Йорке в 1945 г.

К сожалению, Дубнова-Эрлих не успела закончить свою автобиографию. Воспоминания остались неоконченными. Однако и этого оказалось вполне достаточно, как поется в одной песне: «Нам довольно».



Е. Жуковский

РОЗОВСКИЙ Г. Университет: Пособие для владельца. М.: Изд-во Еврейского ун-та, 1995. 412 с.

В начале несколько слов об авторе этой замечательной книги. Генри Розовский — известный американский ученый-экономист, признанный авторитет в области японской экономики и японского «экономического чуда» — родился в 1927 г. в Данците (Гданьск) в еврейской семье, которая незадолго до рождения мальчика переехала в Данциг из Латвии. Впоследствии, спасаясь от ужасов фашизма, семья несколько раз перебиралась из одной европейской страны в другую, пока наконец не обосновалась окончательно за океаном. Здесь Генри закончил одно из старейших в США учебных заведений — престижный колледж Уильяма и Мэри, затем аспирантуру Гарвардского университета и начал свою творческую карьеру в Калифорнийском университете (Беркли). Проработав на этом месте около семи лет, он, уже будучи известным специалистом, вернулся в родной Гарвард, где последовательно занимал должности профессора, главы факультета экономики и, наконец, декана крупнейшего в Гарварде факультета гуманитарных и естественных наук. Для того чтобы представить себе масштабы этого факультета, несопоставимые с масштабами даже самых крупных факультетов отечественных вузов, укажем лишь, что в настоящее время здесь обучается более 8500 студентов и аспирантов, работает свыше 6000 сотрудников и около 1000 преподавателей, а годовой бюджет достигает 200 млн. долларов!

Проработав деканом почти одиннадцать лет — дольше, чем кто-либо до него, — Г. Розовский накопил уникальный опыт управления сложнейшим академическим организмом. Опираясь на эти знания, он написал правдивую и мудрую книгу, которая теперь, благодаря инициативе Еврейского университета в Москве, доступна российскому читателю.

О чем эта книга? На первый взгляд о Гарварде — легендарном американском университете, имеющем более чем 350-летнюю непрерывную историю и занимающем сегодня почетное первое место в рейтинге ведущих университетов мира.

И все же, если бы труд Г. Розовского был только о Гарварде, он вряд ли бы мог привлечь к себе внимание многих российских читателей. Однако в том-то и дело, что эта книга намного серьезней и шире. Она в действительности — «взгляд изнутри» на всю систему американского высшего образования, взгляд человека умного и честного, думающего и

сомневающегося, видящего не только достоинства, но и недостатки американской образовательной системы. Эта книга не только обобщение опыта высокопоставленного академического руководителя. Она — плод длительных раздумий пронизательного человека, глубоко понимающего проблемы современной науки и образования, много повидавшего и занимающего активную жизненную позицию.

Первое, о чем задумываешься после прочтения книги Г. Розовско-го,— это о необходимости качественного преобразования существующей в России системы аспирантской подготовки и коренном изменении в ней роли университетов, которые, как представляется, должны быть не просто крупными многопрофильными вузами, а должны стать главными центрами воспитания научных работников.

Другое размышление, навеянное прочитанной книгой, касается вопроса, почему, несмотря на огромное число высших учебных заведений, много лет существовавших в бывшем Союзе и по-прежнему существующих в современной России, ни одно из них не входит в список лучших в мире? И как объяснить, что среди десяти наиболее престижных университетов мира (их список приведен в книге Г. Розовского) семь(!) — университеты США. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов более высокий уровень зарплат и в целом более обеспеченную работу профессорско-преподавательского состава, что делает американские университеты весьма притягательными для квалифицированных специалистов из других стран. Однако лучшие материально-технические условия вовсе не единственная причина привлекательности американских университетов. Ведь вполне сравнимые материальные условия существуют если не в России, то по крайней мере во многих западноевропейских странах и Японии. Тогда в чем же все-таки дело?

На наш взгляд, вывод, сделанный Г. Розовским, вполне убедителен. Важнейшим фактором исключительной привлекательности ведущих американских университетов для творческих ученых всего мира является господствующий здесь дух свободы выражения мнений и принцип состязательности — специфически американская система взаимоотношений в академической среде, малознакомая академическим школам Европы и практически незнакомая пока в нашей России.

Чего, например, стоит одна только процедура заполнения вакантных должностей в Гарвардском университете, столь красочно описанная Г. Розовским! Конечно, далеко не всем даже в США под силу решать эту задачу, руководствуясь принятым в Гарварде стандартом «избирается лучший в мире». Однако можно с уверенностью сказать, что исключительно серьезный подход к вопросу «приобретения» новых кандидатур при формировании профессорско-преподавательского состава присущ всем известным американским университетам. Крупные научные авторитеты — потенциальные кандидаты в будущие университетские про-

фессора — обычно хорошо знают себе цену, и за обладание такими специалистами между университетами идет бескомпромиссная борьба. И не зря. Ведь в американских условиях известное имя нового профессора — это не только престиж, но в конечном итоге и материальное положение университета.

Чтобы продвигаться и занять должность штатного профессора, молодому гарвардскому ученому надо действительно быть лучшим в своей профессиональной сфере, а это, к сожалению, далеко не всегда и не у всех получается. Система жесткая, неидеальная, иногда порождающая серьезные конфликты. Это, кстати, прекрасно понимает и автор книги, соглашаясь, что в дальнейшем такая система, по-видимому, должна будет как-то измениться в сторону улучшения перспектив собственных младших преподавателей, занимающих нештатные должности. Однако приходится признать, что крайне высокие стандарты при подборе профессорско-преподавательского состава сегодня остаются одним из главных факторов, обеспечивающих всемирное признание Гарварда как выдающегося учебного заведения.

Не менее интересна и важна проблема формирования студенческого коллектива. Как известно, американское высшее образование является платным. Поскольку для большинства молодых людей получение высшего образования связано со значительными затратами, с одной стороны, а университеты в свою очередь заинтересованы в притоке студентов, в подавляющем большинстве американских университетов и колледжей вступительных конкурсов в нашем привычном понимании нет. В частности, по данным Г. Розовского, бесконкурсных высших учебных заведений в США почти 95%. Однако в ведущих университетах, таких, как Гарвард, Принстон, Колумбийский университет, Массачусетский технологический институт и ряде других, ситуация принципиально иная. Здесь количество желающих поступить в несколько раз превышает число будущих студентов, то есть имеет место реальный конкурс, а следовательно, и должен существовать определенный конкурсный порядок.

В ведущих американских университетах, которые имеют конкурс абитуриентов, наряду с оценкой по результатам вступительных тестов, тоже используются различные неформальные критерии. Правда, эти критерии несколько иного рода, и на одном из них хотелось бы остановиться подробнее. Речь идет об учете уровня талантливости будущего студента. Как отмечает Г. Розовский, этому показателю в американских университетах, в частности в Гарварде, уделяется особое внимание. Хороший американский университет сочтет за честь видеть среди своих воспитанников юную «звезду», даже если при вступительном собеседовании она (эта «звезда») не будет скрывать своего намерения посещать в будущем лекции босиком или делать что-то иное в

таком роде. Добровольное согласие мириться с такими странностями — неизбежная плата, которую готов нести престижный американский университет за потенциальную возможность пополнить список своих лучших выпускников фамилиями новых Нобелевских лауреатов или выдающихся интеллектуалов.

Думается, что опыт ведущих американских университетов в этом отношении заслуживает более глубокого анализа. В частности, важно понять, как и в какой форме он может быть перенесен на российскую почву. Ведь, к сожалению, в нашей стране идея всеобщего равенства и единого для всех интеллектуального стандарта пустила глубокие корни и сама мысль, что кому-то за его врожденные, данные богом способности, а отнюдь не за трудовой стаж или армейскую службу, могут быть предоставлены привилегии при поступлении в вуз, кажется почти кощунственной.

На самом деле непреложная истина, которую давно осознали во всем мире и, конечно, осознают разумные люди в России, состоит в том, что равенства людей по природным способностям и таланту не существует и что к особо талантливым людям отношение должно быть особое.

Наконец, еще об одной проблеме, которая подробно обсуждается Г. Розовским. Проблема, мало или, точнее сказать, почти незнакомой российскому читателю. Речь идет о принятой в университетах США системе постоянных штатных должностей.

Суть дела состоит в том, что все сотрудники американского университета обычно делятся на две категории — работающие по найму, то есть принятые на временную работу, и состоящие на постоянных, или штатных, должностях. Большинство младших преподавателей и ассистентов нанимаются на оговоренную контрактом временную работу. Например, в Гарварде найм обычно ограничивается восемью годами. Дальше действует жесткое правило: «наверх» (то есть на постоянную должность) или «вон». Некоторая часть исследователей и университетские администраторы часто нанимаются без оговоренного лимита времени и могут надеяться на более продолжительную работу. Это так называемый «долговременный найм», который, однако, может быть в любой момент прерван, если объективные потребности или финансовое положение университета изменились.

Постоянные работники — это, по меткому замечанию Г. Розовского, «птицы особого полета», причем в Гарварде привилегией постоянства могут пользоваться только профессора.

Можно много говорить о достоинствах и недостатках такой системы. Они достаточно подробно и вполне объективно в книге проанализированы. Важен лишь окончательный вывод, сделанный автором на основании долгих раздумий и сопоставления альтернативных вариантов. Он состоит в том, что, несмотря на определенные теневые стороны, которые,

безусловно, здесь существуют, система постоянных штатных должностей успешно решает одну чрезвычайно важную для академической сферы задачу. Она обеспечивает творческую свободу ученого и педагога, позволяет ему думать и учить так, как он считает это необходимым делать, придерживаться любых экстравагантных или непопулярных взглядов, и не только придерживаться, но и высказывать их, не опасаясь подвергнуться преследованиям или понести наказание.

В связи с этой непростой проблемой вспомним ситуацию, которая еще совсем недавно имела место в Союзе. Системы постоянных штатных должностей, как мы знаем, не существовало, и каждый научный работник или вузовский преподаватель, занимавший конкурсную должность, даже если он был признанным в своей области авторитетом, должен был периодически, обычно раз в пять лет, проходить процедуру переизбрания. Казалось бы, все демократично. Однако не случайно же Г. Розовский, проживший большую часть своей сознательной жизни в условиях величайшей политической демократии современности и сам безусловный демократ по политическим убеждениям, приходит в книге к, казалось бы, парадоксальному выводу, что в академической сфере отнюдь не все и не всегда лучшим образом решается на демократической основе. Это относится и к проблеме постоянных должностей, когда никто (даже если это будет демократическое большинство) не может отстранить ученого от его работы.

О чем свидетельствует наш собственный отечественный опыт? Перспектива прохождения очередного конкурса дамокловым мечом висела над многими вполне достойными, но не для всех «удобными» специалистами.

Можно, конечно, возразить, что существовавшая у нас выборная система хотя бы частично ограничивала произвол начальства и партийных комитетов в сфере формирования профессорско-преподавательского состава вузов и коллективов НИИ. Хотя почти всегда можно было не допустить к конкурсу достойного ученого, но одновременно и не во всех случаях начальству удавалось «провести» на должность «своего» человека. Волей-неволей приходилось считаться с мнением ученого совета, которое высказывалось тайным голосованием.

Здесь, разумеется, не место выяснять, какая система в действительности была бы более эффективна в прежних российских условиях. Гораздо важнее учесть опыт американской системы постоянных штатных должностей при перестройке отечественной академической жизни. Именно «учесть», а не без оглядки копировать, имея в виду собственные традиции.

Можно было бы говорить еще о многом и многом, что обсуждается в книге о Гарварде. О взаимоотношениях между преподавателями, студентами и администрацией, о соотношении преподавания и универ-

ситетской науки, об источниках финансирования и т. д. Все это заслуживает отдельного обсуждения, но, конечно, не в рамках этой короткой заметки. Мы надеемся, что сумели достичь главной цели — привлечь к труду проф. Г. Розовского заинтересованных российских читателей — преподавателей и организаторов высшей школы, студентов, аспирантов, всех тех, кого Г. Розовский метко назвал «владельцами университета». Каждый из них найдет в его книге много полезного и поучительного.

В заключение следует выразить благодарность руководству Еврейского университета в Москве, издательству этого университета, а также издательству «Гешарим» в Иерусалиме, которые обеспечили появление книги Г. Розовского в России. Можно предположить, что это было нелегкое предприятие. Несомненна также заслуга переводчиков, которые сумели донести до русскоязычного читателя яркий, полный мягкого юмора язык оригинала. Остается только позавидовать тем, кому еще предстоит прочитать эту интересную книгу. Приятных им часов чтения и последующих конструктивных раздумий!



УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ «ПРИЛОЖЕНИЯ К ЖУРНАЛУ “ГАКАРМЕЛЬ”»*

ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

1865/1866

1865. № 22—24 (26 марта 1865—28 дек.);

1866. № 45—50 (14 янв.—16 марта)

№№
журналов

- 22 От редакции: [Сообщение о постоянном приложении на русском языке].
- » [Об открытии в Гродно 21 февраля русских школ для еврейских детей].
- » Херсон: [О сборе средств по России и о любительском спектакле херсонской молодежи в пользу пострадавших от пожара в Симбирске].
- » [Благотворительная деятельность потомственного почетного гражданина Барнаула Хотимского].
- » Из Николаева: [Жалоба на держателя коробочного сбора купца Беркова].
- » Выборы в Одесский клуб: [Об избрании в члены Одесского английского клуба одного из представителей Одесского еврейского общества].
- » Утвержден Устав Тальсенского еврейского погребально-общества.
- » Ответы Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России.
- 23 Вильна: [О важности создания еврейских училищ, печатных органов и других учреждений].
- 23, 24, 26 Состояние еврейских училищ в последнее время: Из «Сына отечества».
- 23 От Комитета Общества для распространения просвещения между евреями: [О годичном общем собрании Общества 24 марта в Санкт-Петербурге].
- » [Объявление Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России об изменении Устава Общества].

* Указатель содержания первых трех лет издания опубликован в «Вестнике Еврейского университета в Москве» (1996. № 3(13).

- 23 *Абрамсон.* По поводу заметки о выборах в Одесский английский клуб: [Отклик на публикацию в «Гакармеле» (№ 22)].
- » [О панихиде 13 апреля в Главной синагоге Вильны за упокой души великого князя Николая Александровича].
- » Высочайшие награды: [Сообщение о награждении медалями «За усердие»: золотой — члена Комитета рассмотрения еврейских учебных руководств Зейберлинга; серебряными — ученого еврея при попечителе Виленского учебного округа Фина, почетного блюстителя бердичевских казенных еврейских училищ врача Ротенберга, учителя Херсонского казенного еврейского училища Фиша].
- » Вильна, 15 апр.: [О необходимости реформы в иудаизме; сообщение о речи смотрителя Виленского еврейского училища Гурвича в Хасидской синагоге].
- 24 [Отклик «Санкт-Петербургских новостей» на радикальное изменение журнала «Гакармель»].
- » [Рассмотрение проекта Закона о предоставлении евреям Царства Польского права вступать в гражданскую службу].
- 25 Вильна, 22 апр.: [О положении дел духовного правления Главной синагоги].
- » Симон Слижголь, или Кафтан: [В связи с кончиной знаменитого благотворителя (1800—1865)].
- » [Об учреждении в Бердичеве библиотеки русских книг при Еврейском обществе].
- » [Благотворительный спектакль в частном училище для еврейских девиц Минска, устроенный гимназистами-евреями в пользу бедных товарищей].
- 26 *Рабинович Я., Крамник А.* Отчет заведующих кассой для вспомоществования бедным ученикам Виленского раввинского училища за 1864 г.
- » Учение и труд (Талмуд. Берахот, л. 35, ст. 3): [О диспуте в Раввинской академии].
- » [Сообщение о буйстве толпы, выбивавшей стекла в домах евреев в Аккермане во время Пасхи].
- 27—30 Отчет Общества для распространения просвещения между евреями в России за 1864 г.
- 27 Учреждение общеобразовательных школ для евреев на Востоке и в Африке.
- 28 [Обращение генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана,

- главного начальника Северо-Западного края, к еврейскому обществу Ковно].
- 28 [О необходимости образования евреев, важности изучения русского языка].
- » О пособии студентам-евреям.
- » [Сбор средств в пользу погорельцев местечек Эйшишки Лидского уезда и Воложин Ошмянского уезда].
- » [О необходимости для евреев изучать русский язык].
- » Открытие частного еврейского народного училища: [В Виленском форштадте Новгороде 25 мая бывшим воспитанником Виленского училища Лямом].
- 29 От Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России: [Об издании на русском языке «Сборника статей писателей-евреев»].
- » [О надворном советнике Маркузене, преподавателе зоологии и сравнительной анатомии в недавно открывшемся университете].
- 30, 31, 33 *Воль О.* Отрывки из автобиографии Соломона Маймона: Картины из быта западно-русских евреев 18-го века.
- 30 Библиографическое объявление: [О выходе из печати и продаже в книжном складе при типографии Р. М. Ромма в Вильно книги «Русское чтение для еврейского юношества»].
- 31 Житомирское ремесленное училище: [Из отчета тайного советника Постельса].
- » Ответы Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России.
- 32—33 Частные женские еврейские училища: [Из отчета тайного советника Постельса].
- 32 *Кайдан Л.* Профессор Оллендорф: Пер. с нем. Возведение в потомственное почетное гражданство: [Люблинский раввин Е. Аскинази пожалован правом почетного гражданства по представлению наместника в Царстве Польском].
- 33 О Житомирском еврейском ремесленном училище: [Из статьи Л. Бинштока в газете «Голос»].
- 34, 40 *Фин С. И.* О влиянии раввинских училищ на народное образование евреев.
- 34 Речь, произнесенная воронежским раввином Фейгиным в собрании солдат из евреев в молитвенном доме в Воронеже при получении известия о кончине государя наследника цесаревича Николая Александровича: [Из «Воронежского листка»].

- 35, 39, 41,
45, 47, 48
35 *Гаркави А.* Литературные этюды: Исаак Бер Левинсон.
Ложь и несправедливость в Ноевом ковчеге: Талмудическое иносказание.
- » [Проблемы еврейского населения Молдавии (600 тыс. чел.): Необходимость разумной эмансипации евреев. Из «Биржевых ведомостей»].
- 36—38 *Лякуб П.* Несколько мыслей о «посланничестве Моисея» Шиллера.
- 36 [Отклик на высочайшее повеление о дозволении евреям проживать повсеместно в Империи].
- 37 Извлечение из отчета Комитета Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев Одессы за второй год его существования.
- 38 Молебствие в еврейской синагоге в Санкт-Петербурге по случаю предоставления евреям-ремесленникам права проживания во всех городах Российской империи: [Из «Голоса» (№ 227)].
- » Бердичевская еврейская больница: [Из «Биржевых ведомостей» (№ 180)].
- » Талмудические сказания о первых двух братьях: Спор между Каином и Абелем. Погребение Абеля. Раскаяние Каина.
- 39 Краткое известие об испытаниях и выпуске учеников 1864/1865 учебного года раввинского и прочих еврейских училищ в Вильне.
- » [Экзамены в еврейских народных, казенных и частных школах, женских пансионах, ешиботах, проверка знаний учеников домашних учителей-евреев. Из «Виленского вестника» (1 сент.)].
- » [Благодарность учителям еврейских виленских народных школ от Педагогического совета еврейских школ грамотности в Вильне. Из «Виленского вестника» (6 сент.)].
- 40 Прощальный обед П. А. Бессонову: [По поводу назначения бывш. директора Виленского раввинского училища и еврейских народных школ П. А. Бессонова директором Виленской гимназии].
- » [Обращение Бердичевского общества христиан и евреев к киевскому начальству за разрешением устроить в Бердичеве соединенный клуб всех сословий].
- 41 *Лякуб П.* Письмо в редакцию: [О значении раввинских

- училищ для развития еврейского просвещения в России].
- 41 Библиографическое объявление: Рецензия на книгу: Русское чтение для еврейского юношества. Вильно, 1865.
- » Ответы Комитета Общества для распространения просвещения между евреями.
- » [Посещение Бердичева начальником губернии по случаю эпидемии холеры].
- 42 Речь, произнесенная раввином Фейгиным в собрании евреев в молельне при молебствии о здравии государя императора Александра 26 августа: [Из «Воронежского листка» (№ 58)].
- 42—44 Франкфуртский еврейский квартал и семейство Ротшильдов: [Из «Биржевых ведомостей» (№ 198)].
- 42 Ротшильды на острове Цейлон: [Из «Биржевых ведомостей» (№235)].
- 43, 44, 46 *Лякуб П.* Нечто о влиянии еврейской философии на средневековую схоластику.
- 43 Ответы Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России.
- 44 Ведомость о числе учащихся мужского и женского пола в еврейских казенных и частных заведениях в Вильне, состоящих к 1 декабря 1865 г.
- » Библиографическое известие: [Об издании Ф. И. Бакстом и продаже в Санкт-Петербурге книг: *Гехт Э.* Очерк истории еврейского народа от заключения Библии и до наших времен: Пер. с нем. *Дрэпер.* История умственного развития Европы. В 2 тт.].
- » Евреи в Риме: [Из «Биржевых ведомостей»].
- 45 *Тайч М.* Николаев, 1 нояб. 1865: Еврейские выборы в Николаеве.
- » [Санкт-Петербургская «Немецкая газета» об основании еврейской школы в столице].
- » [Об окончании бывшим воспитанником Виленского раввинского училища С. Ковнером с отличием курса медицины в Университете Св. Владимира и зачислении его стипендиатом для подготовки к профессорскому званию].
- 46 *Фишер К.* Барух Спиноза: Из лекций.
- » [О темах работ, предложенных факультетом восточных языков Санкт-Петербургского университета для соиска-

- ния наград. Темы связаны со сбором, переводом и комментированием еврейских источников о хазарах].
- 46 Комитет Общества для распространения просвещения между евреями в России: [О сборе статистических сведений, касающихся еврейских девичьих училищ за все время их существования].
- » Ответы Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России.
- 47 Пожалование медалями: [Сообщение о награждении медалями «За усердие»: золотой — заседателя Каменецкого уездного суда, купца 2-й гильдии Х.-Л. Гольдинберга, митавского купца 1-й гильдии Ю. Штерна; серебряной — одесского 2-й гильдии купеческого сына И. Гесена].
- » Открытие частного народного училища в Снопичском форштадте.
- 48, 50 [Отзыв о книге]: *Гаркави А. Я.* Из исследований об истории евреев в России. СПб., 1866.
- » *Лякуб П.* Внутренний и общественный быт крымчаков: [Из «Голоса» (№42)].
- 49 Из речи, произнесенной смотрителем Слуцкого еврейского училища Л. Капланом 2 февраля 1866 г. при открытии послеобеденной смены в казенном училище в Слуцке.
- » [О проповеди на русском языке новоизбранного раввина Таубера для евреев и христиан в синагоге г. Речицы Минской губернии в день восшествия на престол императора Александра II].
- » [О торжественном богослужении в Дисне по поводу восшествия на престол Александра II].
- » [О торжественном богослужении в Белостоке в день восшествия на престол Александра II].
- 50 Общество для распространения просвещения между евреями в России: [Объявление о конкурсе на лучшие сочинения по темам: «Характер еврейского рабочего в России», «Благотворительные учреждения у русских евреев», «История России для народного чтения» (на иврите)].
- » [О проповеди на русском языке воспитанника Житомирского раввинского училища в молитвенном доме в Бердичеве. Из «Киевского телеграфа»].

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

1866/1867

1866. № 1—30 (5 апр.— 30 дек.); 1867. № 31—50 (20 янв.— 18 дек.)

№№
журналов

- 1 Вильна, 31 марта 1866 г.: [К пятилетию издания «Гакармеля»].
- » Петербург: [О подготовке профессором Санкт-Петербургского университета Хвольсоном статьи на русском языке «О еврейских надгробных надписях» для «Сборника ОПЕ»].
- » Москва: [О кончине студента Московского университета Я. Асса].
- » О частных русско-еврейских школах в Гродне: [Из «Гродненских губернских ведомостей»].
- » Из Сквирского уезда: [О пожертвованиях владельца с. Топоров И. Горвица в пользу церковно-приходской школы].
- » Иностранные известия: [Различные иностранные известия напечатаны в № 1—3, 6—10, 15, 17, 18, 23, 26, 28, 38, 50].
- 2 Вильна: [Торжественное молебствие 6 апр. в Виленской главной синагоге по случаю спасения Александра II].
- » О новом движении в среде русских евреев: [О необходимости изучать русский язык, переводить молитвы].
- » Петербург: [Молебствие, совершенное главным раввином Общества петербургских евреев Нейманом в еврейском молитвенном доме 6 апр.].
- » [Общее годовое собрание членов Общества для распространения просвещения между евреями в России].
- » Соколка: [Участие соколских евреев в торжествах по случаю спасения Александра II 6 апр. Из «Виленского вестника»].
- » Из Царства Польского: [Благодарственное письмо варшавских евреев за дарованные им права].
- » *Лякуб П.* Крымский полуостров: [Дополнение к опубликованной ранее статье «Внутренний и общественный быт крымчаков» («Голос». № 42; «Гакармель». № 48-50)].
- » Библиографический указатель: [О выходе из печати книг: Русское чтение для еврейского юношества. Вильна, 1865; *Гехт Э.* Очерк истории еврейского народа. СПб., 1866; *Леванда Л. О.* К вопросу о евреях в Западном крае. Вильна, 1866].

- 2 *Гаркави А.* Историческая заметка: [По поводу статьи П. Лякуба в «Голосе» «Внутренний и общественный быт крымчаков»].
- » Ответы Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России: [См. также № 11, 22, 26, 33, 39, 47].
- 3 Всеподданнейшие адреса и заявления евреев по поводу события 4 апреля: [От Санкт-Петербургского еврейского общества с просьбой учредить стипендии для раввинских училищ в Вильне и Житомире в память дня спасения императора; от Иркутского еврейского общества с просьбой присвоить имя императора еврейскому училищу. Из «Северной почты» и «Биржевых ведомостей»].
- » Петербург: [Прием императором в Зимнем дворце 8 апреля депутации от Санкт-Петербургского еврейского общества. Из «Северной почты»].
- 8 Москва: [Благодарственные молитвы московских евреев и сбор средств для бедных жителей столицы в честь спасения жизни царя].
- » Вильна: [Торжества в Вильне 6 апреля. Из «Виленского вестника» (№ 75)].
- » Из Ковны: [Благодарственный молебен за спасение жизни царя].
- 3, 6 Виленская Талмуд-Тора.
- 3 Библиографический указатель: [О выходе из печати книг: Очерки из исторического и юридического быта евреев. Киев, 1866; *Биншток Л.* Вопрос об еврейских училищах. М., 1866; *Гаркави А.* О языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах в еврейской литературе. СПб., 1866].
- » Историческая заметка: [Доктор Каро в книге «История Польши» о причинах появления евреев в Польше].
- » *Меерович И. Б., Хазанович Г.* [Отчет заведующих кассой в пользу бедных приходящих учеников Виленского раввинского училища].
- 4 [Торжественное молебствие в Виленской главной синагоге в день рождения императора 17 апреля].
- » *Русский.* О народном имени русских евреев: [По поводу заметки в «Виленском вестнике» (№ 81)].
- » Петербург: [Об учреждении званий «стипендиатов» в память чудесного спасения его величества 4 апр. 1866 г. для воспитанников раввинских училищ].
- » Минск: [Благодарственные молебствия 5 апр. в синагоге]

- и в частном пансионе для девиц-евреек Фунта. Из «Виленского вестника»].
- 4 Вилькомир: [Благодарственный молебен 6 апр. за спасение царя представителей разных исповеданий — русских, католиков и евреев. Из «Виленского вестника»].
- » Киев: [Благодарственное молебствие 6 апр. за чудесное спасение царя и сбор пожертвований в память этого события. Из «Киевлянина»].
- » Житомир: [Сбор средств по подписке в память спасения государя императора, учреждение стипендии на проценты от собранной суммы. Из «Киевлянина»].
- » Одесса: [Молебствие в Одесской главной синагоге по случаю спасения царя. Молитва кантора Абраса, слово городского раввина Швабахера. Из «Одесского вестника»].
- » Из Прибалтийского края: [О прошлогоднем указе, позволяющем еврейским ремесленникам селиться в Лифляндии и Эстляндии. О необходимости собрать статистические данные об увеличении еврейского населения в мелких городах].
- » *Якрын М.* Воспоминания о торжестве 10 апреля: Письмо в редакцию: [Торжества в Вильно по поводу спасения императора, сбор средств по подписке на устройство приюта для бедных учеников раввинского училища, молебствие для арестантов-евреев в Виленском тюремном замке].
- 5 Жид или еврей?
- » Петербург: [Торжественное молебствие во временной еврейской синагоге Петербурга по поводу спасения императора 13 апр. по просьбе петербургских студентов. Из «Санкт-Петербургских ведомостей»].
- » Гродно: [Посещение синагоги 17 апр. начальником губернии и высшими военными и гражданскими чинами. Торжественное молебствие «о здравии и долголетию государя»].
- » Киев: [О двух представителях Киевского еврейского общества, официального и особого — по религиозным вопросам. Слухи о предполагаемой замене раввина внуком цадика реб Менделя Либавичера. Из «Киевлянина»].
- » Одесса: [О предстоящем открытии в Одессе бесплатного начального народного училища для детей обоого пола без различия званий и вероисповеданий. Из «Одесского вестника»].
- » [Молебствие в Симферопольской главной синагоге по

- случаю спасения императора и торжествах на площади перед синагогой. Из «Одесского вестника»].
- 5 *Гаркави А.* Объяснение: [Об ошибке, допущенной автором в заметке в «Голосе» по поводу статьи Лякуба о крымчаках].
- 6 Петербург: [О представлении государю представителей проживающих в Москве купцов-евреев. В их числе С. Поляков. Из «Северной почты»].
- » Одесса: [Деятельность общества «Труд» по распространению ремесленных знаний среди евреев в Одессе, учреждение им еврейского ремесленного училища. Пожертвование банкира Л. Ефруси в пользу училища].
- » Симферополь: [Торжества в честь спасения императора. Из «Одесского вестника»].
- » Белая Церковь: [Торжества в честь спасения императора].
- » Хотин: [Торжества в честь спасения императора. Из «Одесского вестника»].
- » Объявление: [О пропаже ценных бумаг у купца 2-й гильдии М. Гиршова Пикера из г. Новогрудка Минской губернии].
- 7 Приют для бедных учеников Виленского раввинского училища.
- » Проект Устава приюта при Виленском раввинском училище, учреждаемого в память чудесного спасения жизни государя императора 4 апреля 1866 г.
- » Лица, сделавшие пожертвования в пользу устраиваемого при раввинском училище приюта.
- » Одесса: [О вечере в еврейском клубе «Беседа» в честь спасения Александра II. Из заметки С. И. Сычевского в «Одесском вестнике»].
- » [Молебен и торжества в честь спасения императора Александра II в Василькове. Из «Киевлянина»].
- » *Диккер.* Субботние вечера в Керчи: [Письмо в редакцию].
- » *Гаркави А.* Историческая заметка: [Об употреблении русского языка в Лигве в начале XVII в.].
- » *Диккер.* Шейлок: [Об одном из сюжетных ходов в пьесе Шекспира «Венецианский купец»].
- » *Завистовский.* Письмо в редакцию: [О честности хозяина портновской мастерской Д. Пиковера].
- » [О разрешении волынским губернатором унтер-офицеру Г. Визилю открыть в местечке Радзивиллове Кременецкого уезда публичную библиотеку. Из «Волынских губернских ведомостей»].

- 7 [Об участии старика еврея в торжественном молебствии на соборной площади в Одессе 6 апреля. Из «Одесского вестника»].
- » [Сообщение об устройстве пинским мещанином Д. Мешковичем илломинации в день рождения императора 17 апреля с разрешения градоначальника. Из «Керченского полицейского листка»].
- 8 Всеподданнейшие адреса по поводу спасения императора от евреев г. Гонендза, м. Тряян Белостокского уезда.
- » [О постановлении Государственного совета, разрешающем детям евреев-ссылнопоселенцев записываться в податные сословия и купечество в Сибири].
- » Из речи, произнесенной г-ном Пумпянским, поневежским общественным раввином, 17 апреля в высокоторжественный день рождения государя императора: [Из «Северной почты»].
- » Библиографический указатель: [О выходе из печати книги: Первые уроки русской грамоты: Букварь и первоначальное чтение. Вильна, 1866. Книга предназначена для еврейского юношества].
- » Из Бердичева: [Прощальный завтрак в честь отъезда на службу в Варшаву смотрителя бердичевских еврейских училищ Н. Н. Горнберга].
- 9, 10 *Оршанский Ил.* О замкнутости евреев.
- 9 Русско-еврейское общество в Житомире.
- » Из Белостока: [Закладка нового здания при еврейской больнице в Белостоке для организации богадельни для престарелых и увечных евреев].
- » Одесса: [Поднесение в дар Главной синагоге Торы воспитанниками и воспитанницами еврейских казенных и частных еврейских училищ в память спасения императора].
- » Из Каменец-Подольска: [Садогурская секта (одно из разветвлений цадикизма) и ее противодействие образовательной деятельности еврейского общества в Каменец-Подольске].
- 10 Всеподданнейший адрес от постоянно и временно проживающих в Москве евреев: [По поводу спасения Александра II].
- » Действия правительства: [О дозволении евреям-мещанам иметь жительство и постоянную оседлость в г. Николаеве].
- » Житомир: [Молитвенный свиток (Тора), написанный по

- предложению раввина Кулишера в ознаменование спасения царя].
- 10 Бердичев: [Сообщение об открытии субботней школы в Бердичеве общественным раввином Песисом, отчет о работе Бердичевской еврейской общественной больницы].
- » Одесса: [О намерении учеников и друзей учителя немецкого языка Одесского еврейского училища И. С. Горовица, умершего в прошлом году, поставить на его могиле памятник. Из «Одесского вестника»].
- » Из Могилева-Подольского: [Празднование дня рождения императора 17 апреля: молебствие, речь общественного раввина Кудиша в присутствии евреев и христиан, предложение учредить русскую библиотеку и присвоить ей имя в честь спасения жизни Александра II 4 апреля].
- 11 Всеподданнейшие адреса: От Вилейского еврейского общества, от евреев жителей Белостока. [По поводу спасения жизни Александра II. Из «Северной почты»].
- » Действия правительства: О дозволении евреям бухарским и хивинским, а также других Средне-Азиатских владений вступать в русское подданство: [Из «Северной почты»].
- 11, 12, 14, 19, 20, 22—25 *М. Р.* О западно-русских евреях: [Отклик на статьи Кского в «Виленском вестнике» (№№ 40, 42, 99, 101)].
- 11 Из Бердичева: [О необходимости реформ в семейной и религиозной жизни евреев, о Бердичевской хоральной синагоге и синагогальном хоре под руководством кантора И. Шпицберга. Из «Киевлянина»].
- » Кременчуг: [Бедственное положение Кременчугского еврейского училища и его новый блюститель купец Ямпольский].
- » Местечко Севериновка: [Информация священника П.Л. Бирюкова в «Одесском вестнике» о намерении владельца имения Севериновка Ефруси отреставрировать за свой счет церковь и выстроить дом для училища, которое будет носить имя «Александровское» в память 4 апреля].
- » [Объявление Комитета Общества для распространения просвещения между евреями об отсрочке заседаний в связи с наступлением летних каникул до 12 сентября].
- 11, 12 Статистические сведения о евреях: [Из «Северной почты»].
- 12 Действия правительства: Об изменении порядка пере-

- хода евреев в сельское состояние. Об отмене постановления о переселении евреев в земледельцы.
- 13, 14 Н. Г. Несколько слов о еврейских училищах: [Из «Голоса»].
- 13 Действия правительства: О дозволении определять на службу по ведомству Министерства народного просвещения евреев-врачей, не имеющих высшей ученой степени.
- » Открытие еврейской девичьей двуклассной школы в Витебске: [Из «Витебских губернских ведомостей»].
- 14 Вильна: [Отчет Виленской женской гимназии за 1865/1866 г. Из «Виленского вестника»].
- » Из Могилева-Подольского: [Распространение хасидизма в Могилевской губернии, вражда приверженцев сквирского и садогурского цадиков. Из «Киевлянина»].
- 15, 16 Лякуб П. К вопросу о казенных еврейских училищах.
- 15 О частных школах для еврейских девиц в Минске.
- 16 «Московские ведомости» о распространении русского языка между евреями.
- 17 От редакции «Гакармеля»: [Предисловие перед публикацией отрывка из книги д-ра Гретца «История евреев» «Краткий очерк развития учения Талмуда в землях, входивших в состав бывшей Польши»].
- » Из г. Острова Вольнской губернии: [Роль еврейских училищ в образовании еврейских детей в русском духе. Из «Голоса»].
- 18 Заметка о воспитании детей между евреями в г. Минске: [Из «Минских губернских ведомостей»].
- » Библиографический указатель: [О выходе из печати книги: Краткое описание математических, астрономических и астрологических рукописей из коллекции Фирковичей, хранящейся в Императорской публичной библиотеке в СПб./ Сост. И. Гурлянд. СПб., 1866].
- » Вильна: [О рекомендации Виленским управлением учебного округа книги «Первые уроки русской грамоты», составленной Герштейном и Левандой, в качестве учебного пособия для еврейских училищ].
- » Из Умани: [О фанатиках-хасидах, нападавших на женщин в кринолинах. Из «Киевлянина»].
- 19 Вильна: Экзамены в начальных еврейских училищах г. Вильны.
- » Гродно: Экзамен в казенном еврейском училище 1-го разряда: [Из «Гродненских губернских ведомостей»].

- 19 Минск: Открытие еврейского училища для купеческих детей: [Из «Виленского вестника»].
- 20 Минск: [Отрывок из речи общественного раввина З. Минора при открытии в Минске еврейского купеческого училища. Из «Минских губернских ведомостей»].
- 21 О еврейском вопросе: [О евреях, стремящихся слиться с русским народом, сохранив свою веру. Из «Гродненских губернских ведомостей»].
- 21, 22 *Гурвич О.* Взгляд на общественную гигиену у евреев.
- 21 Гродно: [Об открытии двух частных школ для обучения еврейских мальчиков русскому языку. Из «Гродненских губернских ведомостей»].
- » Минск: [Благодарность губернского начальства мозырскому 2-й гильдии купеческому сыну Александрову за участие в устройстве в Мозыре холерной больницы во время эпидемии. Из «Минских губернских ведомостей»].
- » Объявление Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России: [Назначение почетным членом общества Г. Е. Гинцбургом премии за лучшее сочинение на тему «Уголовное право и уголовное судопроизводство по еврейскому законодательству сравнительно с римским правом»].
- 22 [Сообщение Комитета Общества для распространения просвещения между евреями о задержке рассылки «Сборника статей» Общества].
- » Люблин: [Торжественное открытие в Люблине 27 сентября двухклассного еврейского училища. Из «Люблинского вестника»].
- 24 Настоящее положение евреев в Северной Германии и Пруссии.
- 25 *Иссерс М.* Соломон Зульцер: [Об известном венском канторе и композиторе].
- 26—27 Труд и его значение у древних евреев.
- 26 Митава: [Сбор средств митавскими евреями на учреждение школы для девиц, носящей имя «Мариинской», в память бракосочетания великой княгини Марии Федоровны. Из «Биржевых ведомостей»].
- » Статистика еврейского населения в европейской России: [Данные из «Календаря на 1867 г.», изданного Н. Г. Овсянниковым, о численности еврейского населения по всем областям и губерниям].
- » Ростов-на-Дону: [Предложение городского головы Ростова синагогальному управлению составить проект Ус-

- тава Общества погребателей в Ростове для упорядочения обряда похорон и приведения в порядок кладбища].
- 26 Библиографический указатель: [О выходе из печати книги: Русская грамматика: Для преподавания русского языка в еврейских училищах / Составитель М. Гурвич. Вильна, 1866].
- 27 Ковна: [Корреспондент газеты «Неделя» о состоянии образования и общественной жизни ковенских евреев].
- » Библиографический указатель: [О выходе из печати книги: Пиркэ Абот, то есть изречения учителей синагоги, или Трактат о принципах / Пер. с евр. Е. Б. Левин. СПб., 1866].
- » [Отрывок из предисловия к книге «Пиркэ Абот»].
- 28 *Гордон Л.* [Речь, произнесенная смотрителем казенного еврейского училища в Тельшах при открытии частной школы для еврейских девиц. Из «Виленского вестника»].
- » Новороссия: [Об утверждении Министерством внутренних дел Положения Общества взаимного вспомоществования нуждающимся еврейским учителям в Новороссийском крае и в Бессарабии].
- » Варшава: [Об учреждении в Царстве Польском гимназий и прогимназий, ведущих преподавание на русском языке, в которых будет учитель-еврей для преподавания учения еврейской веры].
- » *Григорович С.* Умань: [Отклик на ошибочное отражение событий в Умани в заметке в «Киевлянине» (№ 79)].
- » Библиографический указатель: [О выходе из печати книги: *Гурлянд Я.* Очерк жизни и сочинений еврейско-германского философа XVIII столетия Моисея Мендельсона. Полтава, 1866. Ч. 1—2].
- 29 Устав Общества взаимного вспомоществования учителей-евреев Новороссийского края и Бессарабской области, утвержденный министром внутренних дел 7 сентября 1866 г.
- » *Левин Г.* Заметка: [По поводу издания ОПЕ «Сборника статей» на русском языке и статьи Ковнера в «Гакармеле». О целесообразности рассылки сборника ОПЕ в населенные пункты черты оседлости и перевода учебников русской истории и географии на древнееврейский язык].
- » *Гурвич О.* Вамбери: [О еврее-лингвисте, родившемся в Венгрии в 1832 г.].
- » Кейданы: [Благодарность кейданского общественного раввина Траубе за пожертвования в пользу больных во время эпидемии холеры].

- 30, 33 Исторический очерк врачебного искусства у евреев.
30, 31 *Исерс. Сэр Моисей Монтефиоре.*
30 *Михельсон И. Франкль:* [Об известном поэте, враче и историке, родившемся в Германии в 1810 г.].
- » Библиографический указатель: [О диссертации на степень магистра еврейской словесности кандидата Санкт-Петербургского университета И. Гурлянда, содержащей новые материалы по истории еврейской литературы XV столетия, исследование жизни и сочинений М. Куматяно, ученого раввина, математика и экзегета из Константинополя].
- 31, 32 *Оршанский И.* Простонародные песни русских евреев.
31 Заметка от редакции: [Отклик на статью о Монтефиоре в «Гакармеле» (№ 30—31)].
- 32 *Люблинский И.* Речь, произнесенная в молитвенном доме Виленского раввинского училища 7 января.
- 33 *Михельсон И.* Очерк истории хазар.
» [Сообщение Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России о статьях, не вошедших в состав сборника, изданного Обществом].
- » Библиографический указатель: [Информация о книге: Сборник статей по еврейской истории и литературе (СПб., 1866. Кн. 1. Вып. 1), издаваемой Обществом для распространения просвещения между евреями в России].
- » От редакционной комиссии. Оглавление: [Сборника статей по еврейской истории и литературе].
- 34—36 *М. М.-с.* О контроле над еврейскими училищами.
34 *Пахман А.* Ориенталист Юльяс Опперт: [Об известном ученом — знатоке истории древних народов Востока, родившемся в Германии в 1826 г.].
- » Гродно, 17 февраля: [О разрешении проповедовать в молитвенных домах исключительно общественным раввинам, облеченным доверием правительства].
- » *Биншток М., Рафалович Ф., Розенфельд Я.* Отчет о вспомогательной сумме студентам-евреям Университета Св. Владимира 1866 года.
- 35 *Гурвич О.* Несколько слов о направлении современного иудаизма в Западной Европе и России: [Из «Виленского вестника»].
- 36, 37, 41, 42 *Михельсон И.* Еврейский теолог и экзегет X столетия Гаон Саадия: [Составлено по Гретцу].
- 36 Херсон: [Кончина и похороны в Симферополе И. Д.

- Фан-юнга, пожертвования, сделанные его наследниками для еврейской богадельни].
- 36 *Брук*: [Благодарность Ковенского казенного еврейского училища 1-го разряда И. Гурлянду и А. Е. Гаркави за присылку их сочинений в библиотеку при училище].
- 37 *Михельсон И.* Библиографический указатель: [Рецензия на книгу: *Паперны А.* Критический обзор еврейской литературы, древней и новой. Вильна, 1867].
- » [Некролог знаменитому французскому ориенталисту С. Мунку. Родился в 1805 г.].
- » *Гинзбург А.* Еврейское женское для первоначального образования в Чернигове училище.
- 38 Высочайшее повеление: О дозволении принимать в медицинскую службу по ведомству Министерства внутренних дел лекарей-евреев повсеместно кроме столиц, Санкт-Петербурга и Москвы, с их губерниями: [Из «Северной почты»].
- » Вильна, 4 апреля: [Молебен в Большой синагоге за здоровье Александра II и всего августейшего дома, речь раввина Ш. Клячко на русском языке, торжественное молебствие в Виленском раввинском училище].
- » *Меерович И. Б.* Слово, произнесенное в молитвенной зале Виленского раввинского училища 4 апреля.
- » *Гольдштейн.* Поступок одного английского еврея: [Рассказ о М. Монтефиоре, воспитавшем сироту в христианском приюте, выполняя волю его отца-христианина].
- » [О принятии Ефруси в члены Одесского английского клуба в ответ на его благотворительную и общественно-полезную деятельность. Из «Одесского вестника»].
- » [Деятельность блюстителя Кременчугского еврейского училища Бромберга. Из «Одесского вестника»].
- » Субботне-воскресные еврейские школы: [Разрешение николаевскому городскому раввину Кагану открыть бесплатную школу и преподавать в ней по субботам и воскресеньям].
- » [Сообщение о приложенном к № 38 «Гакармеля» сочинении Г. Рабиновича «Общие основы естествоведения»].
- » Объявление: [О продаже аптеки с домом в г. Вилейке аптекарем Г. Натансоном].
- 39 *Биншток Л.* О Житомирском еврейском ремесленном училище.
- » От Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России: [Информация о годовом общем собрании].

- 40 *М**: [Выступление певца Даревского в Киеве].
- » *Гурлянд И.* Ученые труды профессора С. Мунка.
- 40, 42 Отчет правления общества «Труд» для распространения ремесленных знаний между евреями в Одессе за время с 31 июля 1864 г. по 1 января 1867 г., читанный секретарем правления Б. В. Бергензоном в общем собрании членов общества, бывшем 19 февраля 1867 г.
- 40, 43, 44, 47 *Паперна А.* Сатира и юмор в еврейской литературе.
- 41, 45 *М. М.-с.* Чем должны стать русские раввинские училища?
- 41 От редакции: [Заявление Альберта Гинзберга, ученого еврея при черниговском губернаторе, что автором корреспонденции в «Гакармеле» (№ 37) является не он].
- 42 Торжественное молебствие в молитвенном доме Уфимского еврейского общества 4 апреля 1867 г.: [Приводится текст речи раввина Лифшица в переводе на русский язык].
- » Вильна: [О выходе из печати первой части еврейской грамматики на русском языке, подготовленной учителями Виленского раввинского училища Бейлиным и Немзером].
- 43 *Герцберг И.* Профессор Оппенгеймер: [Об известном художнике-еврее, родившемся в Германии в 1799 г.].
- » Раввин-проповедник в христианской церкви: [О приглашении в христианскую церковь США раввина доктора Лилиенгаля, старшего раввина цинциннатских синагог, бывшего раввином в Риге и Петербурге].
- » Евреи в Турции: [Язык, одежда, занятия, нравы. Из «Русского вестника»].
- » [Намерения Пинского еврейского общества открыть в Пинске училище для купеческих детей по образцу Минского].
- » [Пожертвования уфимских евреев для православных христиан в день спасения царя. Из «Уфимских ведомостей»].
- 44 *Пумпянский А.* Речь, произнесенная в поневежском казенном еврейском училище 17 апреля 1867 г. поневежским раввином: [О необходимости русского образования для евреев. Из «Северной почты»].
- » [О судебном следователе-еврее Лякубе, раскрывшем шайку фальшивомонетчиков в Курмышском уезде Симбирской губернии. Лякуб — воспитанник раввинского училища, автор многих статей и корреспонденций в «Рассвете», «Сионе», «Гакармеле»].

- 45 [Торжественное испытание еврейских девиц в Законе Божиим и совершение обряда совершеннолетия 14 мая в Петербургской купеческой синагоге. Из «Петербургских ведомостей»].
- » *Исцер М.* [Некролог воспитаннику Житомирского раввинского училища А. Моргулису, скончавшемуся 15 июня 1867 г.].
- 46 *Зельцер Х.* Речь, произнесенная в Таганрогском казенном еврейском училище смотрителем оною по случаю чудесного спасения жизни государя императора Александра Николаевича, государя наследника цесаревича Александра Александровича и великого князя Владимира Александровича 28 мая 1867 г.
- 46, 47 *Таубер К.* Биография Иосифа-Соломона дель-Медико: [Займствована из книги А. Гейгера (Берлин, 1840)].
- 46 *Огнелюдов.* Письмо в редакцию «Гакармеля»: [О кишиневской гимназии, где введено преподавание еврейского Закона Божия, но преподаватель не получает жалованья 2 года].
- 47 *Проезжий.* Панорама Керченского еврейского общества.
- 48 *Константинов.* Мисс Ада Менкен: Пер. с нем. [О знаменитой актрисе, родившейся в 1841 г.].
- » Извлечения из протоколов заседаний Комиссии, учрежденной по предложению попечителя Киевского учебного округа для обсуждения вопроса о еврейских училищах.
- 49 *Биргер.* По поводу повести Леванды «Самуил Гимпельс».
- » *Мандельштам Л.* Русский праздник: [Стихотворение. Из «Московских ведомостей»].
- 50 *Е. П-г.* Об языке евреев, живших в древнее время на Руси.
- » [Борьба казенных еврейских училищ с меламедами, талмуд-торами, ешиботами. Роль частных училищ в увеличении численности учащихся казенных училищ. Из «Виленского вестника»].

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

1868/1869

1868. № 1—30 (19 янв.— 27 дек.); 1869. № 31—48 (10 янв.— 8 авг.)

- 1 Устав Одесского отделения Общества для распространения просвещения между евреями в России.
- » *Битин.* Заметка о евреях Северо-Западного края: [В защиту евреев. Из «Могилевских губернских ведомостей»].

- 1 *Лурье А.* Пинск: [Об экзаменах в Пинском казенном еврейском училище].
- 2 Значение Одесского отделения Общества для распространения просвещения между евреями в России: [Из Отчета Общества за 1866 г.].
- » *Р. Р.-э.* Белосток, 10 янв. 1868 г.: [Положение евреев, низкий уровень образования, изолированность еврейского населения. Открытие хоральной синагоги при еврейском училище 1-го разряда при активном участии зрителя училища Зандберга. Приводится текст речи надзирателя Виленского раввинского училища И. Люблинского].
- 3 Высочайшее повеление: [О дополнении положения о льготах, преимуществах и денежных ссудах, представляемых при покупке казенных и частных имений в западных губерниях, и инструкции о порядке продажи казенных имений].
- » *Лумпянский К.* Ошмяны, 31 янв. 1868 г.: [Неосновательные обвинения в печати в адрес евреев].
- 3, 5, 6, 8 *Каценеленбоген М.* Влияние иудаизма на происхождение и развитие ислама по новейшим исследованиям.
- 3, 7, 9—11, 13 *Гольдштейн М. Я.* Евреи в Америке.
- 4 *Р. Р...э.* Семидесятилетний сон, или Потребность общегития: Талмудическая легенда.
- 5 [О пожертвованиях хлебом в пользу пострадавших от неурожая. Из «Голоса»].
- » Вильна, 23 февр.: [Сбор средств для помощи евреям и христианам, пострадавшим от неурожая в прошлом году].
- » Кейданы: [Выпечка хлеба и продажа его по низкой цене нищим жителям города зажиточными евреями по инициативе общественного раввина А. Трауба].
- » *Шляпеберский Г.* Шадов: [Помощь барона фон дер Роппе и его сестер шадовским евреям].
- 5—7, 9, 10 [Рецензия]: *Абрамович Ш. Я.* Отцы и дети: Роман из еврейского быта / Переделал на рус. яз. Л. Биншток. СПб., 1868.
- 6—8, 10, 11 Санкт-Петербург: Извлечения из протоколов заседаний Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России.
- 8 Ответы Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России.
- » [Благодарность Комитета Общества для распростране-

- ния просвещения между евреями в России Я. Буку из Белостока за полученные пожертвования].
- 8 Общество для распространения просвещения между евреями в России: Объявление: [О подготовке к изданию и подписке на 2 том «Сборника статей по еврейской истории и литературе»].
- 8, 26, 29, 32, 35 Ответы редакции.
- 9 [О предстоящих в сентябре выборах общественного раввина из окончивших курс в раввинских училищах в Николаеве].
- 10 [Награждение члена конторы Виленского госпиталя купца 2-й гильдии Лебенсона золотой медалью «За усердие»].
- » *Брауде Е. Г.* Вилькомир, 24 марта 1868 г.: [Благотворительный концерт в пользу пострадавших от неурожая, распространение средств среди нуждающихся независимо от вероисповедания].
- 11, 14, 15, 17, 19, 20 *Соболев:* [Объявление Николаевской городской думы Херсонской губернии о предстоящих в сентябре выборах в должность николаевского общественного раввина из выпускников Виленского и Житомирского раввинских училищ].
- 12 Вильна, 10 мая: [Гулянье, устроенное попечителем Виленского учебного округа П. Н. Батюшковым для воспитанниц и воспитанников учебных заведений в честь рождения сына великой княгини Марии Федоровны].
- » [Командировка за границу на 2 года кандидата Санкт-Петербургского университета А. Я. Гаркави. Из «Сенатских ведомостей»].
- » *Ч.* Полтава: [Отношение к образованию разных слоев еврейского населения, положение Полтавского еврейского училища].
- » *Ма *Як.* Опыт фельетона совершенно особого рода: [В связи со статьей Чугаевича в «Киевском телеграфе» (№ 42)].
- 13 Вильна, 24 мая.: [По поводу откликов на «Отчет Общества для распространения просвещения между евреями в России за 1867 г.» в «Голдосе» и «Биржевых ведомостях». Приводится отрывок из передовой статьи «Биржевых ведомостей»].
- » *Г. С. Каценеленбоген.*
- 13, 17, 19, 20 [Информация о выходе из печати книги: Пиркэ Абот, то есть изречения отцов синагоги, или Трактат о прин-

- ципах: Еврейский текст с русским переводом / Пер. с евр. Е. Б. Левина. СПб., 1868].
- 14, 16 Выдержки из «Отчета Общества для распространения просвещения между евреями в России».
- 14 *Станиславский С.* Екатеринослав: [О строительстве новой еврейской больницы].
- 15 [О высочайшем повелении признавать потомственного почетного гражданина Санкт-Петербургского 1-й гильдии купца Г. Гинцбурга гессен-дармштадтским генеральным консулом в Санкт-Петербурге. Из «Голоса»].
- 16 Памятник по случаю чудесного спасения государя императора 25 мая в Париже: [О предполагаемой установке по инициативе еврейского общества памятника на главной площади Житомира].
- » [Письмо в редакцию «Голоса» одного из членов Общества для распространения просвещения между евреями в России в ответ на упреки, сделанные газетой в адрес Общества].
- » [Закладка еврейской общиной Либавы новой синагоги. Освящение синагоги митавским раввином Пухером. Из «Биржевых ведомостей»].
- 16, 17 *Сливицкий И. А.* Кавказские евреи: [Выдержки из статьи, помещенной в приложениях к газете «Кавказ» за 1868 г.].
- 17, 20 *Каценеленбоген М.* Еще об Обществе для распространения просвещения между евреями в России: [Письмо в редакцию].
- 18 Изъявление благодарности: [Пожертвование владельца местечка Друскеники полковника Штрэндмана неимущим больным — посетителям минеральных вод].
- » [Корреспонденции из Вильны по еврейскому вопросу в «Санкт-Петербургских ведомостях»].
- » *Станиславский С.* Авраам Мапа.
- 18, 19, 21, 22 *Лернер О.* Аксенфельд и его сочинения: [Выдержки из кн.: Критический обзор появившихся недавно на еврейско-немецком жаргоне сочинений И. Аксенфельда и направления их вообще. Одесса, 1868].
- 19, 32, 33 Выпуск раввинов и педагогов: [Список выпускников Виленского раввинского училища, удостоенных звания раввина, учителя первого и второго разряда за 1866—1868 гг.].
- 19 *Кулькес И.* Слуцк: [Пожар в Слуцке и пожертвования в пользу пострадавших].
- 20 [Пожалование старшего врача Виленского еврейского

- 20 госпиталя Л. Самельсона орденом Святого Станислава 2-й степени для нехристиан. Из «Виленского вестника»]. Копия с циркулярного предложения г. главного начальника Северо-Западного края гг. губернаторам от 17 июля 1868 г. за № 94: [О прекращении деятельности погребальных братств, не разрешенных правительством. Из «Виленских губернских ведомостей»].
- » Москва: [Приобретение строителем железных дорог в России Поляковым участка для строительства в Москве синагоги с богадельней и школой для евреев. Из «Голоса»].
- » Гродно: [Закладка еврейской больницы, на церемонии присутствовал губернатор князь Кропоткин].
- 21, 23 Извлечения из протоколов заседаний Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России.
- 21 [Фабричная деятельность евреев в Гродненской губернии. Из «Виленского вестника»].
- 21, 30, 36, 42 *Пумпянский К.* Ошмяны: [С натуры].
- 22 Распоряжение по Министерству внутренних дел: [Устав Общества взаимного вспоможения приказчиков и коммерческих служителей из евреев в г. Бердичеве. Из «Северной почты»].
- » Белая Церковь: [Влияние цадиков на еврейское население, нежелание родителей отдавать детей в гимназии. Из «Московских ведомостей»].
- » [Выдержки из «Журнала Министерства народного просвещения» за июнь. Вопросы преподавания отдельных предметов на русском языке в казенных еврейских училищах, хедерах и гимназиях].
- 23 *Манасевич Ф.* Томск: [Письмо в редакцию. Посещение синагоги, построенной братьями Яковом и Борисом Хотимскими, великим князем Владимиром Александровичем].
- » *К. Т.* Речица: К вопросу о раввинах.
- 23, 25 [Информация о выходе из печати книги: *Сегаль Б.* Начальное учение о Моисеевом законе: Религиозно-нравственная законоучебная книга для религиозного юношества. Варшава, 1868].
- 24 Вильна, 18 сент.: [Обращение редакции к образованным евреям небольших городов с просьбой сообщать свои наблюдения о жизни еврейского общества].
- » *Пумпянский К.* Ошмяны, 1 сент. 1868 г.: [О занятиях евреев].

- 24—27 *Грец.* Франк и франкисты: История одной секты второй половины XVIII столетия: [Изложение статьи. Из «Биржевых ведомостей»].
- 25 Распоряжения по Виленскому учебному округу: [Из «Виленского вестника»].
- » Посещение г. главным начальником Северо-Западного края еврейских учебных заведений.
- » Минск: [Речь общественного раввина З. Минора 26 авг. в день коронавания императора в Минской синагоге].
- 26 Вильна, 4 ноября: [О деятельности молодого ростовского раввина Ф. О. Гнесина, воспитанника Виленского раввинского училища].
- » Ростов-на-Дону: [Открытие и освящение синагоги 30 августа в день тезоименитства императора. Приводится текст адреса, врученного раввину Гнесину еврейским обществом, и пересказ речи городского головы А. М. Байкова].
- 27 Список лиц еврейского вероисповедания, которые имеют свидетельство на право обучения русской грамоте в частных домах, выданное дирекцией Виленского раввинского училища в 1864, 1865, 1866 и 1867 гг.
- » Просьба петербургского купечества: [Обращение 18-ти представителей различных отраслей торговли и промышленности к министру внутренних дел и министру юстиции с просьбой об облегчении пребывания евреев во внутренних губерниях: Из «Санкт-Петербургских ведомостей»].
- » Диспут в университете: [О защите диссертации кандидатом восточного факультета по еврейско-арабскому отделению Гаркави. Из «Биржевых ведомостей»].
- » Дополнительные сведения о постройке и освящении новой синагоги в г. Ростове-на-Дону: [Описание здания, средства на ее постройку. Приводится отрывок из речи раввина Ф. О. Гнесина, произнесенной на открытии синагоги].
- 27, 33, 41 Ответы Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России.
- 27, 28 [Информация о выходе из печати книги: *Пинскер С.* О еврейском склонении / Пер. с евр. Ю. Бардаха. Одесса, 1868].
- 28 Вильна, 22 нояб.: [Празднование дня рождения великой княгини Марии Федоровны].
- » Рига: [Постройка и освящение синагоги].
- » [Обсуждение на заседании Педагогического совета Ви-

- ленского раввинского училища вопроса о составлении руководств и учебников для преподавания еврейских предметов на русском языке].
- 28 *Якрин М.* Вильна, 24 нояб.: [Заметка для «Вестника Общества покровительства животным». Приводятся выдержки из «Правил закальвания»].
- » [Некролог воспитаннику Виленского раввинского училища Самуилу Райзу].
- 29 Мнение Педагогического совета Виленского раввинского училища о печатании русских книг еврейским шрифтом.
- » *Ма*Як.* Вильна, 9 дек.: [Заметка о Житомирском раввинском училище].
- » [О присвоении звания учителя казенного еврейского училища 2-го разряда Педагогическим советом Виленского раввинского училища В. Финну после испытания в объеме полного педагогического курса].
- 30 *Лернер О.* Одесса, 15 дек. 1868 г.: [Письма из Одессы].
- » Извлечения из протоколов заседаний Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России.
- 31, 33, 34 [Список лиц, получивших меламедские свидетельства в 1868 г., опубликованный дирекцией Виленского раввинского училища].
- 31—33 К истории введения русского языка в преподавание еврейских предметов в Виленском раввинском училище.
- 31 *Станиславский С.* Польские евреи.
- 31, 32, 34, 36 [Информация о выходе из печати книги: *Тарнополь И.* Опыт современной осмотрительной реформы в области иудаизма в России: Размышления о внутреннем и внешнем быте русских евреев. Одесса, 1868].
- 32 Вильна, 15 янв.: [Благотворительная лотерея в доме купца О. Гаркави в пользу бедных учеников Виленского раввинского училища].
- » Письмо А. М. Бродскому: [Коллективное письмо молодежи председателю еврейского отдела Одесской думы, утверждающее, что различие религий не является препятствием для единения евреев с русскими. Из «Одесского вестника»].
- » Из Санкт-Петербурга: [Приведение к присяге в новой синагоге раввином Нейменом шести евреев-лекарей, выпускников Медико-хирургической академии. Из «Нового времени»].

- 32 Лотерея-аллегри в пользу бедных евреев г. Могилева: [Из «Могилевских губернских ведомостей»].
- » Библиографическое известие: [О готовящемся издании на русском языке книги Штейнберга «Руководство к изучению языков еврейского и халдейского»].
- 33 Вильна, 24 янв.: [Учреждение общественного стола для бедных в Ковно].
- » *Скурхович К.* Ночь в синагоге: [Опыт еврейской баллады].
- 34 Протокол общего собрания членов Общества для распространения просвещения между евреями в России, происходившего 29 декабря 1868 г.
- » Речь, произнесенная 7 декабря истекшего года в молитвенном доме Раввинского училища воспитанником 10-го класса Марком Померанцем.
- 35 Циркуляр начальника Гродненской губернии от 9 декабря 1868 г.: [О нарушении правила указывать имя мела-меда на вывесках частных еврейских школ. Из «Виленского вестника»].
- » [Заседание Временного комитета для установления пособия нуждающимся евреям Ковенской губернии; приводятся сведения о возрастающей нужде еврейского населения в губернии].
- » *Г.* О прекращении среди гродненского еврейского общества бродячего нищенства.
- » *Гинзбург А.* Пурим: Шутка (коли хотите).
- 36 *А. В.* Речь, произнесенная в молитвенном доме Виленского раввинского училища 30 ноября 1868 г.
- 37 Сообщение Виленского губернского правления от 13 января сего года № 391 на имя директора Виленского раввинского училища: [О разрешении евреям открывать частные или общественные училища (на основании Правил о состояниях инородцев)].
- » Выписка из журнала Ученого комитета Министерства народного просвещения 7 октября 1868 г. (№ 218): [Отзыв попечителя Виленского учебного округа Весселя о книге: *Герштейн, Леванда.* Первые уроки русской грамоты].
- 38 [Пожертвование почетного блюстителя Виленского раввинского училища А. Б. Лебенсона в пользу ученической библиотеки].
- 38, 46 К вопросу о раввинах и кое-что о проекте учреждения раввинской консистории: [Из «Санкт-Петербургских ведомостей»].

- 38—40, 43, 45 *Баскин С.* Евреи в Китае.
- 38 Поправка: [Ошибки, допущенные в № 37 «Гакармеля»].
- 39 Извлечение из протоколов заседаний Комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России.
- » *Пумпянский А.* Поневеж, 2 марта 1869 г.: Письмо в редакцию. [Организация благотворительности, ликвидация нищенства, помощь бедным евреям в праздник Пасхи].
- 39—41, 43 [О возобновлении с мая 1869 г. органа русских евреев «День», выходящего в Одессе под редакцией С. С. Орнштейна. Еженедельник будет издаваться по программе «Рассвета» и «Сиона»].
- 40 *Невяжский И.* Ковно: [Празднование еврейским обществом 19 февраля — дня восшествия на престол Александра II].
- » Дисна: [Деятельность казенного еврейского училища и его почетного блюстителя лекаря С. Иохельсона. Из «Виленского вестника»].
- 40, 41 *Вилковир И.* О еврейском языке.
- 41—43 *Леванда Л.* Еще к раввинскому вопросу: [Перепечатка из «Виленского вестника» с разрешения автора].
- 43 Вильна, 2 мая: [Торжественный молебен в молитвенном доме Виленского раввинского училища в день рождения Александра II, речь воспитанника 10-го класса М. Померанца].
- » *Гинзбург А.* Отрывок из поэмы «Жид».
- 44, 45 Отчет о действиях Ковенского временного комитета для пособия беднейшим евреям Ковенской губернии со времени учреждения по 24 марта 1869 г.
- 44 *Скурхович К.* Шева-бен-Бихрей: [Баллада. Из «Второй книги царств»].
- 45 Местечко Биржы: [Письмо в редакцию. Помощь христианского населения бедствующим в неурожайные годы евреям Биржы].
- Прил. к №№ 45—48 Опыт перевода Мишны на русский язык. Берахот / Составители А. Воль, В. Каган.
- 46 [Пожалование ученому еврею мещанину Г. Шкляверу, смотрителю Виленского еврейского госпиталя, серебряной медали «За усердие»].
- » Посещение г. главным начальником Северо-Западного края еврейских учебных заведений г. Вильны.
- » Друскеники: [Благотворительная деятельность владельца местных минеральных источников полковника

- Штрандмана, устройство им больницы для бедных евреев].
- 46 [О необходимости развития народного образования в Юго-Западном крае, о намерении бердичевского банкира Горовица пожертвовать свой дом для русской гимназии. Из «Киевлянина».]
- » *Гурвич О.* Из Гродны: [Пожертвования германских евреев страдающим от неурожая евреям Гродно].
- 47 Высочайшие награды: [Пожалование ученому еврею при попечителе Виленского раввинского училища С. Финну и инспектору Виленского раввинского училища Х. Каценеленбогену серебряных медалей «За усердие»].
- » Друскеники: [Посещение еврейской лечебницы главным начальником Северо-Западного края А. Л. Потаповым и его пожертвование в пользу лечебницы].
- » [Об обращении бориспольских евреев в спорных ситуациях к новому суду, а не к суду раввинов. Из «Киевлянина»].
- » Еврейский синод в Лейпциге.
- » О действиях общинного сейма: [Предложение доктора Филипсона оказать помощь бедствующим евреям в западных губерниях].
- » Мнение газеты «Весть» о еврейском вопросе в России.
- » [Информация о выходе из печати книги: История еврейского народа в библейском периоде / Сост. Б. Сегаль. Варшава, 1869].
- 48 Выдержки из «Отчета Общества для распространения просвещения между евреями в России за 1868 г.».
- » Поправка: [К. № 45 «Гакармея»].

Составитель А. БРЖЕЗОВСКАЯ



ХРОНИКА

ЕВРЕЙСКАЯ МУЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

Под таким названием 18—20 июня 1996 г. в Москве, в здании Президиума Российской академии наук, состоялась конференция, в которой приняли участие музыковеды, композиторы, музыканты-исполнители, педагоги, аспиранты, студенты из России, Украины, Беларуси, Молдовы. Конференция была организована центром «Сэфер» и Государственной еврейской академией имени Маймонида (ГЕА) при поддержке Московского отделения «Джойнта». На ней были прочитаны 24 доклада. Перед началом конференции с вступительным словом к собравшимся обратился директор «Сэфера» кандидат исторических наук В. Мочалова. Ректор ГЕА профессор В. Ирина в своем выступлении сформулировала основные задачи конференции.

Доклады отличались насыщенностью фактическим материалом. В них поднимались острые вопросы, для решения которых (это было общее мнение) требуется консолидация всех, кому дорого настоящее и будущее еврейской музыки. Отмечалось, что еврейская музыка как предмет практически не изучается в еврейских школах, что сюжеты, связанные с еврейской музыкой, отсутствуют в общих курсах истории музыки в средних и высших музыкальных учебных заведениях. За редким исключением, не издаются труды по еврейскому музыкальному наследию, даже выпуск аудиозаписей еврейской профессиональной и народной музыки носит случайный характер. Несмотря на это, еврейская музыкальная жизнь продолжается, и информация о ней явилась важным положительным моментом в работе конференции.

В России в настоящее время по разнообразию еврейской музыкальной жизни ведущее место принадлежит Санкт-Петербургу. Достаточно перечитать страницы санкт-петербургской еврейской независимой газеты «Народ мой — Ами» за текущий год, чтобы в этом убедиться. В январе была опубликована программа Центра еврейской музыки о серии концертов «Вечера еврейской музыки в Санкт-Петербурге»: «Антология народной песни» (февраль), «Современная еврейская музыка Петербурга» (март), «По следам народного театра «Пуримшпиль» (апрель), «Еврейская музыка начала XX века» (май), «Библейская тема в русской

музыке» (июнь). Добавим к этому опубликованные в газете объявления о лекциях и концертах: «Наше музыкальное наследие» (беседа о народных песнях в творчестве еврейских композиторов), лекция-концерт «Псалмы Давида», «Песенная культура Израиля (на примере израильской массовой песни)». Широкой известностью пользуются выступления замечательного кантора и исполнителя еврейских песен Б. Финкельштейна, молодой талантливой певицы Л. Авербах, детских ансамблей еврейской музыки «Кле-Земер», «Пуримшпиль» и др. Издается журнал «Еврейская школа», где печатаются статьи о музыке и еврейском музыкальном образовании. Впервые была опубликована антология «Еврейская народная песня» (1994), проводятся совещания, семинары, конференции по еврейской музыке.

На конференции «Сэфера» с интересом был прослушан доклад преподавателя Музыкального училища и Лицея при консерватории в Нижнем Новгороде Н. Лашковой о проблемах преподавания еврейского музыкального наследия в курсах музыкальной литературы и истории музыки. Развернутую аннотированную программу лекции «Еврейские песенные традиции», разработанную членом лекторской группы городского лектория в Самаре С. Кацтовым, привел в своем докладе С. Августевич. Л. Хацкелевич из Екатеринбурга познакомила с программами концертов Клуба ЮНЕСКО «Екатеринбургская музыкальная гостиная». Наконец, для большинства участников конференции было новостью то, что они узнали об Академии им. Маймониды, особенно о ее музыкальном факультете, который справедливо может быть назван «московской еврейской консерваторией».

Высокой оценки заслужили подготовленные под руководством ведущей кафедрой отечественной музыки доцентом В. Ражевой доклады, с которыми на конференции выступили студенты и выпускники академии. Факультет мировой культуры с профессором А. Богдановой в качестве ведущей дал концерт для участников конференции и ее гостей в Государственном центральном музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки. В концерте прозвучали инструментальные и вокальные произведения Юлия Энгеля — основоположника еврейской профессиональной музыки, и «Токката» для арфы израильского композитора А. Майяни, которая была с блеском исполнена ассистентом-стажером академии Я. Ириной. Украшением концерта стало выступление выпускника академии баритона И. Ерофеева. Несмотря на испытываемые академией трудности (отсутствие постоянного помещения для занятий), ее деятельность приобретает все больший размах. На одной из кафедр, например, изучается еврейский музыкальный фольклор ашкеназов.

Два доклада на конференции были посвящены еврейской музыкальной культуре на Украине. Еврейско-украинские музыкальные связи

имеют большую историю, в основном они известны, поэтому больший интерес вызвали доклады о еврейской музыке в Беларуси и Молдове.

В своем докладе «Музыкальный еврейский фольклор Беларуси» доцент А. Двилянский затронул несколько тем: о результатах его фольклорных экспедиций по собиранию народных песен белорусских евреев, о рукописи С. Магид «Баллада в еврейском фольклоре» в связи с ее фольклорными экспедициями в Беларуси, о первом Всебелорусском фестивале еврейской культуры в январе—марте 1966 г. Последняя тема вызвала наибольший интерес.

Подготовка к фестивалю, заключительный концерт которого состоялся в Минске 17 марта 1996 г. и стал, по словам Двилянского, выдающимся событием еврейской художественной жизни современной Беларуси, началась еще с осени 1995 г. В решении о проведении фестиваля было сказано, что в содержании концертных программ должны найти отражение богатая история еврейского народа, его традиции и праздники, тема Катастрофы, современная жизнь евреев в диаспоре и в Израиле, 3000-летие Иерусалима. Заключительный концерт фестиваля длился 5 часов. Первое отделение было целиком отдано детям. Каждый из номеров концерта заслуживает отдельного освещения, особенно выступление Оркестра народных инструментов из города Лида под управлением А. Величкина. Были исполнены три танца «Фрейлехс», народная песня «Шпил» и «Сюита на темы еврейских песен». В заключительной части концерта принял участие Театр еврейской песни из Витебска «Просторы» («Мерхавим»).

Иначе развивается музыкальная культура в Молдове, где на волнах первой программы радио Молдовы выходит два раза в месяц в течение последних пяти лет еврейский музыкальный радиожурнал «Идише лебн» («Еврейская жизнь»). Составителем и ведущим журнала с первых дней его существования является профессиональный пианист, глубокий знаток еврейской музыки Серго Бенгельсдорф. Основной язык передачи — идиш, также передачи идут на русском языке, румынском и иврите. Еврейская музыка в передачах звучит постоянно. «Избранная форма журнала,— сказал в своем докладе Бенгельсдорф,— представляется самой гибкой для наших передач». Приняв за основу композиции радиожурнала принцип органичного сочетания слова и музыки, опираясь на традиции еврейского театра, в драматургии которого музыка всегда играла очень важную роль, «Идише лебн» использует музыку в зависимости от содержания каждого сюжета. Еще за полтора года до появления первой передачи, в апреле 1989 г., в Кишиневе было создано Общество еврейской культуры, в правление которого вошли четыре профессиональных музыканта, провозгласивших девиз, что еврейская музыка должна создаваться и исполняться прежде всего профессиона-

лами. К еврейской музыке в своем творчестве постоянно обращаются известные в Молдове композиторы Злата Ткач, Владимир Биткин, Борис Дубоссарский — актив журнала «Идише лебн». На радио привлекли к исполнению еврейской музыки ведущую солистку оперы Ирину Мишуру-Лехтман.

На конференции «Сэфера» значительная группа докладов касалась вопросов теории и истории еврейской музыки, ее связей с современным музыкознанием, музыкальным творчеством, фольклористикой и источниковедением. Предполагается, что их освещение найдет свое место на страницах специальных музыковедческих изданий.

Конференция «Еврейская музыка: проблемы изучения и преподавания» закончилась «круглым столом». Единогласно было принято решение о создании секции «Еврейская музыка» центра «Сэфер» наряду с уже существующими шестью секциями, такими, например, как «Еврейская литература», «Проблемы еврейского образования», «История евреев в России»...



CONTENTS

RESEARCH

History

- I LEVINSKAYA (St. Petersburg). **Jewish Self-Identity and the Jewish Tax (Fiscus iudaicus)**
- V. NAKHMANOVICH. **Breaking Out of the Pale: The history of the passing of the law regarding the right to residency of Jewish traders of the first guild throughout the Russian Empire.**
- R. GANELIN (St. Petersburg). **The Jewish Question and the Internal Politics of Russia in 1915.**
- V. KELNER (St. Petersburg). **The Jewish Question and Russian Social Life in the years of the World War I.**
- L. SMILOVITSKY (Jerusalem). **The Soviet Jewish school in Byelorussia in the 1920s and 30s.**

Ethnology

- M. KARAKETOV. **The Khazar-Jewish Legacy in the Traditional Culture of the Karachayevtsi.**

Cultura

- A. ZHAMKOCHAN (Yerevan). **Eastern Sources of «The Tale of the Golden Cockerel» of A.S. Pushkin.**
- R. GENZELEVA (Jerusalem). **Israel Metter's Story «The End of Childhood» and the Russian-Jewish Literature of the 30s (the problem of Jewish national self-identity).**
- L. SHOLOKHOVA (Kev). **From the Materials of M. Beregovsky's First Ethnographical Expedition.**
- R. KAPLANOV. **Antonio Nunez Ribiero Sanchez — the first Jewish intellectual in the Russian Empire.**

ARCHIVES

Publications

«Active Zionist Forces are Growing Among the Jewish Masses with Frightening Speed». Published by V. Guseyev.

Memoirs

R. LERT. **The Jewish Pogrom in Kiev in 1919**. Published by I. Engelhardt.

REVIEWS. BIBLIOGRAPHY

- A. LOKSHIN. **Review of K. Gassenschmidt's. Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia, 1900—1914: The Modernization of Russian Jews**. Macmillan, Oxford, 1995.
- A. L. **Review of S. Dubnova-Ehrlich's. Bread and Matzah: Memoirs and Poetry of different years**. St. Petersburg, 1994.
- E. ZHYKOVSKY. **Review of G. Rozovsky's University: Owner's Handbook**. Moscow, 1995.
- Summary of «Supplement to the journal "Gakarmel"»**. Editor A. Brzhezovskaya. Continuation.

CHRONICLE

- B. GRANOVSKY. **Jewish Music: Problems of learning and teaching**.



SUMMARY

I. LEVINSKAYA

Jewish Self-Identity and the Jewish Tax (Fiscus iudaicus).

The author analyzes the problem of Jewish self-identity and the attitude of Roman Empire's authorities towards the Jews and supporters of Judaism in the 1st century A.D.

V. NAKHMANOVICH

Breaking Out of the Pale: The history of the passing of the law regarding the right to residency of Jewish traders of the first guild throughout the Russian Empire.

The article relates to the history of the development and passing of the law of April 3, 1859, granting residence to Jewish traders of the first guild on the territory of the Russian Empire.

R. GANELIN

The Jewish Question and the Internal Politics of Russia in 1915.

This article deals with the relationship of different government groups and departments, the directorship of political parties (mainly cadets and Octobrists) to the situation of Jews in Russia during the years of the First World War. The author analyzes the series of debates within the Union of Ministers on the 4 to the 6th of August, 1915, which led to the factual abolition of the Pale of Settlement in August of that year.

V. KELNER

The Jewish Question and Russian Social Life in the years of the World War I.

The article is dedicated to the research of the relationship between Russian society and the Jewish intelligentsia in terms of its impact on the Jewish question in the years of the First World War. The article examines the history and activities of «The Russian society as a basis for the study of Jewish Life», put together under the initiative of M. Gorky, L. Andreyev and F. Sologub, questions of the preparation and publication of the collection of articles entitled «Schield» (M., 1915).

L. SWILOVITSKY

The Soviet Jewish school in Byelorussia in the 1920s and 1930s.

The author looks at the history of the organization and activity of the Soviet Jewish school, characterizing the position of the Byelorussian authorities with regard to it.

M. KARAKETOV

The Khazar-Jewish Legacy in the Traditional Culture of the Karachayevtsi.

The article looks at Khazar-Jewish elements in the traditional culture of the Karachayevtsi.

A. ZHAMKOCHAN**Eastern Sources of «The Tale of the Golden Cockerel» of A.S. Pushkin.**

The article deals with different eastern sources of «The Tale of the Golden Cockerel». The author introduces the possibility of another source found amongst the Samaritanians in Egypt which describes a talking bird.

R. GENZELEVA**Israel Metter's Story «The End of Childhood» and the Russian-Jewish Literature of the 30s (The problem of Jewish national self-identity).**

Israel Metter's story «The End of Childhood» is viewed in the context of Russian-Jewish literature of the thirties as an example of the writer's national self-awareness.

L. SHOLOKHOVA**From Materials of M. Beregovsky's First Ethnographical Expedition.**

The author looks at the folklorical notes of the 1929 expedition which are kept in the Institute of Documents in the National Ukrainian Library, from the point of view of the evolution of folklore. The comparative analysis of different texts and the melodies of folk songs.



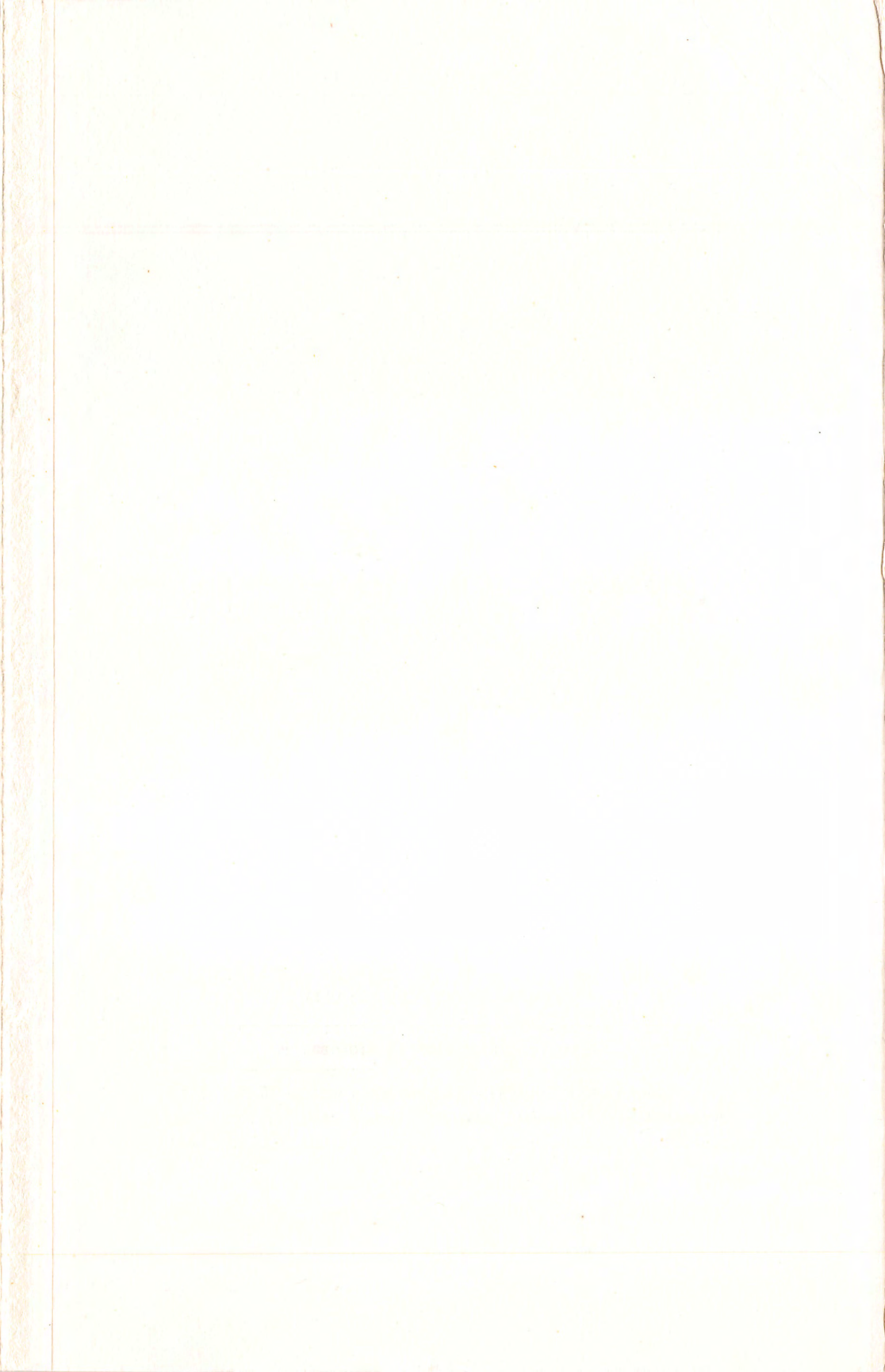
Лицензия № 30528 от 7.05.1993.

Адрес редакции: Москва, Моховая, 9.

Сдано в набор 20.02.97 г. Подписано к печати 20.04.97 г.
Формат 60×90¹/16. Бумага офс. № 1. Печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 16,2.

Тираж 1 000 экз. Заказ 1742

Типография № 2 ВО «Наука». Москва, Шубинский пер., 6.



ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Статья представляется в редакцию в двух машинописных экземплярах (1 и 2 экз.) либо в виде четких компьютерных распечаток (формат страницы и количество знаков на ней должны соответствовать машинописной странице). На странице должно размещаться 28—30 строк, напечатанных через 2 интервала, количество знаков в строке — 59—60. Объем статьи 1,5—2 а. л.

Список используемой и цитируемой литературы и архивных источников с комментариями должен быть помещен в конце статьи и пронумерован. Номера ссылок приводятся в тексте над строкой. Библиографическое описание источников дается по действующему стандарту, так, как это принято в современной научной литературе.

К статье прилагается краткое резюме объемом не более 0,5 стр.

Наш адрес: 103009, Москва,
ул. Моховая, 9, комн. № 329
Еврейский университет в Москве
Тел. 203-34-41.

